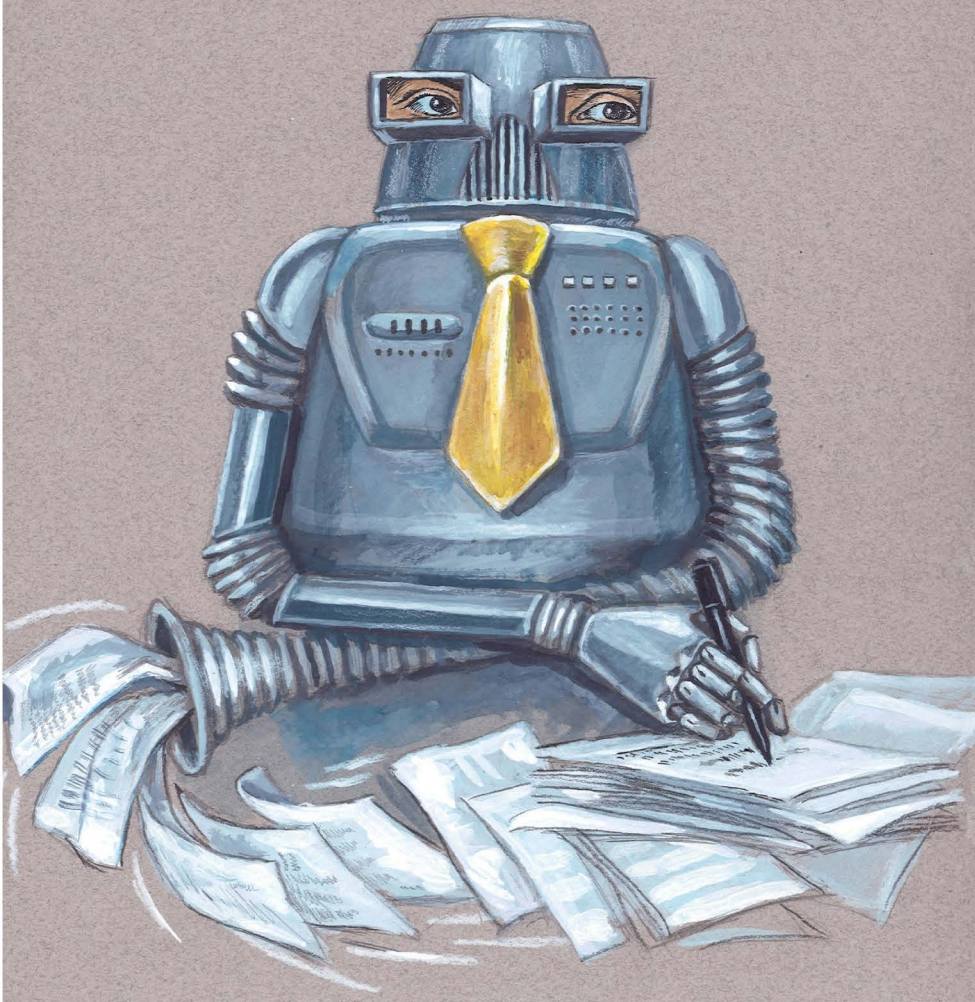

ISSN 0131-7652 (Print)
E-ISSN 2686-7605

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 12 2019 г.

Управление в цифровой экономике

12 (546) 2019

Главный редактор **В.А. КРЮКОВ**, академик РАН,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, президент РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мирносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н.; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н.; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н.; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н.; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н.; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н.; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н.; **Л.Н. Щербак**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

12 (546) 2019

Editor-in-chief, Member of RAS, **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE), SB RAS

Editorial Board:

A.G. Aganbegyan, Member of RAS, Russian Academy of National Economy and Public Service Sponsored by the Russian President; **A.O. Baranov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS, Novosibirsk State University; **R. Bardazzi**, PhD, professor, University of Florence, Italy; **E.B. Bukharova**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Institute of Economics, Management and Land Use, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; **I.P. Glazyrina**, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Chita; **L.M. Grigoriev**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Higher School of Economics, Moscow; **Jaе Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; **Hong Yul Han**, PhD, professor, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **V.V. Kolmogorov**, Cand. Sci. (Econ.), professor; **V.V. Kuleshov**, Member of RAN, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **S.N. Mironosetsky**, Member of BoD, Siberian Generating Company; **A. Moe**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute, Norway; **V.A. Nikonov**, Technopark of Novosibirsk Academgorodok; **V.I. Psarev**, Cand. Sci. (Econ.), Dr. Technical Sci., Interregional Association of the Economic Cooperation 'Siberian Accord', Altai State University; **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, Institute of Systems Analysis, RAS; **N.I. Suslov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS; **A.V. Uss**, Dr. Sci. (Law), professor, Governor of Krasnoyarsk Krai; **Sh. Weber**, PhD, Russian Economics School; **Yu.P. Voronov**, Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **Yutszyun Ma**, PhD (History), Russia Institute, Heilongjiang Academy of Social Sciences, Harbin, China; **Ze Shi**, Center of Energy Research, Institute of International Studies, Beijing, China; **V.I. Zorkaltsev**, Dr. Technical Sci., professor, Energy Systems Institute, SB RAS, Irkutsk.

Editorial Council:

A.V. Alekseev, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **S.Yu. Barsukova**, Higher School of Economics, Dr. Sci. (Sociology); **O.P. Fadeeva**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Sociology); **K.P. Gluschenko**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **E.V. Goosen**, Institute of Economics and Management of Kemerovo University, Cand. Sci. (Econ.); **E.A. Kapoguzov**, Omsk State University, Dr. Sci. (Econ.); **V.I. Klistorin**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **G.P. Litvintzeva**, Novosibirsk State Technical University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Melnikov**, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk State Technical University, Cand. Sci. (Econ.); **L.V. Melnikova**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **L.N. Shcherbakova**, Kemerovo University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Shmat**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **P.N. Teslia**, Deputy Editor-in-chief, Cand. Sci. (Econ.); **E.Sh. Veselova**, Deputy Editor-in-chief.

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS
Novosibirsk State University
Editorial Office of ECO journal

Prepared for publication by

ANO Editorial Office of ECO journal
Prospekt Akademika Lavrentyeva 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 4 Традиции и информация

Тема номера: УПРАВЛЕНИЕ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

- 8 ШВЕЦОВ А.Н.

От «электронного правительства»
к «цифровому государству»:
смысл и последствия новаций

- 27 КАПОГУЗОВ Е.А.,

РЕВЯКИН С.А.

Электронное общественное участие
в России: технология или институт,
соло или дуэт?

- 47 КОРЧАГИНА И.В.,

СЫЧЁВА- ПЕРЕДЕРО О.В.,

КОРЧАГИН Р.Л.

Чем различаются инновационные
экосистемы регионов-лидеров
и аутсайдеров?

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- 65 БУКИНА И.С.,

ОДИНЦОВА А.В.,

ОРЕХОВСКИЙ П.А.

Эффективность регионального
распределения человеческого
капитала и экономическое
развитие

- 90 ТУЛОХОНОВ А.К.

О «Национальной программе
развития Дальнего Востока»:
реальность и миражи

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- 105 КАНЕВА М.А.,

БАЙДИН В.Б.

Неравенство в доходе
и самооценка здоровья в России

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

- 124 ЛАВРОВСКИЙ Б. Л.,

ГОРЮШКИНА Е. А.,

ШИЛЬЦИН Е. А.

Инвестиционный ресурс
экономического роста:
не только количество

- 141 ХЛОПЦОВ Д.М.

Оценка стоимости земли
как фактор софинансирования
проектов развития городов
и территорий

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

- 154 ТАРАСОВА Ю.А.,

ХОХЛОВА Е.С.

Степень влияния банковского
сектора на страховой рынок

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- 170 КЛИСТОРИН В.И.

Вершины экономической мысли
конца прошлого столетия.
По мотивам книги Ю.П. Воронова
«Нобелевские лауреаты
по экономике (1997-2018)»

- 185 **Указатель статей и материалов,
опубликованных в 2019 г.**

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 Traditions and Information

Cover Story: THE MANAGEMENT IN DIGITAL ECONOMICS

- 8 SHVETSOV, A.N.
From «E-government» Towards
«Digital Governance»: the Meaning
and Consequences of Innovations
- 27 KAPOGUZOV, E.A.,
REYAKIN, S.A.
Electronic Public Participation
in Russia: Technology or Institute,
Solo or Duo?
- 47 KORCHAGINA, I.V.,
SYCHEVA-PEREDERO, O.V.,
KORCHAGIN, R.L.
What Is the Difference between
Components of Regional Innovation
Ecosystem Leaders and Outsiders?

REGIONAL DEVELOPMENT

- 65 BUKINA, I.S.,
ODINTSOVA, A.V.,
OREKHOVSKY, P.A.
Efficiency of Regional Human Capital
Distribution and Economic
Development
- 90 TULOKHONOV, A.K.
About the National Program for the
Development of the Far East:
Reality and Delusions

SOCIAL POLICY

- 105 KANEVA, M.A.,
BAIDIN, V.B.
Income inequality and Self-Assessed
Health in Russia

INVESTMENT POLICY

- 124 LAVROVSKII, B. L.,
GORYUSHKINA, E.A.,
SHILTSIN, E.A.
Investment Resource of Economic
Growth: Not Only Quantity
- 141 KHLOPTSOV, D.M.
Land valuation as a Factor
of Co-Financing Urban
and Country Development Initiatives

FINANCIAL ECONOMY

- 154 TARASOVA, Yu.A.,
KHOKHLOVA, E.S.
The Degree of Influence of the
Banking Sector on the Insurance
Market

BOOKSHELF

- 170 KLITORIN, V. I.
Tops of Economic Thought of the End
of the Last Century.
Inspired by the book "Nobel Prize
Winner in Economics (1997-2018)"
by Voronov, Yu. P.

185 Index of Articles

Традиции и информация

Переход от ресурсной модели экономического роста к модели, опирающейся на производство широкого спектра высокотехнологичных изделий и услуг, к чему стремится Россия, возможен только при очень гибком и обоснованном сочетании научно-технологических, экономических и социальных условий и обстоятельств.

Тезис о том, что столь амбициозные политико-экономические цели осуществимы лишь при наличии значительных финансовых ресурсов, консолидации общества, развитии современной инженерной, коммуникационной и прочих видов инфраструктуры, не нуждается в дополнительной аргументации. Этому посвящены многочисленные научные работы, это находит отражение в программных документах федерального и региональных уровней, об этом пишут общественно-политические СМИ. То есть по этому поводу в стране достигнут полный «консенсус».

Однако когда дело доходит до практического воплощения этого тезиса, выясняется, что каждая из сторон – различные ветви власти, население и бизнес (необходимо при этом разделять «окологосударственный» крупный, относительно независимый средний и свободный мелкий) – понимают и реализуют его по-разному.

Государство расширяет перечень форм и инструментов косвенного участия в экономике, в том числе в рамках «воссоздания» прав собственности на активы. Этот процесс сопровождается многочисленными поправками и дополнениями в ранее принятые законодательные и нормативные акты, многие из которых в итоге до неузнаваемости изменили свой первоначальный облик.

Бизнес – прежде всего, крупный и связанный с ним средний – сосредоточил свое внимание на отстаивании собственных предпочтений и исключений из ранее принятых нормативных актов и «завоеваний» периода радикальных реформ и преобразований.

Население – или общество в широком смысле слова – все больше ощущает свою отстраненность от процессов формирования не только «облика будущего», но и от «образа настоящего».

В то же время в мире, в ближайшем окружении набирают силу новые процессы. К их числу, несомненно, относится бурное, если

не сказать взрывное, развитие информационных технологий и так называемой экономики знаний, тесно связанное с опережающим развитием человеческого капитала. Для «канонического» порядка и сложившихся правил взаимодействия упомянутых сторон процесс, можно сказать, деструктивный.

Поэтому перед теми, кто причастен к управлению страной, встает очень непростая проблема – как приспособить сложившиеся практики взаимодействия государства, бизнеса и общества к быстро меняющейся действительности, не разрушая, но улучшая их.

Очевидно, что чрезвычайно важную роль в этом процессе играют традиции и обмен информацией. Как в свое время отметил Фридрих фон Хайек, «способность народа поддерживать свою численность находится в прямой зависимости от размеров капитала, имеющегося в стране, а также зависит от накопленных народом традиций и практик добычи и передачи информации»¹.

Именно об этом настоящий номер журнала – сами по себе новые технологии, конечно, важны, но далеко не достаточны. Не менее важно понимать живучесть традиций, устойчивость практик (например, управления) и осознавать, как они могут и должны изменяться в процессе трансформации информационных потоков в обществе и экономике (не только с точки зрения повышения осведомленности, но и вовлечения бизнеса и населения в их формирование).

То, что происходит в России в последние годы, со всей очевидностью иллюстрирует злободневность данного тезиса. К сожалению, характер происходящих изменений нельзя назвать ни системным, ни согласованным.

Наши авторы (см. статью Е. А. Капогузова и С. А. Ревякина), отмечая, что «сегодня в практике общественного участия и сопроизводства в рамках государственного управления в России активно используются электронные платформы», вынуждены констатировать, что эти новообразования «...фактически представляют собой более удобную технологию взаимодействия граждан с государственными органами, не внося принципиальных

---

¹ Хайек Ф. А. «Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Под ред. У. У. Бартли, III. М.: Издательство «Новости», 1992. 303 с. [С. 212].

изменений в существующие процессы и процедуры... принятия решений». Речь идет о рассогласовании процессов «цифровизации» государственного управления и повышения вовлеченности граждан в решение важных для общества вопросов и проблем. В очередной раз мы имеем дело с подменой задач роста общественной эффективности государства задачами управляемости рутинными бюрократическими процессами.

Ориентация на рост управляемости или «администрируемости», которая является непременным атрибутом жесткой властной вертикали выработки, принятия и реализации решений, приводит к тому, что «...лидирующие позиции регионов в различных рейтингах инновационного развития не всегда сочетаются с высокой результативностью инновационной деятельности» (статья И. В. Корчагиной, О. В. Сычевой-Передеро, Р. Л. Корчагина).

Недооценка роли традиций и тесной связи их изменения с процессами формирования информации порождает многочисленные парадоксы социально-экономического развития нашей страны. Не случайно В. М. Полтерович вынужден был констатировать: «... еще одна загадка российских реформ обнаруживается при сопоставлении динамики выпуска и доли приватизированных предприятий в промышленности (а также их доли в выпуске). Быстрая приватизация должна была привести к резкому росту эффективности. Эффективность, напротив, сильно снизилась, поскольку приватизация предприятий не повлекла их реструктуризации»².

Одна из причин возникновения подобных «загадок» при решении проблем развития информационно-коммуникационных технологий в нашей стране – «... *выхолащивание* первоначального смысла “информационного общества”; к настоящему времени приходится признать, что сложная суть и закономерность *вызревания* этого феномена в общественно-политическом дискурсе свелась к заведомо упрощенным представлениям» (статья А. Н. Швецова).

Почему это произошло, в общем, ни для кого не секрет – отсутствие системности в процессе информатизации (узкий технологический и тесно с ним связанный «освоенческий» подход), отсутствие связи с другими секторами экономики и сферами

---

² Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. 447 с. [С. 41].

жизни общества, необдуманное «забегание к зияющим высотам» при пренебрежении оценкой реального состояния дел.

Выход из ситуации, представленной на страницах настоящей тематической подборки, возможен только по пути всестороннего осмысления возникающих проблем и системного подхода к их решению, с непременным учетом имеющихся «традиционных» ограничений.

Открытое и заинтересованное обсуждение подобных проблем и вопросов – одно из важнейших условий гармонизации процесса изменений традиций с формированием информационной среды, адекватной реальным целям развития и экономики, и общества России.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

От «электронного правительства» к «цифровому государству»: СМЫСЛ И ПОСЛЕДСТВИЯ НОВАЦИЙ

А.Н. ШВЕЦОВ, доктор экономических наук,
ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Москва. E-mail: san@isa.ru

Аннотация. Эта обзорная статья показывает, как современные информационно-коммуникационные технологии преобразуют деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, в том числе при оказании ими государственных услуг населению. Информатизация органов управления рассматривается в контексте более общего процесса становления «информационного общества», но не только в качестве безусловного триумфа и блага научно-технического прогресса, но и как источник новых проблем и рисков. Даются оценка предпосылок, достижений и проблем создания «электронного правительства» и комментируются планы «цифровизации» государственного управления.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии; органы государственной власти и местного самоуправления; электронное правительство; цифровое государственное управление

Применение современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)¹ в деятельности органов власти и управления в последние два десятилетия расширилось наиболее динамично, став самым крупным сектором и «локомотивом роста» всей ИКТ-сферы. Государство тратит на информатизацию все больше – объем инвестируемых средств увеличивается в среднем на 5–6% в год. А национальная программа «Цифровая экономика», стартовавшая в октябре 2018 г., дала новый мощный содержательный и финансовый импульс информатизации госсектора в 2019–2024 гг.

Процесс распространения ИКТ в системе государственного управления имеет многоплановый характер – охватывает все её ветви и уровни, затрагивает всё многообразие задач и функций. Он находится в развитии и проходит в поэтапном режиме.

---

¹ Под информационно-коммуникационными понимаются современные технологии, использующие технические устройства микроэлектроники и программные средства для сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных, текстов, образов и звука.

«Информационное общество»: глобальный и национальный аспекты

Информатизация государственного управления является закономерным следствием и неотъемлемой частью более общего процесса становления «информационного общества», смысл которого заключается в интенсивном насыщении общества информацией и бурном развитии информационных технологий. Этот цивилизационный переход осуществляется в двух измерениях – глобальном и национальном.

Как уже мною отмечалось ранее [Швецов, 2012а], концепция «информационного общества», сложившаяся в последней четверти XX века в результате теоретического осмысления особенностей взаимовлияния процессов научно-технического и социально-экономического прогресса, характерных для постиндустриальной стадии развития ведущих стран мира, в новом тысячелетии подверглась определенной трансформации. Под влиянием современных глобальных тенденций, в интересах усиливающейся экспансии «западных» технологий и ценностей, начало происходить целенаправленное *выхолащивание* первоначального смысла «информационного общества». Приходится признать, что сложная суть и закономерность *вызревания* этого феномена в сегодняшнем общественно-политическом дискурсе свелась к заведомо упрощенным представлениям, связывающим наступление информационной эпохи всего лишь с быстро расширяющейся доступностью некоторых устройств и технологий (главным образом, мобильной связи и Интернета). Такая метаморфоза фактически обеспечила триумфальное шествие этой футурологической концепции по всему миру без всякого различия между развитыми, развивающимися и отсталыми государствами².

---

² Пропагандисты глобального «информационного общества», представлявшие передовые экономики, внушали миру не просто полезность, но и безальтернативность следования в русле этой концепции. На первом Всемирном саммите по информационному обществу основатель и председатель Всемирного экономического форума проф. Клаус Шваб подчеркнул, что ИКТ – главная надежда на ускорение темпов экономического роста развивающихся стран. Более того, бедным странам внушалась мысль о том, что для преодоления их бедственного положения достаточно обзавестись мобильными телефонами и подключиться к Интернету. Примечательно, что подобные рекомендации подкреплялись выводами научных исследований, объяснявших, как развитие беспроводных телекоммуникаций, например, в отсталых странах Африки, расположенных к югу от Сахары, уменьшало (!?) технологический разрыв между ними и промышленно развитыми странами [Parker, 2005].

В России идея создания информационного общества была воспринята с воодушевлением, ибо на фоне пореформенных проблем это давало возможность вновь ощутить себя в авангарде научно-технического и общественного прогресса. Эта концепция легла в основу национального модернизационного проекта, смысл которого сводится к проведению на базе новейших информационных технологий коренных преобразований во всех сферах жизнедеятельности – от экономики и государственного управления до жилищно-коммунального хозяйства и здравоохранения, а также во взаимоотношениях власти и гражданского общества.

Недвусмысленным выражением политического выбора указанного курса стали присоединение России к Окинавской «Хартии глобального информационного общества» (2000 г.), а также ее активное участие в мероприятиях Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, прошедших под эгидой ООН в 2003 и 2005 гг., в реализации Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» и т.п. «Стратегия развития информационного общества в РФ»³ и государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)» в качестве основных идейных источников прямо называют Декларацию принципов построения информационного общества, План действий Тунисского обязательства и другие международные документы, принятые на упомянутой Всемирной встрече.

Однако осуществление задуманного рывка чрезвычайно осложнилось *«реверсом»* в технико-технологическом развитии страны, вектор которого в 1990-х годах поменялся с постиндустриализационного на деиндустриализационный⁴. Вследствие этого «в России наблюдается низкий уровень инновационного потенциала, недостаточно высокая результативность научно-технологической деятельности, скромные результаты в области цифровизации и платформизации экономики» [Идрисов и др., 2018. С. 11]. Это значит, что, в отличие от ведущих западных

---

³ Первоначально она была утверждена на период 2008–2020 гг., а через 10 лет была пролонгирована до 2030 г.

⁴ Следует к тому же иметь в виду, что постсоветская деиндустриализация развернулась на фоне нерешенности в СССР задач позднейиндустриальной модернизации, в связи с чем, как подчеркивалось в литературе, «подлинная специфика модернизационных задач в России состоит в ликвидации рукотворных проявлений деиндустриализации при одновременном культивировании «очагов» постиндустриального развития» [Дементьев, 2005. С. 27].

стран, которые шли к информационному обществу (сиречь – к качественно новой, постиндустриальной стадии развития) путем эволюционного накопления количественно-качественных изменений, для постсоветской России «продуктивное включение в новую технологическую революцию» становится предметом среднесрочной государственной политики «*структурного маневра*» [Идрисов и др., 2018. С. 11].

Налицо смысловое противоречие между перспективами заявленного перехода к информационному обществу и российскими реалиями. Под «информационным» понимается развитое постиндустриальное общество⁵. Не случайно это понятие связывают в первую очередь именно с теми экономиками, которые в последней трети XX столетия прорвались в постиндустриализм, – США, Западную Европу и Японию. Между тем годы «перестроечных» и постсоветских реформ отбросили российскую экономику и общество едва ли не в *раннеиндустриальное* прошлое⁶.

Критерием постиндустриальности страны служит главенство в ряду факторов роста вложений в человеческий капитал и «экономику знаний». Так, доля последней в валовом продукте Европы – 30%, тогда как у промышленности – 25%. В США, соответственно, 40% и 20%. В индустриальных странах главный источник развития – инвестиции в основной капитал, а вложения в человека и знания – дополнительный источник. В развивающихся странах доля капитальных инвестиций – 30–35%, а в Китае даже больше 40%. Положение же нашей страны уникально: мы не относимся ни к первым, ни ко вторым. В России доля инвестиций в основной капитал около 20%, а в «экономику

---

⁵ Желая подчеркнуть высший уровень этой стадии развития, постиндустриальную экономику нередко трактуют как *гипериндустриальную*.

⁶ «В конце XX в. ведущие мировые державы ускорили свое социально-экономическое развитие на основе реализации возможностей динамично утверждающегося глобально-информационного технологического уклада. Они сконцентрировали усилия на развертывании «информационной экономики», знаменующем не просто очередную смену технологических укладов, а приход новой технологической революции. На этом фоне явным диссонансом стала стремительная деградация российской экономики, особенно ее наукоемких секторов, вызванная обвальным сокращением затрат на науку и образование, на системы разработки и внедрения новых технологий, на развитие соответствующих отраслей и производств. Занявший десятилетие 90-х трансформационный процесс не только не сократил отставание России от мировых лидеров технико-экономического развития, но и резко увеличил его... общий беспрецедентный регресс научно-технической сферы и инновационного потенциала несомненен» [Петров и др., 2002. С. 61].

знаний» – всего 14%. При этом даже такие низкие вложения в человеческий капитал год от года сокращаются: доля образования в ВВП с 2008 г. снизилась на 10%⁷.

Плохо согласуется с устремлением в «информационное общество» и деградация отечественной электронной промышленности, которая столкнулась с невозможностью разработки и производства на существующем проектно-технологическом базисе функционально сложных микросхем. В 2014 г. зависимость России от импорта технологий, оборудования, электроники была, по оценке Минпромторга, 80–100%. Сегодня меньше, но не радикально – 75–90%. По данным Федеральной таможенной службы, крупнейшими поставщиками электронных компонентов (микросхем, полупроводников, транзисторов, резисторов, диодов и т.п.) в Россию являются страны Восточной и Юго-Восточной Азии⁸.

Таким образом, «классическое» понимание постиндустриального информационного общества имеет мало общего с современной российской действительностью, а цифровизация экономики, на которую сделана ставка, не может стать главным источником экономического роста страны.

«Электронное правительство»: предпосылки, суть, инфраструктура

Информатизация органов власти началась в 1990-х годах. Поначалу она представляла собой вялотекущее и хаотичное оснащение рабочих мест государственных и муниципальных служащих электронным оборудованием. Но постепенно процесс приобрел размах и превратился в мощный поток массового оснащения управленческих структур все более сложными и дорогостоящими информационно-коммуникационными устройствами и технологиями, существенно расширяющими возможности электронного обращения с информацией при выполнении функций государственного и муниципального управления.

---

⁷ Неподъемный рост. Академик Абел Аганбегян – о затяжной стагнации, в которой увязла страна // Огонёк. 2019. № 31. 12 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4038999>

⁸ Ткачёв И., Назарова К. Главными поставщиками микроэлектроники в Россию оказались три страны Азии. URL: https://www.rbc.ru/economics/10/07/2019/5d2478bc9a7947fb4f267654?from=from_main

К сожалению, масштабный рост информационно-технологического потенциала органов власти не сопровождался систематизацией всего процесса, который протекал в прежнем хаотическом режиме – без учета действительных потребностей и постановки обоснованных целей, не говоря уже о выстраивании скоординированных действий или оценке результативности и эффективности проводимых мероприятий [Швецов, 2012б]. Эта неупорядоченность превратилась в усиливающееся системное ограничение, не позволяющее в полной мере воспользоваться преимуществами нового информационно-технологического «уклада» в деятельности органов власти и обеспечить эффективность ИТ-ассигнований.

Для того, чтобы увеличить отдачу от обширного, дорогого, но разрозненного «электронного хозяйства», созданного во многих ведомствах и на разных уровнях управления, и в конечном итоге добиться повышения качества управленческой деятельности, необходимо было упорядочить процесс информатизации в системе органов власти, придать ему целенаправленный и организованный характер, преодолеть внутриведомственную замкнутость и межуровневую изолированность в организации информационной среды, переориентироваться с получения локальных выгод от информатизации отдельных элементов структуры управления к достижению системного эффекта от согласованного использования ИКТ во всех компонентах разветвленной структуры органов власти страны в целом [Швецов, 2011]. Решение этих задач связывалось с созданием единой инфраструктуры, включающей государственные информационно-коммуникационные системы и ресурсы, а также средства, обеспечивающие их функционирование и взаимодействие – как между собой, так и с населением и организациями. Результатом усилий в этом направлении стала система предоставления государственных услуг на основе использования информационных технологий, получившей метафоричное название «электронное правительство».

Понятие «электронного правительства» лежало в русле появившейся в конце 1990-х гг. парадигмы так называемого сервисного государства, в котором концепция отношений «проектировщик-чиновник» меняется на схему «менеджер-клиент». Будучи в значительной степени синтезированным продолжением концепций «нового государственного управления» и «улучшенного

управления», лежавших в основе программ модернизации стран ОЭСР в 1980–1990-е гг., эта парадигма является результатом переосмысления роли госуправления в эпоху информационного общества, когда правительство рассматривается как своего рода поставщик услуг населению, предприятиям и организациям [Петров, 2007. С. 28].

Официально продекларированные цели формирования «электронного правительства» состояли: во-первых, в повышении качества и доступности предоставляемых государственных услуг, упрощении процедуры и сокращении сроков их оказания; во-вторых, в увеличении информационной открытости органов государственной власти; в-третьих, в повышении качества административно-управленческих процессов; и, в-четвертых, в совершенствовании системы информационно-аналитического обеспечения принимаемых решений на всех уровнях государственного управления. Формирование «электронного правительства» предполагало действия по двум основным направлениям: 1) развитие систем обеспечения удаленного доступа граждан к информации о деятельности госорганов на основе использования ИКТ; 2) собственно, предоставление посредством ИКТ госуслуг⁹.

Концепция «электронного правительства» не просто основывалась на концепции административной реформы, мероприятия по внедрению информационных технологий в органы власти вполне справедливо подчинялись ее целям, что дополнительно обеспечивалось организационными мерами – возложением координационных правомочий по формированию «электронного правительства» на правительственную комиссию по проведению административной реформы. Ее деятельность должны были обеспечивать ключевые федеральные ведомства, ответственные за информатизацию.

Важнейшим компонентом «электронного правительства» является его *инфраструктура*, обеспечивающая взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

---

⁹ Комментарий к федеральному закону от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (постатейный). Под ред. С. Е. Чаннова, Д. С. Велиевой. Юстициформ, 2010.

Она представляет собой комплекс, состоящий из трех групп элементов: (1) *информационно-технологические*, в число которых входят Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), Единая система идентификации, авторизации и аутентификации (ЕСИА) органов и организаций, а также обращающихся за получением услуг физических и юридических лиц, единая Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ); (2) *организационно-технические*, в состав которых включаются центры общественного доступа, предназначенные для информирования заявителей о деятельности органов и организаций и обеспечения доступа к получению государственных и муниципальных услуг в электронной форме; (3) *инженерные и вспомогательные* (сюда относятся системы обеспечения информационной безопасности, информационно-телекоммуникационные сети, центры обработки данных и т.д.).

В улучшение ситуации с получением гражданами государственных и муниципальных услуг решающий вклад внесла развивающаяся сеть многофункциональных центров (МФЦ), которые работают по технологии «одного окна», предоставляющей гражданам возможность получения любых услуг (федеральных, региональных и муниципальных) в одном месте – специально оборудованном и удобно расположенном. Это освобождает посетителя от необходимости лично обращаться в различные органы власти, самому ходить по инстанциям и собирать необходимые документы.

Оценка последствий создания «электронного правительства»

Отчитываясь о результатах создания «электронного правительства», российские чиновники делают упор на *валовых показателях* распространения ИКТ¹⁰. Так, отмечается, что в 2017 г. 94,8% органов государственной власти и местного самоуправления в России использовали Интернет, 87% – цифровую подпись,

---

¹⁰ Этим грешат и международные системы мониторинга информатизации, которые концентрируются на анализе протекания процесса как такового, игнорируя широкий спектр позитивных и негативных последствий использования ИКТ. Вместо того, что выявлять, какое результирующее воздействие эти технологии оказывают на различные стороны жизнедеятельности государств, предприятий и домашних хозяйств, они сосредоточиваются на том, какие ИКТ лидируют, какие отстают, где, в каких масштабах и как быстро они внедряются и т.п.

75,5% – системы электронного документооборота, 33,6% – специальные программные средства для предоставления доступа к базам данных через электронные сети, в том числе Интернет, 50,1% документооборота между органами государственной власти осуществлялось в электронной форме. Заработала единая система межведомственного электронного взаимодействия при оказании государственных и муниципальных услуг. Если в момент запуска (2009 г.) портал госуслуг содержал информацию о 110 федеральных и 200 муниципальных услугах, то в настоящее время в рамках межведомственного информационного взаимодействия предоставляется около 400 государственных услуг, а общее количество транзакций (запросов и ответов) в системе в 2017 г. превысило 20 млрд. В 2018 г. на портале госуслуг было зарегистрировано 86 млн человек, в месяц портал посещали в среднем 72 млн раз. Доля граждан, пользующихся электронными госуслугами, в 2017 г., по данным Минкомсвязи, превысила 60%, а в 2018 г. составила 70%¹¹ [Попова, Дранишникова, 2019].

Заметны наши достижения и на международном фоне, хотя стабильностью они не отличаются. Сопоставление показателей России в главных мировых рейтингах, связанных с ИКТ, свидетельствует о том, что длившийся несколько лет период существенного укрепления позиций нашей страны уступил место *застою* и даже *упадку*¹². Намечавшиеся стратегией рывка оказались не достигнутыми или утраченными. Например, по Индексу развития электронного правительства (E-Government Development Index, EGDI) Россия в 2018 г. должна была войти в первую двадцатку. Такая цель была намечена в 2012 г., когда страна по сравнению с 2010 г. продвинулась в этом рейтинге сразу на 32 позиции, с 59-го до 27-го места. Однако в 2014 г. Россия так и осталась на 27-й строчке, а в 2016 г. откатилась на 35-ю. В составляемом Международным союзом электросвязи рейтинге на основе Индекса развития ИКТ (ICT Development Index, IDI) позиции России с 2012 г. по 2017 г. снизились с 41-го до 45-го места. Еще один важный международный рейтинг составляется по Индексу готовности к сетевому обществу (Networked

---

¹¹ «Электронное правительство»: некоторые важные факты за 6 лет. URL: <http://government.ru/info/32188/>

¹² *Воейков В.* Взлет России в мировых ИТ-рейтингах сменился застоєм и падением. Цифры. URL: <http://cnews.ru/link/n395581>

Readiness Index – NRI), который отражает уровень зрелости стран в отношении повсеместного использования ИКТ для целей социально-экономического развития. С 2012 г. по 2015 г. Россия переместилась в нем вверх на 15 позиций – с 56-го на 41-е место, но на этом подъеме закончился, и в 2016 г. она осталась на той же позиции (таблица).

Для формирования общей картины стоит учесть еще международный рейтинг, касающийся инноваций. После подъема в 2014–2016 гг. с 18-го на 12-е место в мировом рейтинге наиболее инновационных стран Global Innovation Index, составленном агентством Bloomberg, в 2017 г. Россия рухнула сразу на 14 строчек.

Место России в глобальных ИКТ-рейтингах в 2012–2017 гг.

ИКТ-рейтинг	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Индекс развития электронного правительства ООН	27		27		35	
Индекс развития ИКТ Международного союза электросвязи	41	42	*	*	43	45
Индекс готовности к сетевому обществу Всемирного экономического форума	56	54	50	41	41	
Рейтинг инновационных стран Корнельского университета, INSEAD и ВОИС	51	62	49	48	43	45
Инновационный индекс Bloomberg	14	18	15	12	26	25

Источник: CNews Analytics

* – нет однозначно интерпретируемых данных.

Судя по данным многолетнего мониторинга [Индикаторы ..., 2019], процесс информатизации (цифровизации) в России характеризуется противоречивостью ряда ключевых показателей, что свидетельствует о некоторой нестандартности хода и результатов этого процесса. Так, эксперты обращают внимание на *крайне низкие* для страны с весьма высоким уровнем цифровизации оценки уровня «интеграции цифровых технологий и связанности» цифрового сектора с остальной экономикой. Если по общим индексам цифровой экономики (например, I-DESI 2018 г.) место России в мировом рейтинге – в пятом десятке стран (на уровне Греции и Чили, но выше Китая, Мексики, Турции, Бразилии), то по указанным двум показателям РФ находится во второй сотне. Общий относительно высокий рейтинг объясняется нестандартно высоким уровнем развития цифровых госуслуг, которые в 2018 г. получали 75% населения РФ. Другой специфический результат российской информатизации состоит в непропорционально высоком уровне

развития ИКТ-инфраструктуры, который значительно опережает фактический спрос на нее. Очень высокий уровень проникновения мобильной связи и широкополосного Интернета, достигнутый за счет щедрой государственной поддержки, обеспечивает для России высокие международные рейтинги, но является избыточным и недоиспользуется в стране [Бутрин, 2019].

Серьезный недостаток российской информатизации состоит в неравномерности хода и результатов этого процесса. Председатель российского правительства признает, что «уровень применения соответствующих технологий серьезно различается и по отраслям, и по российским регионам. В целом в экономике существует разрыв между предприятиями – лидерами цифровизации и остальной, весьма значительной, частью бизнеса. Первые прокладывают путь, вторые не всегда даже пытаются им воспользоваться. Это можно объяснять и ограниченностью средств, и нехваткой кадров. Но наиболее вероятная причина – дефицит рыночной конкуренции, надежда на внерыночную, административную, бюджетную поддержку» [Медведев, 2018. С. 21].

Говоря о *проблемах* и *рисках*, обусловленных развитием «электронного правительства», эксперты отмечают [Устинова, 2019], что до сих пор сохраняется преобладание ручного ввода данных в государственные информационные системы, что повышает риски манипулирования информацией (ее намеренного искажения). Серьезной проблемой «цифровизации» является возникновение тотальной зависимости важнейших государственных институтов от работоспособности ИТ-систем. Среди ключевых рисков внедрения цифровых технологий называют возможности «утечки» персональных данных, нарушений прав человека при автоматизированном принятии управленческих решений; сопротивление органов власти переходу от ведомственной информатизации к платформенным (надведомственным) решениям (риск потери управляемости, боязнь открытости своих данных).

Особую проблему являет собой *оценка эффективности* «электронного правительства». В отчетах министерств и ведомств происходит подмена определения влияния цифровых технологий на результативность госуправления валовыми показателями цифровизации отдельных процессов, а расходы на внедрение ИКТ получают приоритет перед учетом затрат и прогнозированием их снижения по итогам проекта. Оценивая эффекты от перехода

к новой технологии предоставления госуслуг, нельзя не задаваться вопросом, во сколько обходится ее внедрение и содержание. Ожидать, что «электронное правительство» резко сократит затраты на чиновный аппарат, вряд ли стоит. Помимо расходов на покупку специальной техники, набор штата для ее обслуживания, обучение госслужащих и т.п., значительных финансовых и временных затрат требует оцифровка огромных массивов документов (при этом все еще сохраняется недешевое бумажное архивирование). Очень трудоемка работа по формированию и, главное, согласованию баз данных, находящихся в ведении различных органов управления¹³; эту задачу никак не могут решить даже федеральные ведомства, но ещё большие трудности подстерегают на муниципальном уровне. Оплачивать все это в конечном счете придется пользователям госуслуг – как напрямую, так и через бюджеты, которые они наполняют в качестве налогоплательщиков. Очевидно, что в конечном счете это обойдется им намного дороже, чем они потеряли бы, стоя в очередях. Но об этой стороне дела не принято говорить, все обсуждения вертятся сугубо вокруг технико-технологических преимуществ и гипотетических выгод нового порядка как такового, без всестороннего анализа – кто и что при нем выигрывает или проигрывает.

Вместо этого подчеркивается, что в безусловном выигрыше от перехода к электронным услугам окажутся «рядовые граждане», исключительно ради удобств которых и осуществляется вся эта затея. Но пока граждане ждут обещанного счастливого будущего, реальную прибыль получают *ИТ-бюрократия* и *ИТ-бизнес*, совместно осваивающие бюджетные средства (государственные структуры выступают заказчиком, а компании – исполнителями крупных и дорогостоящих ИТ-проектов). Особенность этой разновидности государственно-частного партнерства, согласно наблюдениям экспертов¹⁴, состоит в том, что ИТ-компании,

---

¹³ По словам президента группы компаний «Ланит», занимавшейся созданием ГИС ЖКХ: «То, что пользователям кажется всего лишь базой данных с набором сервисов, на самом деле сложнейшая с точки зрения подходов к реализации и архитектуре информационная система, содержащая миллионы строк кода. Группа разработчиков в команде ГИС ЖКХ на пике доходила до 500 человек, даже простые ИТ-задачи, решаемые в масштабах страны, требуют большой команды высококвалифицированных разработчиков» [Гордеев, 2019].

¹⁴ *Байракова М.* Воинствующая некомпетентность. Проблемы российской ИТ-отрасли в нежелании компаний доводить проекты до конца // Российская Бизнес-газета – Инновации. 2011. 30 августа.

как правило, не заинтересованы в быстром и качественном выполнении работ, они стремятся выиграть тендер и выполнять проект максимально долго и по возможности дорого. И такая бизнес-стратегия оказывается действенной, поскольку совпадает с интересами госзаказчика, который в нынешних условиях нацелен не столько на практический результат, сколько на получение в свое распоряжение как можно больших бюджетных ассигнований и их освоение с помощью доверенных компаний.

Не следует закрывать глаза и на то, что для эффективного применения современных ИКТ предстоит еще очень многое сделать в плане «доинформационного» упорядочения процессов и отношений в хозяйственных и управленческих системах [Швецов, 2010]. Давно известное правило «нельзя автоматизировать хаос» весьма актуально для России: прежде чем внедрять современные информационные технологии, госорганам (как и любым хозяйствующим субъектам) необходимо рационализировать свою структуру, управленческие и бизнес-процессы и т.д. Это обязательное условие закрепления практики государственного и корпоративного управления в информационных системах. Конечно, механический перевод в электронную форму государственных услуг, предоставляемых в сложившихся формах и процедурах, мало что даст. Для того чтобы получить хоть какой-то эффект, нужно в каждой конкретной сфере (в здравоохранении, жилищно-коммунальном хозяйстве и др.) провести серьезные подготовительные преобразования. Стремительное распространение во властных структурах ИКТ вовсе не гарантирует автоматический рост качества функционирования управленческого аппарата, напротив, негативные последствия негодных административно-управленческих процессов зачастую лишь усиливаются.

Это отнюдь не чисто российская проблема. ООН не случайно предостерегает относительно *эффекта белого слона*: стоимость разработки и поддержки ИКТ может многократно перекрывать полученные от них социально-экономические результаты. Практика стран-лидеров цифровизации свидетельствует, что проблема эффективности инвестиционных ИТ-проектов стоит очень остро. По данным опроса Project Management Institute, проведенного в 2017 г. среди 3 тыс. руководителей проектов, почти треть (28%) их инициатив оказываются провальными. Более трети респондентов видят причину фиаско в отсутствии

четко определенных и достижимых задач для оценки степени завершения проекта, 19% упоминают коммуникационные проблемы и дефицит информации, 18% – отсутствие необходимой вовлеченности топ-менеджмента и 14% – сопротивление сотрудников. Отметим, что за последние 10 лет заметных улучшений в этой области не произошло. В 2009 г. доля неудачных ИТ-проектов оценивалась в 25%, а из тех, что были признаны условно успешными, около 50% требовали существенных доработок, а 25% не выходили на ожидаемые показатели возврата инвестиций. Причины провалов тогда указывались схожие – недостатки планирования и коммуникационные проблемы, неэффективный обмен информацией и невовлеченность руководства.

В оксфордской бизнес-школе Saïd Business School изучили более 1470 ИТ-проектов, сравнив их бюджеты и ожидаемые эффекты с реальными затратами и результатами. Как оказалось, реализация многих из них потребовала несколько лет вместо запланированных изначально месяцев. При этом степень пробуксовки была примерно одинаковой для правительственных организаций и частных компаний. Не было обнаружено и особых различий в эффективности по географическому признаку – и в Европе, и в США каждый шестой ИТ-проект оказывался провальным. Это подразумевало сильное разрастание изначального бюджета (до 200%) и затягивание сроков (на 70%)¹⁵.

«Цифровое государственное управление»: новый этап ИКТ-инноваций

Информационно-коммуникационные технологии изменяются быстро и весьма существенно, что неизбежно влечет трансформацию «электронного правительства». Активное внедрение таких новейших технологий, как методы анализа «больших данных», искусственный интеллект, интернет вещей и блокчейн, оказывают сильное влияние и на содержание деятельности госучреждений, и на характер их взаимоотношений с другими организациями и гражданами. Новый ИКТ-облик органов государственного управления именуется «*цифровым правительством*».

---

¹⁵ Попова М. Великобритания, США, Австралия: самые эпичные провалы зарубежных госпроектов в ИТ. URL: http://gov.cnews.ru/articles/2018-04-25_velikobritaniyashaavstraliya_samy_e_pichnye_provaly_zarubezhnye

В национальной программе «Цифровая экономика», рассчитанной на 2019–2024 г., предусмотрен специальный проект «Цифровое государственное управление», на который выделяется около четверти общего бюджета программы – 226,4 млрд руб. Ключевые цели проекта – увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики, создание устойчивой и безопасной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств, использование в секторе государственного и муниципального управления преимущественно отечественного программного обеспечения. Реализация проекта должна способствовать окончательному переходу на электронное взаимодействие граждан и организаций с государством, а также сделать это взаимодействие более удобным.

В результате выполнения проекта к 2024 г. планируется: все государственные (муниципальные) услуги предоставлять проактивно и онлайн, запустить 25 цифровых «суперсервисов» по жизненным ситуациям; автоматизировать 90% внутри- и межведомственного юридически значимого электронного документооборота государственных и муниципальных органов и бюджетных учреждений; выдать 60% граждан цифровое удостоверение личности с квалифицированной электронной подписью; долю электронного документооборота между органами государственной власти России и государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) довести до 90%.

Правительственная комиссия по цифровому развитию утвердила список из 34 государственных услуг, которые первыми должны быть подвергнуты цифровой трансформации. Соответствующие министерства и ведомства обязаны подготовить их целевые модели и дорожные карты цифровизации. Кроме того, утвержден перечень из 25 суперсервисов – комплексных госуслуг, которые, начиная с 2021 г., должны будут оказываться в наиболее распространенных жизненных ситуациях: для граждан – от рождения ребенка и получения пенсии до оформления европротокола при ДТП, для бизнеса – от оформления земли под строительство до грузоперевозок. Разработкой этих суперсервисов займутся отдельные рабочие группы. Итогом всего проекта должно стать повышение удобства и сокращение сроков

получения госуслуг для населения и снижение затрат на их предоставление для госорганов.

Указанный переход от «электронного правительства» к «цифровому госуправлению» основан на концепции *государства как сервиса* («сервисное государство 2.0»), главная идея которой – отсутствие физических документов, кроме удостоверения личности гражданина, и минимизация участия чиновников. В идеале «сервисное государство» должно комплексно решать все проблемы граждан на основе автоматизированных бизнес-процессов (суперсервисов). При этом государственные услуги должны предоставляться в проактивном режиме – государство само напомнит, когда и что нужно сделать, сформирует необходимый пакет документов, которые предоставляются из электронных реестров органов власти по единому идентификатору.

Во Всемирном банке высоко оценили усилия по «цифровой трансформации» российского госсектора и развитию его электронных сервисов, хотя при этом подчеркнули, что на межведомственном уровне и в управлении данными все еще сохраняются барьеры, как и нестыковки на уровне регионов и муниципалитетов [Конкуренция..., 2018]. К флагманским достижениям эксперты ВБ отнесли создание инфраструктуры для реализации принципа «правительство как платформа» (сюда относятся портал госуслуг и электронных госзакупок, система межведомственного электронного взаимодействия, единая система идентификации и аутентификации, развитая сеть МФЦ). Однако, по их мнению, для повышения скорости и качества оказания госуслуг необходима значительная трансформация ранее созданной архитектуры «цифрового правительства». Речь, в частности, должна идти о «реинжиниринге административных процессов», предполагающем совместное использование национальных баз данных и сервисов всеми уровнями власти, а также о стандартизации управления данными. Заявленный правительством перенос 90% его информационных ресурсов в гособлако к 2024 г. тормозится неготовностью баз данных, конфликтами ведомств и нормами о госзакупках.

Главными же барьерами для фундаментальных технологических прорывов эксперты ВБ называют «структурные недостатки в экосистеме цифровой трансформации», низкий уровень цифровых навыков у населения, ограниченный доступ к рынкам

капитала и отсутствие «открытой инновационной культуры» [Конкуренция., 2018]. В целом, по их мнению, основными *целями* цифровой стратегии РФ должны стать стимулирование внедрения инноваций параллельно с укреплением «нецифровых основ» – повышением прозрачности и конкурентности бизнес-среды, гибким нормативным регулированием, расширением доступа к финансированию, а также повышение эффективности управления за счет внедрения дата-ориентированного подхода, развитие цифровых навыков и выстраивание диалога между государством, бизнесом, научным сообществом и гражданами.

Литература

Бутрин Д. Цифровой переросток. IT-инфраструктура экономики в России развита не по потребностям // Коммерсантъ. 2019. 27.06. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4012890?from=four_economic

Гордеев А. Электронное правительство учится вовлекать граждан в решение проблем // Ведомости. 2019. 24 апр. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/04/24/799870-gosudarstvo-umu-korrupsiiei>

Дементьев В. О характере российской «догоняющей модернизации» и ее институциональном обеспечении // Российский экономический журнал. 2005. № 2. С. 21–29.

Идрисов Г. И., Княгинин В. Н., Кудрин А. Л., Рожкова Е. С. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5–25.

Индикаторы цифровой экономики: 2019: статистический сборник / Г. И. Абдурахманов, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 248 с.

Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации. Доклад о развитии цифровой экономики в России. – Всемирный банк. 2018. 144 с.

Медведев Д. А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 5–28.

Петров О. В. Стратегия электронного правительства в России: на пути к эффективному государству, ориентированному на граждан // Информационное общество. 2007. № 1–2. С. 28–35.

Петров Ю., Жукова М., Каранетян А. Становление глобально-информационного технологического уклада в России: сценарии технико-экономического развития и задачи реформирования финансовых институтов // Российский экономический журнал. 2002. № 2. С. 61–69.

Попова М., Дранишников М. Электронное правительство учится вовлекать граждан в решение проблем // Ведомости. 2019. 24 апр. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/04/24/799870-gosudarstvo-umu-korrupsiiei>.

Устинова А. «Цифровому госуправлению» нашли критерии оценки // Коммерсантъ. 2019. 18 янв. URL: <https://www.comnews.ru/content/117066/2019-01-18/cifrovomu-gosupravleniyu-nashli-kriterii-ocenki>

Швецов А. Н. «Информационное общество». Теория и практика становления в мире и России. М.: КРАСАНД, 2012. 280 с.

Швецов А. Н. От ведомственной информатизации к «электронному правительству»: удался ли инновационный прорыв// Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. № 6. С. 6–17.

Швецов А. Н. Современные ИКТ в деятельности российских органов власти: преобразят ли они государственное и муниципальное управление? //Российский экономический журнал. 2011. № 3. С. 21–45.

Швецов А. Н. Всеобщая информатизация как модернизационный проект: по плечу ли она современной России?// Российский экономический журнал. 2010. № 5. С. 3–33.

Parker S. Wireless technology helping to shrink digital divide [Эл. ресурс]. URL: <http://www.voanews.com/english/2005-05-06-voa57.cfm>

Статья поступила 18.11.2019.

Для цитирования: Швецов А. Н. От «электронного правительства» к «цифровому государству»: смысл и последствия новаций // ЭКО. 2019. № 12. С. 8-26. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-8-26.

Summary

Shvetsov, A. N. Doct. Sci. (Econ.), Federal Research Center «Computer Science and Control» of Russian Academy of Sciences, Moscow

From «E-government» Towards «Digital Governance»: the Significance and Effect of Innovations

Abstract. The paper describes the way information and communication technologies (ICT) transform the activity of governmental and local authorities, including services rendered to people. Informatization of public management as part of “information society” is considered in a more global sense, not as an absolute triumph of the common cause of scientific and technological progress, but as a source of new problems and risks. The author assesses preconditions, achievements and problems of creating “e-government” providing comments on plans of public management “digitalization”.

Keywords: *information and communication technologies; public authorities and local self-government; electronic government; digital governance*

References

Butrin, D. (2019). The Digital age. IT-infrastructure of the economy in Russia is not developed according to the needs. (In Russ.). *Kommersant*. 27.06. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/4012890?from=four_economic (accessed 27.06.2019).

Competition in the digital age: strategic challenges for the Russian Federation. Report on the development of the digital economy in Russia. (2018). Vsemirnyy bank. 144 p.

Dementiev, V. (2005). On the nature of the Russian “catching up modernization” and its institutional support. *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal*. No. 2. Pp. 21–29. (In Russ.).

Gordeev, A. (2019). E-government learns to involve citizens in problem solving. *Vedomosti*. 24.04. (In Russ.). Available at: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/04/24/799870-gosudarstvo-umu-korrupsiei> (accessed 24.04.2019).

Idrissov, G.I., Knyaginina, V.N., Kudrin, A.L., Rozhkova, E.S. (2018). New technological revolution: challenges and opportunities for Russia. *Voprosy ekonomiki*. No. 4. Pp. 5–25. (In Russ.).

Indicators of digital economy: 2019: statistical collection. (2019). G.I. Abdurakhmanov, K.O. Vishnevsky, L.M. Gokhberg, etc.; Nac. issued. un-t Vysshaya shkola ekonomiki. Moscow. NIU VSHE, 248 p. (In Russ.).

Medvedev, D. (2018). Russia-2024: a Strategy for socio-economic development. *Voprosy ekonomiki*. No. 10. Pp. 5–28.

Parker, S. Wireless technology helping to shrink digital divide. Available at: <http://www.voanews.com/english/2005-05-06-voa57.cfm>.

Petrov, O.V. (2007). E-government Strategy in Russia: on the way to an effective state focused on citizens. *Informacionnoe obshchestvo*. No. 1–2. Pp. 28–35.

Petrov, Yu., Zhukova, M., Karapetyan, A. (2002). Formation of global information technological structure in Russia: scenarios of technical and economic development and tasks of reforming financial institutions. *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal*. No. 2. Pp. 61–69. (In Russ.).

Popova, M., Dranishnikova, M. (2019). E-government learns to involve citizens in problem solving. *Vedomosti*. 24.04. (In Russ.). Available at: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/04/24/799870-gosudarstvo-umu-korrupsiei> (accessed 24.04.2019).

Shevtsov, A.N. (2012b). From the Departmental Informatization to the “e-Government”: Whether Innovative Breakthrough Success? *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. No. 6. Pp. 6–17. (In Russ.).

Shvetsov, A.N. (2012a). «Information Society». Theory and Practice of Formation Both in the World and Russia. Moscow. KRASAND. 280 p. (In Russ.).

Shvetsov, A.N. (2010). Universal Informatization as a modernization project: is it up to modern Russia? *Russian Economic Journal*. No. 5. Pp. 3–33. (In Russ.).

Shvetsov, A.N. (2011). Modern ICT in Activities of Russian Authorities: Will They Transform Public and Municipal Administration. *Russian Economic Journal*. No. 3. Pp. 21–45. (In Russ.).

Ustinova, A. (2019). «Digital public administration» found the evaluation criteria. *Kommersant*, 18.01. (In Russ.). Available at: <https://www.comnews.ru/content/117066/2019-01-1>

For citation: Shvetsov, A.N. (2019). From «E-government» Towards «Digital Governance»: the Significance and Effect of Innovations. *ECO*. No. 12. Pp. 8-26. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-8-26.

Электронное общественное участие в России: технология или институт, соло или дуэт?¹

Е.А. КАПОГУЗОВ, доктор экономических наук, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск. E-mail: egenk@mail.ru

С.А. РЕВЯКИН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва. E-mail: sergey-revyakin@mail.ru

Аннотация. Общественное участие – неотъемлемый атрибут современного государственного управления, призванный оптимизировать поиск эффективного решения и увеличить вероятность его реализации. Сегодня в практике общественного участия и сопроизводства в рамках государственного управления в России активно используются электронные платформы, анализу которых посвящена данная работа. Авторы поставили задачу найти ответ на два вопроса: 1) являются ли электронные платформы общественного участия в РФ самостоятельным механизмом, который характеризует принципиальные изменения в процедурах взаимодействия государства и граждан в процессе принятия решений, либо они представляют собой технологию, надстройку над существующими процессами и не вносят в них принципиальных изменений, 2) отражает ли повестка электронных платформ наиболее актуальные с точки зрения россиян социально-экономические проблемы, и могут ли граждане влиять на нее. Изучение публикаций по теме исследования и проведение детального анализа трех электронных платформ общественного участия – г. Москвы, Республики Башкортостан и г. Воронежа – показали, что они представляют собой технологию, а не самостоятельный институт. При этом обсуждаемая на них повестка не отражает актуальных социально-экономических проблем соответствующих территорий, а функционал платформ не позволяет гражданам влиять на повестку и альтернативы для голосований. По нашей гипотезе, это может быть связано с ранней стадией внедрения подобных решений в публичном управлении в России и фокусировании организаторов на функции социального обучения.

Ключевые слова: общественное участие; электронные платформы; импорт институтов; публичное управление

Постановка проблемы

Общественное участие – важный атрибут современного государственного управления, исследовательский и практический интерес к которому в последние годы только увеличивается [Бычкова, 2014; Stelzle et al., 2017]. Считается, что решения,

---

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при правительстве Российской Федерации по теме «Участие России в экспорте и импорте институтов».

принятые с участием общественности и основанные на предпочтениях граждан, имеют больше шансов на успешную реализацию, чем те, которые приняты без учета интересов общества [Irvin, Stansbury, 2004]. Таким образом, за счет общественного участия повышается качество и эффективность процессов государственного (корпоративного) управления². Под эффективностью исследователь понимает, «с одной стороны, снижение затрат на поиск оптимального решения сложных управленческих проблем, которые затрагивают интересы значительного числа граждан и хозяйствующих субъектов, а с другой – подготовку такого решения, которое в максимальной степени учитывает интересы всех затрагиваемых сторон».

Отметим, что вовлечение граждан в принятие публичных решений является одним из элементов концепции New Public Governance [Osborne, 2010; Капогузов, 2009], в рамках которой большое внимание уделяется участию потребителей, сопроизводству, вовлеченности граждан в отдельные процессы в сфере государственного управления. В России эти идеи нашли практическое воплощение в процессах инициативного и партиципаторного бюджетирования [Капогузов, Ковеченкова, 2018]. Необходимость активного использования механизмов общественного участия продиктована также изменениями внутри общества. Граждане уже не хотят быть пассивными наблюдателями или только получателями информации от государственных органов и предъявляют все больше требований к прозрачности, подотчетности и открытости государственного управления, все чаще проявляют желание участвовать в нем [Donders et al., 2014].

Будучи профессионально организованным, общественное участие подразумевает три функции: механизм обмена информацией, источник актуального контекста и инструмент формирования доверия [Chalmers, Branch, 1998]. В этом смысле, с точки зрения результатов, общественное участие может нести образовательную, воспитательную и просветительскую функции для участников процесса – гражданского общества и правительства [Irvin, Stansbury, 2004].

---

² Карпов А. С. Формы общественного участия в принятии решений // Общероссийский информационный ресурс. [Эл. ресурс]. URL: http://www.kdobru.ru/materials/Формы%20общественного%20участия%20в%20принятии%20решений_Kарпов.А.С.pdf

Для вовлечения граждан в процессы общественного участия сегодня используются информационно-коммуникационные технологии, на основе которых создаются различные сервисы, платформы и мобильные приложения. Это позволяет увеличить доступность информации, снизить транзакционные издержки взаимодействия сторон, обеспечив его высокое качество в процессе принятия управленческих решений [Pina et al., 2017].

На сегодняшний день в России существует большое количество электронных сервисов, используемых на разных уровнях публичного управления. Среди наиболее известных можно выделить сервисы по принятию жалоб граждан на проблемы ЖКХ (к примеру, «Наш город Москва») и состояние дорожного покрытия («РосЯма»), сервисы для оказания государственных услуг («Госуслуги.рф»), а также платформы для проведения электронных опросов (например, «Активный гражданин») и выдвижения инициатив («Российская общественная инициатива», «Голос Республики Башкортостан» и др.). Внедрение цифровых технологий и платформенных решений в систему государственного управления на федеральном уровне регламентируется госпрограммой «Цифровая экономика»³.

В данном исследовании мы остановимся на платформах общественного участия, под которыми будем понимать созданный с помощью информационно-коммуникационных технологий *канал дистанционного участия общественности в принятии государственных решений, предполагающий наличие двусторонней связи* (возможности для граждан высказать свое мнение, в том числе повлиять на формирование повестки и альтернатив для голосования). В этом смысле нас будут интересовать платформы, на которых органы государственной власти активно предлагают повестку голосования, а граждане, голосуя, выражают свое мнение.

Сегодня в мире можно условно выделить два типа электронных платформ по источнику финансирования. Одни из них создаются и обслуживаются за счет средств государственного и/или муниципального бюджета (к примеру, «Активный гражданин») или общественных фондов («Российская общественная инициатива»). Основным преимуществом этого типа платформ

---

³ Утверждена указом Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

является сбор и хранение архива данных на собственных серверах и возможность доработки платформы под решение любых нужных задач. Другие проекты для целей общественного участия используют возможности существующих социальных сетей. Из преимуществ последних – они условно бесплатны в создании и использовании, их функционал позволяет регулировать глубину общественного участия без дополнительных затрат – от сбора бинарных реакций граждан до получения развернутых комментариев и обсуждения, с возможностью анализа аудитории по локации, полу, возрасту, интересам и проч. [Chiu et al., 2016; Rania, 2017]. В России на данный момент наибольшее распространение получили платформы первого типа.

Участвуя в дистанционном принятии решений (электронное голосование), граждане отмечают, что для них важна возможность влияния на повестку для голосования, включения в нее актуальных для себя проблем.

Так, на электронной платформе «Российская общественная инициатива»⁴ (URL: <https://www.roi.ru/>), которая позволяет гражданам предлагать повестку для голосований, размещена инициатива 77P16985. В ней предлагается «выносить общественно значимые инициативы законодателей Москвы на голосование посредством платформы «Активный гражданин», для того чтобы жители города могли влиять не только на дизайнерское оформление... станций метрополитена и принятие других «косметических» решений, но и на серьезные вопросы жизни города, с которыми жители сталкиваются ежедневно» (инициатива собрала 370 голосов «за», но поскольку этого количества не хватило для достижения порогового уровня, установленного правительством Москвы, она не была рассмотрена).

Точку зрения автора упомянутой инициативы разделяют представители экспертного сообщества. Так, Аргенбрайт считает, что нельзя назвать «Активный гражданин» «электронной демократией, как того хотят власти, потому что граждане не имеют права формулировать повестку... И иногда вопросы являются несущественными» [Argenbright, 2016. С. 154]. Бывает и так,

---

⁴ Принадлежит «Фонду информационной демократии», но не является платформой общественного участия, т.к. не предполагает *активного взаимодействия* граждан и государства – лишь сбор мнений, которые поступают на рассмотрение в тот или иной государственный орган.

что сами «стейкхолдеры инновационных платформ считали, что они эффективны, но в реальности их результаты и влияние были достаточно скромными» [Davies et al., 2018].

Учитывая все сказанное, в исследовании мы попытались ответить на два вопроса: 1) являются ли выбранные нами электронные платформы общественного участия самостоятельным механизмом, регулирующим правила дистанционного участия граждан в принятии государственных решений (что характеризовало бы принципиальные изменения в процедурах взаимодействия государства и граждан в процессе управления), либо они представляют собой технологию, надстройку над существующими процессами, не вносящую в них принципиальных изменений; 2) подтвердить или опровергнуть гипотезу о том, что повестка, обсуждаемая на исследуемых платформах общественного участия, слабо отражает наиболее актуальные для граждан социально-экономические проблемы, а функционал платформ не дает возможности повлиять на нее (т.е., что замечание автора петиции 77P16985 справедливо и характерно для других платформ). С этой целью мы разработали способ тестирования рабочей гипотезы и протестировали ее на трех платформах.

Предмет исследования

Можно выделить три модели электронных сервисов, создаваемых государством [Janssen, Estevez, 2013].

1. Электронный сервис как внешняя оболочка существующих процессов и процедур оказания госуслуг, которые не подверглись изменениям из-за его создания (*Front-end-подход*). Эта модель применяется для улучшения качества оказания госуслуг за счет внедрения онлайн-сервисов, которые создаются над существующими процессами и процедурами [Scholl, 2002]. Сюда относится, например, обеспечение для граждан возможности отправлять электронные обращения через сайт органа исполнительной власти. Этот канал подачи обращения дублирует возможность отправки обращения в бумажном виде и ничего не меняет в существующих процедурах.

2. Электронный сервис как шаг в направлении оптимизации процессов и процедур оказания госуслуг (*Front-end+Back-end-подход*), что предполагает трансформацию существующих процессов публичного управления на основе возможностей

информационно-коммуникационных технологий с целью повышения их эффективности, прозрачности, подотчетности и клиентоориентированности [Weerakkody et al., 2011]. К примеру, создание портала госуслуг было сопряжено с изменением формата работы государственных органов и ведомств с гражданами, появлением институционального посредника в виде МФЦ. Другими словами, одновременно с появлением веб-интерфейса для оказания услуг произошли принципиальные изменения в процессах и процедурах взаимодействия государственных органов между собой, а также с гражданами.

3. Электронный сервис как часть экосистемы, внутри которой организуется взаимодействие граждан, неправительственных организаций и государственных органов для решения социально-экономических проблем. Электронный сервис для удобства сбора данных о пользователях может интегрироваться с коммерческими платформами (Facebook, Vkontakte, LinkedIn и др.) (подход Network manage&orchestrate). В этой модели основной функцией государства является координация процессов взаимодействия [Janowski et al., 2012], которая обеспечивается посредством платформ и различных веб- и мобильных технологий [Lember, 2018]. Растущая популярность этой модели связана, с одной стороны, с финансовым давлением на бюджеты правительств (необходимость сокращения затрат и численности штата), с другой – с распространением и возрастающими возможностями мобильных и веб-технологий. К третьей модели, к примеру, себя относит платформа «Активный гражданин» г. Москвы, которая представляет собой систему электронных опросов, направленных на получение мнений горожан по актуальным вопросам развития города.

Согласно модели общественного участия Ш. Р. Арнштейна, выделяются восемь уровней общественного участия в зависимости от степени передачи полномочий от государства гражданам. Первые два из них (Манипулирование и Терапия) предполагают отсутствие у граждан реальной возможности влияния на конечное решение. Такие уровни, как Информирование, Консультации и Учет мнения, представляют собой разные ступени символического участия. И только три верхних уровня – Партнерство, Делегирование полномочий и Власть граждан – описывают степень реального влияния на конечное решение [Arnstein, 1969].

Эти идеи легли в основу ряда современных моделей, среди которых следует выделить подходы Д. Уилкокса и IAP2 [Wilcox, 1994; IAP2, 2017], рассматривающие общественное участие как многостадийный эволюционный процесс передачи полномочий от государства к гражданам. Согласно логике этих моделей, чем выше степень передачи полномочий, тем эффективнее принимаемые решения и выше качество государственного управления.

Под электронным общественным участием (E-participation) понимается использование информационно-коммуникационных технологий для расширения и углубления участия граждан в публичном управлении [Macintosh, 2006]. Описанные в современной литературе и документах ОЭСР модели электронного участия [OECD, 2001; Smyth, 2001; Kakabadse et al., 2003; Macintosh, 2004; Panopoulou et al, 2010] в значительной мере напоминают модель Арнштейна.

Как показывают исследования, россияне сегодня проявляют все больший интерес к участию в процессах государственного управления, предъявляют все больше требований к их прозрачности, подотчетности и открытости. Во многом это стало следствием «цифровой революции» [Нуреев, Карапаев, 2019]. С появлением новых способов коммуникации (Facebook, Instagram, WhatsApp) граждане стали иначе представлять себе взаимодействие с госорганами [Ellison et al., 2007] и возможности влияния на принимаемые государственные решения.

База и методология исследования

Для определения места и роли электронных платформ общественного участия в России (самостоятельный институт или дублирующая технология для существующих процессов) мы провели анализ нормативно-правового поля в РФ⁵.

---

⁵ Были проанализированы: Конституция РФ; федеральные законы «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ; «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.05.2019); «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» от 02.05.2006 № 59-ФЗ; «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ; «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с принятием Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 227-ФЗ; «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ; Постановление Правительства РФ от 28.07.2005 № 452 (ред. от 10.07.2017) «О типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти».

В целях более детального исследования были выбраны три электронные платформы (веб-сайта) общественного участия в России, отвечающие следующим критериям:

- веб-сайт представляет собой площадку взаимодействия граждан, неправительственных организаций (НПО) и правительственных агентств для совместного обсуждения и решения социально-экономических проблем;
- характер обсуждаемых на сайте вопросов – общественный, затрагивающий интересы общества в целом или его отдельной группы⁶;
- на сайте содержатся опубликованные отчеты по проведенным обсуждениям (голосованиям);
- по региону, в котором действует электронная платформа, имеются свежие результаты исследований общественного мнения о наиболее актуальных социально-экономических проблемах.

По результатам проведенного анализа были выбраны три электронные платформы:

- 1) «Активный гражданин» г. Москвы (URL: <http://ag.mos.ru/>);
- 2) «Голос Республики Башкортостан» (URL: <https://golos.openrepublic.ru/>);
- 3) «Активный электронный гражданин» г. Воронежа (URL: <https://e-active.govvrn.ru/archive>).

Чтобы установить, отражает ли повестка голосований проблемы, наиболее актуальные для жителей, мы изучим результаты социологических опросов на эту тему и сравним их с задаваемыми на платформах вопросами.

Так, для выявления наиболее значимых социально-экономических проблем Москвы и Воронежа использовался «Рейтинг проблем в городах-миллионерах» от 10 декабря 2018 г., для составления которого было опрошено более 43 тыс. человек на портале Domofond.ru⁷. Мы сравнили полученный рейтинг проблем с теми вопросами, которые ставились на голосование в 2018–2019 гг., на столичном портале «Активный гражданин»

---

⁶ По этому критерию из выборки были исключены порталы для заявления проблем ЖКХ (дороги, благоустройство территории, мусор и проч.), а также сайты органов исполнительной власти, на которых можно подать заявление или жалобу на действия/бездействие, а также оставить заявку на получение госуслуг.

⁷ URL: https://www.domofond.ru/statya/plohie_dorogi_i_gryaz__glavnye_problemy_gorodov_v_2018_godu/7649

(раздел «Результаты»)⁸ и на воронежской платформе «Активный электронный гражданин» (раздел «Архив»)⁹.

Платформа «Голос Республики Башкортостан» является общереспубликанским ресурсом, что затрудняет поиск результатов социологических опросов в разрезе отдельных городов. Поэтому мы использовали соответствующий раздел данной платформы в качестве источника информации о наиболее актуальных проблемах жителей. Сайт имеет несколько разделов – петиции, опросы, форум. В качестве индикатора проблем жителей мы выбрали модуль «Петиции», а в качестве источника информации о проведенных опросах – «Опросы»¹⁰. При этом мы сравнивали не абсолютные величины (количество вопросов), а их доли в общем итоге, поскольку петиции имеют индивидуальный характер, и по одной проблеме может быть бесконечно много петиций. А опросы носят общественный характер, поэтому, как правило, одной проблеме посвящен один опрос с неограниченным количеством участников.

При анализе каждой из электронных платформ мы также обращали внимание на наличие или отсутствие механизмов влияния граждан на обсуждаемую повестку (в частности, наличие возможности предлагать альтернативы для голосования и своей повестки).

Результаты и дискуссия

В результате изучения нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы публичного управления, мы пришли к выводу, что существующие электронные платформы общественного участия в России реализуют модель Front-end, представляя собой удобную технологию для реализации права граждан на участие в публичном управлении и обращение в государственные органы, в этом смысле своим появлением они не вносят принципиальных изменений в существующие процессы и процедуры. Для электронных платформ в России нет единых стандартов, регулирующих вопросы создания, ситуаций использования, правил функционирования, форм отчетности и др., а результаты голосований, проведенных в электронной форме, не могут являться формальным основанием для принятия государственных решений.

⁸ URL: <https://ag.mos.ru/results>

⁹ URL: <https://e-active.govrn.ru/archive>

¹⁰ Данные на 23.05.2019.

Так, федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» не предусматривает возможности голосования через веб-сайт, результаты электронных опросов могут использоваться только как дополнительный источник информации о мнении публики.

Конституция РФ закрепляет право граждан участвовать в управлении делами государства и высказывать свое мнение (к примеру, ч. 2 ст. 3, ч. 1 ст. 30, 32).

Федеральный закон «О стратегическом планировании в РФ» не предусматривает участие в этом процессе отдельных граждан, только «объединения профсоюзов и работодателей, общественные, научные и иные организации...» (п. 7 ст. 11). При этом механизмы и порядок вовлечения этих групп общества в процедуры стратегического планирования, в том числе посредством электронных платформ, в явном виде не оговорены.

Право обращения граждан в органы государственного управления регламентирует федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ», который гарантирует получение ответа в течение 30 дней. Право на обращение граждан в органы государственной власти в форме электронного документа закреплено федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с принятием Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»» и федеральным законом № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Обязательность ответа государственных органов (в том числе на электронные сообщения) регламентирует также Постановление Правительства РФ № 452 «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» (ст. 12.1).

«Активный гражданин» г. Москвы

Платформа «Активный гражданин» была разработана Правительством Москвы в 2014 г. в рамках инициативы Открытого правительства РФ «Вовлечение граждан в процессы государственного и муниципального управления в субъекте РФ» в качестве площадки для проведения в электронной форме открытых общегородских и районных голосований по широкому спектру тем. По состоянию

на начало июня 2019 г. на платформе зарегистрировано около 2,3 млн пользователей, проведено 3,9 тыс. голосований, принято более 118 млн мнений и реализовано около 3000 решений. Ресурс считается одной из лучших электронных платформ в России, отмечен рядом престижных наград, в связи с этим принято решение использовать его опыт в других регионах РФ¹¹.

Оценим, отражает ли повестка (совокупность вопросов), обсуждаемая на платформе «Активный гражданин», наиболее актуальные для горожан социально-экономические вопросы, сравнив ее с Рейтингом проблем в городах-миллионерах (табл. 1).

В целом, по каждой из топ-5 наиболее актуальных проблем граждан, заявленных в 2018 г., на платформе «Активный гражданин» обсуждений либо не было, либо они проводились в единичном количестве.

По результатам анализа, на платформе не удалось обнаружить описания целей, задач участия, стимулов и влияния на благосостояние жителей. Связаться с организаторами возможно только через форму «обратной связи», офлайн-каналы (почтовый адрес, телефон) отсутствуют. Между тем, как отмечается в исследовании ОЭСР, «онлайн-вовлечение не является универсальным подходом; в связи с обязанностью консультироваться с жителями, порой требуются отдельные стратегии для охвата недопредставленных групп, таких как молодежь и люди пожилого возраста»¹². Конфигурация платформы не предусматривает возможность участия граждан в формулировании повестки для голосования и подготовке альтернативных решений. Опубликованные отчеты о проведенных голосованиях (результаты) довольно ограничены – содержат только указание о выбранной опции и иногда фото. Детального описания проекта в целом, по которому проводилось голосование (затраты, сроки и пр.), нет. Публикация отчетов о проведенных голосованиях и их результатах кажется выборочной или неполной. К примеру, на платформе заявлено о том, что за четыре года работы реализовано 3000 решений¹³,

---

¹¹ URL: <https://agrussia.ru/>

¹² OECD. Canada's direct online engagement on climate change. 2016. URL: https://www.oecd.org/governance/observatory-public-sector-innovation/innovations/page/canadasdirectonlineengagementonclimatechange.htm#tab_lessons (дата обращения: 04.06.2019).

¹³ URL: <https://ag.mos.ru/about-new>

тогда как за 2018-й и первую половину 2019 г. опубликовано 113 результатов голосований¹⁴. Репрезентативность выборки для голосования организаторами не измеряется.

Таблица 1. Рейтинг проблем в городах-миллионерах и их доля от общего количества ответов (Москва), 2018–2019 гг.

Рейтинг	Проблема	Количество заявивших респондентов, %	Количество голосований на АГ за январь-май 2019	Количество голосований на АГ за 2018
1	Грязь	37	1	0
2	Кафе	34	0	0
3	Нет площадок для собак	31	0	1
4	Скучно	22	3	1
5	Общественные места	20	3	16
6	Плотность застройки	19	0	0
7	Условия для инвалидов	18	0	0
8	Дороги	17	0	1
9	Освещение	15	0	3
10	Ветхое жилье	10	0	0
11	Бездомные животные	7	0	0
12	Интернет	6	0	0
13	Снос исторических зданий	4	0	0
Всего решений на АГ по всем темам*			20	93

*На 21.05.2019.

Источник: URL: https://www.domofond.ru/statya/plohie_dorogi_i_gryaz_glavnye_problemy_gorodov_v_2018_godu/7649

Примечание. По запросам Рейтинга «грязь», «снег», «лед», «лужи на тротуарах», «дворников нет или недостаточно» на платформе «Активный гражданин» изучали результаты голосований в категориях «Благоустройство», «Экология» [URL: <https://ag.mos.ru/results>]; «мало хороших кафе и ресторанов» – «Строительство», «Туризм», «Культура»; «нет площадок для выгула собак» – «Строительство», «Благоустройство», «Экология»; «недостаточно культурных мероприятий», «скучно» – «Городские мероприятия», «Культура»; «плохое благоустройство общественных мест и парков» (нет озеленения, туалетов, скамеек) – «Благоустройство»; «слишком плотная застройка» – «Строительство»; «нет условий для свободного перемещения людей с ограниченными возможностями» – «Социальная сфера»; «дороги плохие и не ремонтируются» – «Транспорт»; «недостаточная освещенность улиц» – «Благоустройство»; «не сносят ветхое жилье» – «Строительство», «Благоустройство», «Культурное наследие»; «много бездомных животных» – «Город», «Экология»; «дорогой или некачественный интернет» – «Электронный дом», «Социальная сфера», «Наука и инновации»; «сносят архитектурные или исторические памятники» – «Строительство».

¹⁴ URL: <https://ag.mos.ru/results>

«Голос Республики Башкортостан»

Платформа «Голос Республики Башкортостан» была разработана Правительством Башкирии в 2013 г. как «эффективный коммуникационный механизм между гражданами, властью и социально значимыми организациями»¹⁵. На ней предусмотрена возможность проводить опросы, предлагать собственные вопросы и петиции, обсуждать их на форуме. Для того чтобы оценить, насколько повестка (совокупность вопросов), обсуждаемая на ресурсе, отражает наиболее актуальные социально-экономические проблемы граждан, мы провели сравнительный анализ структуры тематик петиций и опросов на сайте (рис. 1, 2).

Рис. 1. Рейтинг тем петиций на платформе «Голос Республики Башкортостан»

Рис. 2. Рейтинг тем опросов на платформе «Голос Республики Башкортостан»

¹⁵ URL: <https://golos.openrepublic.ru/about/>

Как видно из сопоставления диаграмм, если сами граждане чаще всего обращаются в государственные органы по вопросам хозяйственной деятельности, жилища, образования, науки и культуры, то модераторы платформы чаще всего предлагают им обсудить проблемы финансов (бюджет), общие вопросы (коррупция, оценка органов местного самоуправления и проч.), работу по направлению «бережливое правительство» (оценка качества оказания госуслуг и результатов деятельности госорганов). Вопросы, касающиеся хозяйственной деятельности, жилища, образования, науки и культуры, представлены в опросах в меньшинстве (6%, 5% и 1% соответственно).

По результатам анализа, на платформе не удалось обнаружить описание целей, задач участия, стимулов и влияния на благосостояние жителей. Связаться с организаторами возможно только через онлайн-канал («форма обратной связи»). Граждане не участвуют в формулировании повестки для голосования и подготовке альтернатив в модуле опросов, но могут предложить свой вариант опроса в виде петиции, а также оставляя комментарии на форуме (насколько темы, обсуждаемые гражданами на форуме, влияют на формирование тем опросов, установить не удалось). Опубликованные результаты проведенных опросов содержат статистику ответов на каждый из вопросов анкет, однако узнать решения, принятые по итогам голосования (исполнение или рассмотрение), не удалось. Репрезентативность выборки для голосования организаторами не измеряется.

«Активный электронный гражданин» г. Воронежа

Платформа «Активный электронный гражданин» была разработана Правительством Воронежской области. В описании платформы не сказано, когда она была создана, какие цели и задачи преследует. Для оценки повестки мы провели анализ вопросов, которые были предложены для голосования в 2018–2019 гг., и сравнили их с Рейтингом проблем в городах-миллионерах (табл. 2).

Таблица 2. Рейтинг проблем в городах-миллионерах и их доля от общего количества ответов (Воронеж), 2018–2019 гг.

Рейтинг	Проблема	Количество заявивших респондентов, %	Количество голосований за январь-май 2019*	Количество голосований за 2018
1	Грязь	54	0	0
2	Дороги	45	0	0
3	Общественные места	35	0	0
4	Кафе	30	0	0
5	Нет площадок для собак	30	0	0
6	Бездомные животные	25	0	0
7	Условия для инвалидов	23	0	0
8	Освещение	22	0	0
9	Скучно	21	0	0
10	Плотность застройки	16	0	0
11	Ветхое жилье	14	0	0
12	Интернет	8	0	0
13	Снос исторических зданий	2	0	0

*URL: <https://e-active.govrn.ru/archive>

Источник: URL: https://www.domofond.ru/statya/plohie_dorogi_i_gryaz__glavnye_problemy_gorodov_v_2018_godu/7649

Как видно из таблицы, за 2018–2019 гг. (январь-май) не было проведено ни одного голосования по актуальным проблемам жителей. Платформа не содержит описания целей, задач участия, стимулов и влияния на благосостояние жителей. Связь с организаторами, как и на ранее изученных платформах, поддерживается только через «форму обратной связи». Конфигурация платформы не предполагает наличие возможностей для участия граждан в формулировании повестки для голосования и подготовке альтернативных решений (опций для голосования), а также не позволяет предложить свою тему для голосования. В архиве результатов голосования представлены анкеты с указанием числа отданных голосов за каждый из вопросов, но ни анализ результатов голосования, ни принятое по его итогам решение, не опубликованы. Отметим, что количество участников опросов редко превышает 100 человек. Так, в голосовании «Отбор общественных территорий для проведения работ по благоустройству в первоочередном порядке в г. Воронеж»¹⁶ участвовали всего 43 человека.

¹⁶ URL: https://e-active.govrn.ru/otbor_obshchestvennih_territoriy_dlya_provedeniya_rabot_po_blagoustroystvu_v_pervoocherednom_poryadke

Выводы

В результате анализа нормативно-правовых актов мы установили, что существующие электронные платформы общественного участия в России реализуют модель публичного управления Front-end. Фактически они представляют собой более удобную (по сравнению с традиционной, основанную на преимуществах использования интернета) технологию взаимодействия граждан с государственными органами, не внося принципиальных (структурных) изменений в существующие процессы и процедуры взаимодействия государства и граждан при принятии решений.

Законодательство РФ не предусматривает наличие единых стандартов для электронных платформ, регулирующих вопросы их создания, использования, функционирования, форм отчетности и т.д. (помимо прочего, это осложняет их сравнительный анализ). Результаты голосований, проведенных в электронной форме, согласно текущему законодательству, не могут являться формальным основанием для принятия государственных решений.

Проведение детального анализа трех выбранных электронных платформ общественного участия г. Москвы, Республики Башкортостан и г. Воронежа показало, что повестка, обсуждаемая на исследуемых платформах, не отражает наиболее актуальные социально-экономические вопросы граждан этих территорий, а их конфигурация не позволяет пользователям влиять на повестку и альтернативы для голосований. Полномочия граждан на платформах ограничены возможностью бинарной реакции на повестку, предлагаемую органами государственной власти (проголосовать за одну из предложенных опций).

Но если существующие платформы созданы не с целью обсуждения и решения наиболее актуальных социально-экономических проблем жителей, то с какой? Вероятно, из трех важнейших функций общественного участия – механизма обмена информацией, источника важного контекста и инструмента формирования доверия, современные российские платформы пока сосредоточены на последней.

Учитывая наличие объективных технических возможностей (проникновение Интернета на территории России составляет

около 72%¹⁷), остается предположить, что активному применению новых электронных технологий в проектах общественного участия сегодня препятствуют все еще не преодоленные организационные, культурологические и административные барьеры традиционных институтов публичного управления (см. [McNutt, 2014]).

Задачи платформ общественного участия в России сегодня – воспитание привычки и обучение новому способу участия в публичном управлении, формирование доверия к нему, с точечными экспериментами на уровне консультаций (в начале лестницы Арнштейна). Кроме того, следует отметить, что электронные технологии используются в публичном управлении в России сравнительно недавно, поэтому важно достижение образовательного эффекта для всех сторон (и гражданского общества, и правительства) [Irvin & Stansbury, 2004]. В этом смысле процесс внедрения новых механизмов и технологий в публичное управление является эволюционным и может требовать довольно продолжительного времени.

На наш взгляд, даже самую активно развивающуюся платформу «Активный гражданин» пока нельзя назвать сервисом, реализующим принципы электронной демократии в общественном участии, поскольку пользователи не могут влиять на формирование опросов. Вместе с тем, как утверждает Р. Аргенбрайт, это наличие возможности влиять на повестку является необходимым шагом в увеличении вовлечения общественности в принятие решений [Argenbright, 2016]. В этом смысле, вероятно, стоит формировать реалистичные ожидания от существующих платформ и стремиться к развитию инструментов совместного принятия решений, развивая социальное обучение и учитывая российский контекст при импорте институтов, успешных в иной социально-экономической среде (в других странах мира).

---

¹⁷ Интернет-доступ: рынок России и СНГ. URL: [http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82-%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF_\(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8\)#.D0.A3.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.B5.D0.BD.D1.8C_.D0.BF.D1.80.D0.BE.D0.BD.D0.B8.D0.BA.D0.BD.D0.BE.D0.B2.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B8.D0.BD.D1.82.D0.B5.D1.80.D0.BD.D0.B5.D1.82.D0.B0_.D0.B2_.D1.81.D1.80.D0.B0.D0.B2.D0.BD.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D0.B8_.D1.81_.D0.B4.D1.80.D1.83.D0.B3.D0.B8.D0.BC.D0.B8_.D1.81.D1.82.D1.80.D0.B0.D0.BD.D0.B0.D0.BC.D0.B8](http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82-%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8)#.D0.A3.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.B5.D0.BD.D1.8C_.D0.BF.D1.80.D0.BE.D0.BD.D0.B8.D0.BA.D0.BD.D0.BE.D0.B2.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B8.D0.BD.D1.82.D0.B5.D1.80.D0.BD.D0.B5.D1.82.D0.B0_.D0.B2_.D1.81.D1.80.D0.B0.D0.B2.D0.BD.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D0.B8_.D1.81_.D0.B4.D1.80.D1.83.D0.B3.D0.B8.D0.BC.D0.B8_.D1.81.D1.82.D1.80.D0.B0.D0.BD.D0.B0.D0.BC.D0.B8) (дата обращения: 23.05.2019).

Литература/ References

Бычкова О. Публика и принятие правительственных решений: кому нужны «народные» обсуждения и консультации? // Вопросы экономики. 2014. № 6. С. 63–80.

Bychkova, O. (2014). The Public and Decision-making Process: Who and Why Needs Citizen Participation? *Voprosy Ekonomiki*. No. 6. Pp. 63–80. (In Russ.).

Капогузов Е. А. Трансформация государственного управления на региональном уровне: возможен ли импорт институтов? Институциональная трансформация: федеральный и региональный уровни. Материалы международной конференции. Кемерово, 2009. С. 70–74.

Kapoguzov, E.A. (2009). Transformation of public administration at the regional level: is it possible to import institutions? in: *Institutional Transformation: Federal and Regional Levels*. Proceedings of the international conference. Kemerovo. Pp. 70–74. (In Russ.).

Капогузов Е. А., Ковеченкова А. И. Инициативное бюджетирование – от практик к институционализации? (случай г. Омска) // ЭКО. 2018. №№ 9 (531). С. 39–50.

Kapoguzov, E.A., Kovechenkova, A.A. (2018). Initiative Budgeting: From Practice to Institutionalization? (Case of City Omsk). *ECO*. No. 9. Pp. 39–50. (In Russ.).

Нуреев Р. М., Карараев О. В. Три этапа становления цифровой экономики // Вопросы регулирования экономики. 2019. Т. 10. № 2. С. 6–27.

Nureev, R. M., Kararaev, O.V. (2019). Digital economy as an economic institute. *Journal of Economic Regulation*. Vol. 10. No. 2. Pp. 6–27. (In Russ.).

Argenbright R. (2016). *Moscow under Construction. City Building, Place-Based Protest, and Civil Society*. Lanham, MD: Lexington Books.

Arnstein, S. (1969). A Ladder of Citizen Participation. *JAIP*. Vol. 4. No. 35. Pp. 216–224.

Chalmers, J.A., Branch, K. (1998). Integrating Planning and Assessment Through Public Involvement. In *Public Involvement Techniques: A Reader of Ten Years Experience at the Institute of Water Resources*. Ed. by Creighton J.L., Delli Priscoli. IWR Staff Rep. 81–1: U.S. Army Engineer Institute for Water Resources. Fort Belvoir. Pp. 455–462.

Chiu, K., Wagner, L., Choe, L., Chew, C., Kremzner, M. (2016). Piloting social engagement on a federal agency-administered Facebook page. *Journal of the American Pharmacists Association*. No. 3 (56). Pp. 330–337.

Davies, J. et al. (2018). Understanding innovation platform effectiveness through experiences from west and central Africa. *Agricultural Systems*. (165). Pp. 321–334.

Donders, M., Hartmann, T., Kokx, A. (2014). Eparticipation in Urban Planning: Getting and Keeping Citizens Involved. *International Journal of E-planning Research*. Vol. 3. No. 2. Pp. 54–69.

Ellison, N.B., Steinfield, C., Lampe, C. (2007). The Benefits of Facebook “Friends”: Social Capital and College Students’ Use of Online Social Network Sites. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 12. No. 4. Pp. 143–168.

IAP2 Spectrum of Public Participation. (2017). Available at: <https://sustainingcommunity.wordpress.com/2017/02/14/spectrum-of-public-participation/> (accessed: 30.09.2019).

Irvin, R.A., Stansbury, J. (2004). Citizen Participation in Decision Making: Is It Worth the effort? *Public Administration Review*. No. 1 (64). Pp. 55–65.

Janowski, T., Pardo, T., Davies, J. (2012). Government Information Networks—Mapping Electronic Governance Cases through Public Administration Concepts. *Government Information Quarterly*. Vol. 29. No. 1. Pp. 1–10.

Janssen, M., Estevez, E. (2013). Lean Government and Platform-based Governance – Doing more with Less. *Government Information Quarterly*. Vol. 30. Pp. 1–8.

Kakabadse, A., Kakabadse, N.K., Kouzmin, A. (2003). Reinventing the Democratic Governance Project through Information Technology? A Growing Agenda for Debate. *Public Administration Review*. Vol. 63. No. 1. Pp. 44–60.

Lember, V., Kattel, R, Tõnurist, P. (2018). Technological Capacity in the Public Sector: the Case of Estonia. *International Review of Administrative Sciences*. Pp. 214–230.

Macintosh, A. (2004). Characterizing e-Participation in Policy-Making. 37th Hawaii International Conference on System Sciences (IEEE). Pp. 1–10.

Macintosh, A. (2006). e-Participation in Policy-Making: the Research and the Challenges. *Exploiting the Knowledge Economy: Issues, Applications. Case Studies*. Pp. 364–369.

McNutt, K. (2014). Public Engagement in the Web 2.0 era: Social Collaborative Technologies in a Public Sector Context. *Canadian Public Administration*. Vol. 1. No. 57. Pp. 49–70.

OECD. (2001). *OECD Handbook on Information, Consultation and Public Participation in Policy-making “Citizens as Partners”*. Available at: <http://www.internationalbudget.org/wp-content/uploads/Citizens-as-Partners-OECD-Handbook.pdf> (accessed 04.06.2019).

Osborne, S. (2010). *The New Public Governance?* London: Routledge.

Panopoulou, E., Tambouris, E., Tarabanis, K. (2010). e-Participation initiatives in Europe: Learning from practitioners // 2nd IFIP WG 8.5 International Conference on Electronic Participation. Pp. 54–65.

Pina, V., Torres, L., Royo, S. (2017). Comparing Online with Offline Citizen Engagement for Climate Change: Findings from Austria, Germany and Spain. *Government Information Quarterly*. Vol. 1. No. 34. Pp. 26–36.

Rania, Q. (2017). Using Social Hub Media to Expand Public Participation in Municipal Urban Plans. *Procedia Engineering*. Vol. 198. Pp. 34–42.

Scholl, H.J. (2002). E-government: A Special Case of ICT-enabled Business Process Change. The 36th Hawaii International Conference on System Sciences. P. 1.

Smyth, E. (2001). *Would the Internet Widen Public Participation?* MRes Thesis. UK, University of Leeds.

Stelzle, B., Jannack, A., Rainer Noennig J. (2017). *Co-Design and Co-Decision: Decision Making on Collaborative Design Platforms*.

Weerakkody, V., Janssen, M., Dwivedi, Y. (2011). Transformational Change and Business Process Reengineering (BPR): Lessons from the British and Dutch public sector. *Government Information Quarterly*. Vol. 28. No. 3. Pp. 320–328.

Wilcox, D. (1994). *The Guide to Effective Participation*. Brighton, Partnership Books.

Для цитирования: Капогузов Е. А., Ревякин С. А. Электронное общественное участие в России: технологии или институт, соло или дуэт? // ЭКО. 2019. № 12. С. 27-46. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-27-46.

For citation: Kapoguzov, E.A., Revyakin, S.A. (2019). Electronic Public Participation in Russia: Technology or Institute, Solo or Duo? *ECO*. No. 12. Pp. 27-46. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-27-46.

Summary

Kapoguzov, E.A., Doct. Sci. (Econ.), Omsk F.M. Dostoevsky State University, Omsk, Revyakin, S.A., National Research University – Higher School of Economics, Moscow

Electronic Public Participation in Russia: Technology or Institute, Solo or Duo?

Abstract: Public participation is an integral attribute of modern public governance, designed to optimize search for an effective solution and increase a likelihood of its implementation. Today, in the practice of public participation and co-production within the framework of public administration in Russia, electronic platforms are coming in active use. We set out to explore e-participation platforms in Russia trying to answer two research questions. The first question is whether e-participation platforms in Russia represent an autonomous institution involving citizens in decision-making process or such platforms serve as front-end technology which duplicates already existing processes in the public administration. The second question is aimed at whether the agenda discussed on the three e-platforms we researched reflects most pressing socio-economic problems of citizens, and to what extent the citizens can influence it. Three e-participation platforms from three different areas have been explored to answer our research questions (Moscow, the Republic of Bashkortostan, Voronezh). The paper shows that the e-participation platforms explored represent front-end technology for citizens' right to appeal to state authorities using WWW and receive a response, but outcomes of such voting could not be used as the rationale for official decision making according to the Russian legislation. At the same time, topics discussed on the platforms do not reflect most pressing socio-economic issues of the citizens and the discussion has no influence on the agenda and alternatives for voting. The power of citizens is limited to vote/not vote on the agenda submitted by the state authorities. The paper concludes that the situation reflects an early stage of adopting e-tools in public participation in Russia focusing on learning and education.

Keywords: *public participation; e-platforms; import of institutions; governance*

Чем различаются инновационные экосистемы регионов-лидеров и аутсайдеров?¹

И.В. КОРЧАГИНА, кандидат экономических наук. E-mail: korchagina-i@mail.ru

О.В. СЫЧЁВА-ПЕРЕДЕРО, кандидат экономических наук.

E-mail: ovsp2006@rambler.ru

Р.Л. КОРЧАГИН, Кемеровский государственный университет, Кемерово.

E-mail: kor4.ru@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ набора «жестких» компонент инновационных экосистем регионов России по группам лидеров и аутсайдеров инновационно-технологического развития. Оценка выполнена по следующим параметрам: характеристики пространства инноваций, пространства согласований, материальные объекты «жесткой» инфраструктуры». Показано, что лидирующие позиции регионов в различных рейтингах инновационного развития не всегда сочетаются с высокой результативностью инновационной деятельности вследствие эффекта субоптимизации. Многие характеристики инновационных экосистем не оказывают влияния на результаты инновационной деятельности. В полной мере это относится к количеству объектов инновационной инфраструктуры (за исключением венчурных фондов). Путем сопоставления позиций регионов в рейтингах инновационного развития с вкладом в производство инновационной продукции, работ, услуг выделено четыре группы регионов с разной эффективностью инновационных экосистем. По каждой из групп сформулированы рекомендации по дальнейшим направлениям развития этих экосистем с учетом эффективности инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновационная экосистема; эффективность; регион; рейтинг; сравнительный анализ; пространство согласований; пространство инноваций

Продуктивная инновационная экосистема: что остается неясным?

Актуальные проблемы федеральной и региональной повестки довольно давно связаны с формированием инновационной модели развития, включающей новую индустриализацию, технологическое предпринимательство, увеличение несырьевого экспорта и др.

---

¹ Статья подготовлена по результатам выполнения научно-исследовательской работы, финансируемой из средств ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» на тему «Формирование инновационной экосистемы технологического предпринимательства как фактор снижения монозависимости региона».

[Селиверстов и др., 2014]. Необходимой основой этого процесса является продуктивная инновационная экосистема. Большинство регионов прилагают серьезные усилия по ее развитию, особенно в части «жесткой» компоненты, однако успешных кейсов пока немного. В данной работе мы попытаемся выяснить, почему это происходит, и на что нужно обратить внимание для повышения продуктивности экосистем.

Фундаментальные представления об инновационных экосистемах были, как известно, обоснованы в классических работах Д. Тииса, Г. Ицковица – Л. Лейдесдорфа, Г. Чесбро [Etzkowitz, Leydesdorff, 2000; Leydesdorff, Meyer, 2006; Leydesdorff, Zawdie, 2010; Teece, 2007; Чесбро, 2007]. Российскими учеными проблемы инновационных экосистем изучаются по преимуществу с 2010-х гг.

В позитивных исследованиях преобладает представление об уникальности каждой из успешных экосистем, значительных трудностях их сознательного формирования. Та же Кремниевая долина формировалась 50 лет в условиях единственной в своем роде инновационной среды, поэтому воспроизвести ее невозможно, «развитие экосистемы – это сложный нелинейный самоорганизованный процесс, который по аналогии с биологическими процессами... не может быть ускорен» [Сидоров, 2017]. Различия функционирования традиционных для инновационных экосистем элементов в реальных российских условиях показано в работе Д.В. Сидорова и его коллег [Сидоров и др., 2017].

Среди нормативных исследований по данной тематике можно выделить работы Г.Ф. Деттера, И.Л. Туккеля. Они предлагают набор рекомендаций по проектированию таких систем (главным образом – в части «жесткой» инновационной инфраструктуры), однако не приводят их экспериментальной апробации [Деттер, Туккель, 2016; Деттер, 2018]. Д.Д. Цителадзе настаивает на том, что при догоняющем развитии России формирование инновационных экосистем должно опираться на деятельность центров бизнес-инкубирования и акселерации, конвертирующих бизнес-идеи в стартапы [Цителадзе, 2018].

Выстраивание приоритетов в стратегиях инновационного развития требует анализа результативности и эффективности действий по формированию инновационных экосистем, хотя таких оценок в литературе немного. В 2014 г. В.А. Барина

и др. показали, что взаимосвязь Индекса инновационного развития регионов России и количества объектов инновационной инфраструктуры описывается полиномом третьего порядка, максимально разумное число таких организаций – около 40–50 единиц [Барина и др., 2014]. В 2018 г. на материалах Центрального и Сибирского федеральных округов установлено отсутствие связи между числом объектов инновационной инфраструктуры и экономическим потенциалом [Колмыкова, Мальцев, 2018], следовательно, их создание еще ничего не гарантирует региону. В работе В. Ф. Ефременко оценена эффективность построения региональной инновационной системы на Дальнем Востоке (в Приморском крае и Республике Саха (Якутия)) [Ефременко, 2019].

Принципиальная возможность и тем более эффективность конкретных шагов сознательного формирования инновационной экосистемы остаются дискуссионными. Субъекты РФ характеризуются глубокими отличиями как по уровню и зрелости инновационных экосистем, так и по результатам своего инновационно-технологического развития. Поэтому целесообразно выяснить, существуют ли какие-то особенности инновационных экосистем в регионах-лидерах и сопоставить их с параметрами тех, что созданы в регионах-аутсайдерах. Это позволит определить причины различий и выявить «облик», целевое видение прогрессивных инновационных экосистем. В этом и состоит цель настоящего исследования.

О чем говорят рейтинги и статистика инноваций

На первом этапе исследования мы сгруппировали регионы России по уровню инновационного развития. Для этого можно применять различные интегральные рейтинги либо отдельные статистические показатели. Авторы опирались на результаты трех рейтингов инновационно-технологического развития регионов (разработанных Высшей школой экономики, Ассоциацией инновационных регионов России, «РИА Рейтинг»). Их оценки были сопоставлены (также с рэнкингами) по трем показателям результативности: 1) число передовых производственных технологий, разработанных в регионе; 2) удельный вес организаций, имевших готовые технологические инновации, разработанные собственными силами; 3) доля инновационных товаров, работ,

услуг в общем объеме выпуска. При группировке регионов учитывались также частота их упоминаний в рейтингах инновационного развития и число вхождений в состав лидеров по количественным показателям.

Как показал проведенный анализ, интегральные рейтинги инновационного развития регионов и количественные показатели их технологического развития в определенной степени противоречивы: лидерство в том или ином рейтинге еще не гарантирует впечатляющей статистики по инновационному развитию. В итоге в группу лидеров с продуктивными инновационными экосистемами мы отобрали семь регионов, в которых высокие рейтинговые позиции сочетаются с лидирующими хотя бы по части показателей статистики инноваций: Республика Татарстан, Санкт-Петербург, Калужская и Московская области, Чувашия, Республика Мордовия, Ульяновская область. В группу аутсайдеров (низкие места в рейтингах, худшие показатели статистики инноваций) вошли шесть регионов: Республика Ингушетия, Ненецкий автономный округ, республики Калмыкия, Дагестан, Тыва, Северная Осетия – Алания.

На втором этапе исследования были выявлены и структурированы основные характеристики инновационных экосистем рассматриваемых регионов (табл. 1). Как видно из представленных в ней данных, по ряду параметров содержания инновационных экосистем лидирующие регионы России весьма близки друг другу, по другим характеристикам есть расхождения. Это позволяет предположить, что существуют характерные черты инновационных экосистем, присущие успешным регионам.

Общие и различные черты региональных экосистем

Сравнительно высокий уровень развития инновационных экосистем почти во всех регионах-лидерах ассоциирован в первую очередь с наличием вузов особого статуса. Несколько выбиваются из этой тенденции Калужская и Московская области, но в первой из них имеются три государственных научных центра и два филиала национальных исследовательских университетов. Инновационная экосистема Московской области, безусловно, испытывает влияние ведущих столичных вузов.

Таблица 1. Параметры инновационных экосистем лидирующих и отстающих субъектов Российской Федерации (2018 г.), ед.

Показатель	Лидеры							Отстающие						
	Респ. Татарстан	Санкт-Петербург	Калужская обл.	Московский обл.	Респ. Чувашия	Респ. Мордовия	Ульяновская обл.	Респ. Ингушетия	Ненецкий авт. округ	Респ. Калмыкия	Респ. Дагестан	Респ. Тыва	Респ. Северная Осетия – Алания	
Организации высшего образования	23	65	3	20	4	3	5	2	0	1	12	1	6	
Вузы особого статуса	3	4	0	0	1	1	1	0	0	1	0	0	0	
Кластеры	6	10	2	2	1	1	2	0	0	0	0	1	0	
Технопарки	5	1	1	10	1	1	1	Строится	0	0	3	0	1	
Индустриальные парки	5	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	Строится	0	
Технополисы	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
Инновационные центры	4	4	4	>10	1	0	8	6	1	2	8	2	4	
Бизнес-инкубаторы	2	1	5	>10	0	1	2	2	1	1	5	1	0	
Специализированный оператор поддержки	Да	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	
Программы развития	2 специализированных	Не специализированна	Специализированна	Не специализированна	Программа, концепция	Специализированна	Не специализированна	Не специализированна	Специализированна	Не специализированна	Не специализированна	Специализированна	Специализированна	
Профильный орган власти	Есть	Есть	Есть	Есть	Нет	Есть	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	
Общественные советы	Несколько	Не специализированы	Несколько	Несколько	Не специализированы	Несколько	Специализирован	Нет	Нет	Нет	Нет	Рабочая группа	Специализирован	

Источник: составлено по данным: Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: <http://indicators.miscedu.ru/monitoring/?m=uro> (дата обращения: 23.04.2019); Карта кластеров России. URL: <https://map.cluster.hse.ru/> (дата обращения: 23.04.2019); официальные сайты органов власти и институтов развития.

Это в принципе подтверждает известные представления о ведущей роли академических организаций в инновационных экосистемах применительно к странам с переходной и развивающейся экономикой и позволяет не согласиться с мнением о низком реальном влиянии университетов на инновационное развитие.

Далее, лидирующие регионы, как правило, имеют инновационные кластеры высокой или средней зрелости. Хорошо известные преимущества кластерной формы организации экономики особенно значимы в контексте получения дополнительных возможностей активизации взаимодействий внутри «тройной спирали» (наука-производство-государство). При сочетании образовательных, научных организаций достаточно высокого уровня с производственной базой в виде предприятий кластера может возникать потенциал для одновременного роста инновационного спроса и предложения. По крайней мере, такую модель стараются реализовать в Республике Мордовия (светотехника и освещение), Республике Чувашия (биотехнологии и биоэкономика), Ульяновской области (ядерные технологии).

Следует учитывать, что кластеры России весьма разнообразны по результативности своей деятельности и степени соответствия классическим кластерным моделям. Со стороны государства (администраций регионов) не исключено намеренное «форсирование» официального институционального закрепления кластеров на базе местных организаций и предприятий, характер взаимодействия которых лишь в малой степени соответствует традиционным представлениям о кластере. Однако мы в своем исследовании не оцениваем реальные результаты кластерной политики территорий, а фиксируем их целенаправленные усилия по закреплению современных форм взаимодействия и сотрудничества, привлечению федеральных средств, развитию имиджа современного региона, что положительно сказывается на построении инновационной экосистемы.

Итак, наличие инновационных кластеров и академической базы (преимущественно в виде ведущих университетов) может рассматриваться как исходная основа формирования инновационной экосистемы со сравнительно серьезным экономическим потенциалом. Вместе с тем кластерами и вузами с особым статусом располагает значительная часть субъектов РФ, и далеко

не все из них входят в группу лидеров. Это значит, что должны быть дополнительные признаки успешности.

Анализ количественного и качественного состава «жесткой» инфраструктуры региональных инновационных экосистем (технопарки, индустриальные парки, различные центры развития и т.п.) выявил между ними существенные различия. Обязательным атрибутом инновационного региона является технопарк, одним из важнейших – бизнес-инкубатор. Другие элементы инфраструктуры встречаются с разной частотой. Это может указывать на два обстоятельства. Во-первых, при создании экосистемы организаторы исходят не из каких-то устоявшихся представлений о ней, а из заданного набора функций. Какой объект инфраструктуры будет их реализовывать – менее важно. То есть при проектировании структуры фактически реализуется принцип функциональной гибкости. Во-вторых, регионам нецелесообразно ориентироваться на создание единого унифицированного набора объектов инфраструктуры, поскольку не наблюдается явной связи между наличием конкретных объектов инфраструктуры и продуктивностью инновационной экосистемы. Фактически единственным обязательным атрибутом может считаться технопарк.

Все ведущие инновационные регионы стремятся привлечь на свою территорию венчурных инвесторов. В идеале – «в лице» мировых и/или федеральных компаний, но многие субъекты Федерации на начальном этапе формируют региональные венчурные фонды. Вопрос о венчурном финансировании внутри региональной инновационной экосистемы крайне важен. Если он не решен, все остальные элементы инновационной экосистемы обсуждать бессмысленно.

Институциональный аспект развития инновационной экосистемы, напротив, существенно дифференцирован по регионам. В частности, это касается наличия специализированного органа власти, документов стратегического планирования, посвященных непосредственно инновационно-технологическому развитию, совещательных органов по соответствующей проблематике. Это означает, что продуктивность пространства согласований зависит в большей степени от качественных характеристик (достаточность функций органов власти и их качественное исполнение,

уровень проработки документов стратегического планирования), нежели от количества специализированных институтов.

Отметим, что согласно данным таблицы 1, отстающие регионы тоже отличает высокий уровень разнообразия инновационных экосистем. Для некоторых из них характерно отсутствие большинства традиционных элементов экосистемы, в других самые разнообразные институты имеются в значительном количестве. Так, число вузов в отстающих регионах из нашей выборки колеблется от 0 до 12. Но среди них практически не встречаются университеты с особым статусом. Сопоставление этих данных с показателями инновационных лидеров позволяет предположить, что для успеха критически важно не количество вузов, а их качество. А именно – наличие лидирующих университетов (академических центров) и конкретных направлений хотя бы на национальном уровне.

Далее, общим практически для всех «аутсайдеров» инноваций является почти полное отсутствие кластеров. Это указывает на сырьевой либо сельскохозяйственный профиль экономики соответствующих регионов. Фактически у них отсутствует производственная база не только для реализации научно-технических разработок, но и внедрения современных форм организации хозяйственной деятельности.

Такие элементы «жесткой» инфраструктуры, как технопарки, инновационно-технологические центры, бизнес-инкубаторы присутствуют в большинстве отстающих регионов, хотя зачастую набор таких объектов «беднее», чем у лидеров, что объясняется небольшими размерами самих регионов. Но, к примеру, в Республике Дагестан действуют три технопарка и восемь инновационных центров. Очевидно, для инновационного развития качество институтов оказывается важнее их количества, а конкретный состав и иерархия объектов инфраструктуры должны определяться на основе гибкого подхода.

Здесь нужно отметить, что количество и качество университетов и инновационных кластеров в регионе во многом зависят от его «экономических размеров», включая объем ВРП, численность населения и количество предприятий. При этом лидеров отличает опять же не число, а уровень развития вузов и кластеров. Другая их особенность – интенсивность международных контактов, позволяющая сформировать устойчивые экономические

отношения с зарубежными партнерами. Отстающие регионы не могут этим похвастаться.

Структура финансовой поддержки инновационного бизнеса принципиально сходна по всем изучаемым регионам и включает налоговые льготы, субсидирование определенных категорий расходов и софинансирование проектов. Ни один регион не посчитал нужным создание специализированного оператора для поддержки инновационно-технологической деятельности. Однако следует учесть, что существующие традиционные инструменты поддержки предпринимательства ориентированы на традиционный бизнес, с выживаемостью, близкой к 100%. Именно поэтому, на наш взгляд, такую значимость для успешного инновационного развития приобретает венчурное финансирование.

В пространстве согласований существенных отличий лидеров от аутсайдеров не наблюдается. В первой группе регионов чаще встречается специализированный (профильный) орган власти по инновационно-технологическому развитию, однако отсутствуют достаточные основания полагать, что его наличие производит явный положительный эффект. Более важным признаком продуктивной экосистемы, по нашему мнению, является наличие профильных общественно-экспертных совещательных органов, которые во многом формируют пространство согласований экосистемы. Что касается специализированных документов стратегического планирования по вопросам инноваций, они одинаково часто встречаются и у лидеров, и у аутсайдеров (около 50%). Очевидно, важно не само по себе выделение вопросов инноваций и технологий в обособленные документы, а уровень и качество проработки нормативной базы.

Итак, продуктивную инновационную экосистему отличает, прежде всего, наличие одного или нескольких ведущих академических центров (вузов) и сильных высокотехнологичных кластеров и институтов венчурного финансирования. При этом качество институтов важнее их количества. Скажем, формирование собственного венчурного фонда представляется более важным, чем наращивание количественного состава объектов «жесткой» инфраструктуры. В целом же конкретный состав и иерархия объектов инфраструктуры должны определяться на основе гибкого подхода.

Безусловно, количественное расширение масштабов инновационной экосистемы, повышение затрат на создание инновационной инфраструктуры, организация новых институтов обеспечивают продвижение региона в инновационных рейтингах, и нередко лица, принимающие решения, рассматривают такого рода появление «на федеральных радарх» важным инструментом лоббирования интересов территории. Однако, на наш взгляд, высокие позиции в том или ином рейтинге не должны становиться самостоятельной целью инновационной политики. Реальное развитие региональной инновационной экосистемы определяется ростом ее результативности и эффективности. Поэтому необходимо оценить, насколько затраты на инновационную экосистему «окупаются» конкретными конечными результатами.

Насколько продуктивны «лидерские» инновационные экосистемы?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, авторы решили соотнести вклад регионов в совокупные результаты инновационной деятельности страны с характеристиками их инновационных экосистем по следующим показателям:

- удельный вес региона в стране по разработке передовых производственных технологий;
- отношение доли региона в стране по выпуску инновационной продукции к его вкладу в общероссийский ВРП (в сумме ВРП всех субъектов РФ).

В таблице 2 выделены лучшие и худшие субъекты РФ по разработанным передовым производственным технологиям и соотношению долей в инновационной продукции и ВРП. Полученные результаты заставляют по-иному взглянуть на лидеров и аутсайдеров инновационных рейтингов, поскольку при сопоставлении данных таблиц 2 и 1 порой возникают неожиданные выводы.

По вкладу в разработку *передовых производственных технологий* списки лидеров и аутсайдеров практически совпадают с результатами сводных инновационных рейтингов. Исключения – республики Чувашия, Мордовия и Ульяновская область показывают хорошие результаты в рейтингах, но не слишком впечатляющие по разработке передовых технологий. По нашему мнению, это объясняется их относительно небольшими «экономическими размерами». В группе аутсайдеров рейтингов

тоже есть исключение – Республика Калмыкия, где разработано 2,28% технологий страны, хотя вплоть до 2016 г. там вообще не создавалось передовых производственных технологий. Это можно объяснить тем, что в республике при относительно небольшой численности населения функционируют три (до июля 2018 г. – четыре) научно-исследовательских института, ведущих прикладные разработки, ориентированные по преимуществу, на сельское хозяйство. В 2016–2017 гг. в республике резко активизировались усилия органов власти по продвижению позиций региона в инновационных рейтингах, получению Калмыцким государственным университетом им. Б. Б. Городовикова статуса опорного вуза, что стимулировало постановку новых технологий на официальный статистический учет.

Таблица 2. Регионы с максимальным и минимальным вкладом в результаты инновационной деятельности в России (2017 г.)

Доля в России по разработанным передовым производственным технологиям, %		Отношение доли региона по инновационной продукции к доле в ВРП в России	
Лидеры			
г. Москва	11,70	Республика Бурятия	4,42
г. Санкт-Петербург	9,27	Сахалинская область	3,70
Челябинская область	8,70	Республика Марий Эл	3,34
Московская область	7,20	Камчатский край	3,12
Свердловская область	6,06	Республика Коми	2,79
Республика Татарстан	4,07	Новгородская область	2,62
Калужская область	3,28	Удмуртская Республика	2,40
Белгородская область	2,64	г. Москва	2,32
Пермский край	2,35	Пермский край	2,28
Новосибирская область	2,35	Забайкальский край	2,00
Отстающие			
Костромская, Курская, Липецкая, Тамбовская, Тульская, Мурманская области, Республика Адыгея, Республика Крым, Волгоградская область, Республика Ингушетия, Курганская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Алтайский край, Забайкальский край, Республика Саха, Амурская, Магаданская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ	0,00	Республика Хакасия	0,00
		Республика Дагестан	0,01
		Республика Башкортостан	0,01
		Тверская область	0,01
		Курская область	0,01
		Саратовская область	0,01
		Свердловская область	0,02
		Республика Мордовия	0,03
		Оренбургская область	0,03
		Магаданская область	0,03

Совершенно другая картина возникает при анализе соотношения долей в ВРП и в инновационной продукции, которое показывает итоговый эффект инновационной деятельности для региональной и национальной экономики. Как видно из данных таблицы 2, в 10 регионах доля в общероссийском выпуске инновационных товаров, работ, услуг в два раза и более превышает их удельный вес в суммарном ВРП. Но из всех них только Пермский край входит в число лидеров инновационных рейтингов. Что касается регионов с крайне малым уровнем выпуска инновационной продукции, здесь также обнаруживается интересный парадокс: из числа «рейтинговых аутсайдеров» здесь фигурируют лишь две республики – Хакасия и Дагестан, но в компании с ними неожиданно оказываются три региона с высокими позициями в инновационных рейтингах (республики Башкортостан, Мордовия и Свердловская область).

Получается, что в последних трех случаях развития и зрелая, казалось бы, инновационная экосистема, создание которой связано с немалыми затратами, не «окупается» инновационной продукцией. Напротив, такие регионы, как Удмуртская Республика, Республика Марий Эл или Новгородская область (соответственно 62-е, 35-е и 65-е места в рейтинге инновационного развития субъектов РФ за 2017 г.), показывают высокую результативность инновационной деятельности.

Мы решили сопоставить инновационные экосистемы регионов со значительными противоречиями между затратами и результатами инновационного развития (табл. 3)². Анализ данных, представленных в таблице, позволяет утверждать, что выделение существенных ресурсов на формирование инновационной инфраструктуры не гарантирует ее эффективности в виде значительной доли инновационной продукции. Так, большое количество объектов инновационной инфраструктуры в Башкирии или Свердловской области не увеличивают их вклада в инновационную продукцию России. Он составляет лишь несколько процентов от их доли в суммарном ВРП. Инновационная инфраструктура Удмуртии, Марий Эл, Новгородской области выглядит гораздо

---

² Данные по Республике Мордовия здесь не представлены, так как уже отражены в табл. 1

скромнее, но это не мешает регионам быть в числе лидеров по выпуску высокотехнологичной продукции.

Таблица 3. Параметры инновационных экосистем субъектов Российской Федерации со значительными противоречиями между затратами и результатами инновационной деятельности (2017 г.), ед.

Показатель	Респ. Башкортостан	Свердловская обл.	Удмуртская Респ.	Респ. Марий Эл	Новгородская обл.
Организации высшего образования	10	23	7	3	1
Вузы особого статуса	0	1	0	0	1
Кластеры	1	2	1	1	4
Технопарки	2	6	1	2	1
Индустриальные парки	10	9	3	0	1
Технополисы	Формируется	1	1	0	0
Инновационные центры	2	3	2	6	2
Бизнес-инкубаторы	4	8	4	2	2
Специализированный оператор поддержки	Есть	Есть	Нет	Нет	Нет
Венчурные фонды	Региональный	Региональный	Создается	Есть бизнес-ангелы	Нет
Программы развития	Специализированная	Специализированная	Специализированная	Не специализированная	Есть концепция
Профильный орган власти	Есть	Есть	Нет	Нет	Нет
Общественные советы	Специализированный	Специализированный	Не специализированный	Специализированный	Специализированный

При интерпретации этих данных необходимо учитывать, что в крупнейших регионах со значительным вкладом в общероссийский ВВП и диверсифицированной экономикой, создание объектов инновационной инфраструктуры по объективным причинам не может обусловить значительный прирост удельного веса инновационной продукции в ВРП, во всяком случае, в короткие сроки. Это объясняется тем, что малый и средний инновационный бизнес, на поддержку которого ориентированы технопарки, бизнес-инкубаторы и др., даже при быстром развитии будет не слишком заметен в масштабах Свердловской области или Республики Башкортостан. Это не означает, на наш взгляд, принципиальной неэффективности создания инновационной инфраструктуры. Скорее речь идет об объективном методическом ограничении

исследования, возникающем вследствие влияния размера ВРП на чувствительность экономики к инновационным изменениям.

Отметим также и то, что в Удмуртской Республике, Республике Марий Эл, Новгородской области большая часть инновационной инфраструктуры создана в самые последние годы (2018–2019 гг.), и она не успела бы повлиять на выпуск инновационной продукции. Эти регионы, в силу значительно меньших размеров ВРП в целом, более чувствительны даже к небольшим изменениям объемов инновационной продукции, которая может быть произведена и при использовании импортируемых технологий.

При сравнении данных таблиц 2 и 3 связь между наличием в регионе сильных вузов и кластеров и значительностью его вклада в выпуск инновационной продукции уже не кажется очевидной. Сопоставляя данные выводы с результатами сравнительного анализа лидеров и аутсайдеров инновационных рейтингов, можно отметить: наличие крупных вузов, кластерных инициатив «вытягивает» те компоненты рейтинговой оценки регионов, которые учитывают ресурсное обеспечение и научно-технический задел, но совершенно не гарантируют результативности. Иными словами, эффект субоптимизации интегрального рейтинга скрывает низкую результативность и эффективность, а выдвинутая в предыдущем разделе гипотеза о влиянии академических центров на инновационное развитие конкретного региона не вполне подтверждается.

Далее, институциональные основы инновационных экосистем при сопоставлении субъектов РФ со значительными противоречиями между затратами и результатами инновационной деятельности также не обнаруживают явных различий. На наш взгляд, это лишь подтверждает сделанные ранее выводы об отсутствии влияния институционального обособления органов власти, общественно-экспертных структур по вопросам инноваций на результаты инновационной деятельности. Пожалуй, единственный атрибут, не только говорящий о масштабах и зрелости, но и влияющий на эффективность инновационных экосистем – это структуры венчурного финансирования.

В целом, как мы убедились, далеко не все характеристики даже развитой и зрелой инновационной экосистемы находят свое выражение в серьезных результатах инновационной деятельности.

Поэтому необходим дифференцированный подход к совершенствованию региональных инновационных систем, не сводимый к «продвижению» позиций в том или ином рейтинге.

Заключение. Выводы и рекомендации

Рассматривая различные модели инновационных экосистем во взаимосвязи с результатами инновационной деятельности в регионе, можно выделить несколько разных ситуаций, требующих разнонаправленных практических действий. До некоторой степени эти ситуации могут быть типологизированы, а регионы распределены по соответствующим группам. Первая группа сочетает зрелую, крупную, высокозатратную инновационную экосистему с крайне скромными результатами по выпуску инновационных товаров, работ, услуг (например, Республика Башкортостан, Свердловская область, Республика Мордовия). Здесь целесообразно на время отказаться от количественного расширения инновационной экосистемы и провести аудит ее эффективности в целом и по отдельным элементам, выполнить бенчмаркинг лучшего опыта других территорий. По-видимому, здесь при наличии существенных ресурсов создана «статика» инновационной экосистемы, которой только предстоит заработать в динамике.

Вторая группа регионов сочетает мощную инновационную инфраструктуру с адекватными результатами инновационной деятельности, это «идеальный» вариант. Из числа рассмотренных субъектов РФ ближе всех к нему подошел лишь Пермский край. Его основная задача – обеспечить дальнейшее сбалансированное развитие по всем направлениям, а наработанный опыт должен учитываться регионами других групп.

Третья группа (Удмуртская Республика, Республика Марий Эл, Новгородская область) отличается высокими показателями вклада в инновационную продукцию страны по сравнению с долями в ВРП, что говорит о максимально эффективном использовании сравнительно «скромной» инновационной инфраструктуры, достаточно продуктивном функционировании имеющейся инновационной экосистемы. Представляется, что в данной ситуации целесообразно развитие материальной основы инновационных процессов, включая создание новых инфраструктурных объектов.

Наконец, четвертая группа (например, Республика Хакасия, Республика Дагестан и др.) отличается низким уровнем как развития инновационной экосистемы, так и выпуска инновационной продукции. Вопрос принципиальной возможности их инновационного развития является исключительно сложным, он требует как формирования материальной основы инновационных процессов (возможно, единых объектов инфраструктуры и институтов в ряде территориально близких регионов), так и запуска сложных систем взаимодействий в рамках «пространства согласований».

Литература

Баринова В.А., Мальцева А.А., Сорокина А.В., Еремкин В.А. Подходы к оценке эффективности функционирования объектов инновационной инфраструктуры в России // *Инновации*. 2014. № 3. С. 42–51.

Деттер Г.Ф. Формирование функционально полной инновационной инфраструктуры в экосистеме арктических регионов // *Вопросы инновационной экономики*. 2018. Т. 8. № 1. С. 91–103. Doi: 10.18334/vines.8.1.38754.

Деттер Г.Ф., Тукель И.Л. О принципах проектирования региональных инновационных экосистем // *Инновации*. 2016. № 1. С. 70–78.

Ефременко В.Ф. Региональная инновационная система как инструмент опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России // *ЭКО*. 2019. № 2. С. 56–73. Doi: 10.30680/ECO0131-7652-2019-2-56-73.

Колмыкова Т.С., Мальцев А.А. Институциональные эффекты и эффективность функционирования объектов инновационной инфраструктуры // *Регион: системы, экономика, управление*. 2018. № 4. С. 24–32.

Селиверстов В.Е., Суслов Н.И., Унтура Г.А. и др. Экономическая политика: нужны грамотные расчеты и четкие ориентиры // *ЭКО*. 2014. № 12. С. 36–62.

Сидоров Д.В. Новая модель инновационной экосистемы // *Инновации*. 2017. № 8. С. 52–57.

Сидоров Д.В., Соколов И.Н., Фиякель Э.А. Исследование эволюции охвата конкурсов инновационных проектов в инновационных экосистемах Москвы, Лондона, Сингапура и Кремниевой долины // *Инновации*. 2018. № 2. С. 37–46.

Цителадзе Д.Д. Развитие механизмов инновационных процессов в региональных инновационных системах догоняющей экономики // *Инновации*. 2018. № 6. С. 56–67.

Чесбро Г. Открытые инновации. Создание прибыльных технологий. М.: Поколение, 2007. 336 с.

Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: from national systems and «mode 2» to a triple helix of university-industry-government relations // *Research Policy*. 2000. Vol. 29. No. 2-3. Pp. 109–123. Doi: 10.1016/S0048-7333(99)00055-4.

Leydesdorff L., Meyer M. Triple helix indicators of knowledge-based innovation systems // *Research Policy*. 2006. Vol. 35. No. 10. Pp. 1441–1449. Doi: 10.1016/j.respol.2006.09.016.

Leydesdorff L., Zawdie G. The triple helix perspective of innovation systems // *Technology Analysis & Strategic Management*. 2010. Vol. 22. No. 7. Pp. 789–804. Doi: doi.org/10.1080/09537325.2010.511142.

Teece D.J. Explicating dynamic capabilities, the nature and microfoundations of (sustainable) enterprise performance // *Strategic Management Journal*. 2007. Vol. 28. No. 13. Pp. 1319–1350. Doi: 10.1002/smj.640.

Статья поступила 13.05.2019.

Для цитирования: Корчагина И.В., Сычева-Передеро О.В., Корчагин Р.Л. Чем различаются инновационные экосистемы регионов-лидеров и аутсайдеров? // ЭКО. 2019. № 12. С. 47–64. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2019-12-47-64.

Summary

Korchagina, I.V., Cand. Sci. (Econ.), Sycheva-Peredero, O.V., Cand. Sci. (Econ.), Korchagin, R.L., Kemerovo State University, Kemerovo

The Difference Between Innovative Systems of Leader and Outsider Regions

Abstract. The paper presents a comparative analysis of “hard” components of innovative ecosystems of Russian regions by groups of leaders and outsiders of innovative and technological development. Evaluation of innovative ecosystems is carried out in the context of the following parameters: characteristics of the innovation space, the space of approvals, the material objects of the “rigid” infrastructure. It is shown that leading positions of regions in various innovation development ratings are not always combined with high innovation performance due to the effect of sub optimization. Many characteristics of innovation ecosystem, especially the number of objects of innovation infrastructure, do not affect innovation results (with the exception of venture capital funds). By comparing positions of regions in ratings of innovative development with the contribution to delivery of innovative products, works, and services, four groups of regions with different efficiency of innovative ecosystems were identified. Recommendations were formulated for each group on further areas of development of innovative ecosystems, taking into account the effectiveness of innovative activities.

Keywords: *innovation ecosystem; efficiency; region; rating; comparative analysis; coordination space; innovation space*

References

Barinova, V.A., Maltseva, A.A., Sorokina, A.V., Eremkin, V.A. (2014). Approaches to assessing the effectiveness of the functioning of innovative infrastructure objects in Russia. *Innovacii*. No. 3. Pp. 42–51. (In Russ.).

Chesbro, G. (2007). Open innovations. Creating profitable technology. Moscow, Pokolenie Publ., 336 p. (In Russ.).

Detter, G. (2018). Formation of a functionally complete innovation infrastructure in the ecosystem of the Arctic regions. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki*. Vol. 8. No. 1. Pp. 91–103. (In Russ.). Doi: 10.18334/vinec.8.1.38754.

Detter, G., Tukkel, I. (2016). On the principles of designing regional innovation ecosystems. *Innovacii*. No. 1. Pp. 70–78. (In Russ.).

Efremenko, V.F. (2019). Regional innovation system as a tool for advancing socioeconomic development of the Russian Far East. *ECO*. No. 2. Pp. 56–73. Doi: 10.30680 / ECO0131-7652-2019-2-56-73. (In Russ.).

Etzkowitz, H., Leydesdorff, L. (2000). The dynamics of innovation: from national systems and «mode 2» to a triple helix of university-industry-government relations. *Research Policy*. Vol. 29. No. 2-3. Pp. 109–123. Doi: 10.1016/S0048-7333(99)00055-4.

Kolmykova, T.S., Maltsev, A.A. (2018). Institutional effects and the functioning efficiency of innovation infrastructure facilities. Region: sistemy, jekonomika, upravlenie. No. 4. Pp. 24–32. (In Russ.).

Leydesdorff, L., Meyer, M. (2006). Triple helix indicators of knowledge-based innovation systems. *Research Policy*. Vol. 35. No. 10. Pp. 1441–1449. Doi: 10.1016/j.respol.2006.09.016.

Leydesdorff, L., Zawdie, G. (2010). The triple helix perspective of innovation systems. *Technology Analysis & Strategic Management*. Vol. 22. No. 7. Pp. 789–804. Doi: doi.org/10.1080/09537325.2010.511142.

Seliverstov, V., Suslov, N., Untura, G., Kravchenko, N., Shmat, V., Bogomolova, T., Alekseev, A., Baranov, A., Suslov, V., Klistorin, V. (2014). Economic policy: we need competent calculations and clear guidelines. *ECO*. No. 12. Pp. 36–62. (In Russ.).

Sidorov, D. (2017). New Model of Innovation Ecosystem. *Innovacii*. No. 8. Pp. 52–57. (In Russ.).

Sidorov, D., Sokolov, I., Fiyaksel, E. (2018). Study of the evolution of the coverage of innovation projects in innovative ecosystems of Moscow, London, Singapore and Silicon Valley. *Innovacii*. No. 2. Pp. 37–46. (In Russ.).

Tsiteladze, D. (2018). The development of mechanisms of innovation processes in regional innovation systems of the catch-up economy. *Innovacii*. No. 6. Pp. 56–67. (In Russ.).

Teece, D.J. (2007). Explicating dynamic capabilities, the nature and micro-foundations of (sustainable) enterprise performance. *Strategic Management Journal*. Vol. 28. No. 13. Pp. 1319–1350. Doi: 10.1002/smj.640.

For citation: Korchagina, I.V., Sycheva-Peredero, O.V., Korchagin, R.L. (2019). The Difference Between Innovative Systems of Leader and Outsider Regions. *ECO*. No. 12. Pp. 47-64. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-47-64.

Эффективность регионального распределения человеческого капитала и экономическое развитие¹

И.С. БУКИНА, кандидат экономических наук, Центр макроэкономического анализа и прогнозирования Института экономики РАН.

E-mail: bis.email@gmail.com

А.В. ОДИНЦОВА, доктор экономических наук, Институт экономики РАН.

E-mail: aleksod@yandex.ru

П.А. ОРЕХОВСКИЙ, доктор экономических наук, Институт экономики РАН, Москва. E-mail: orekhovskypa@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются взаимосвязи между размером человеческого капитала в регионах, миграцией, объемом инвестиций в человеческий капитал и экономическим ростом. Модифицируется известная гравитационная модель, согласно которой миграционные потоки направляются в мегаполисы (гравитационные центры). Авторы включили в нее, во-первых, динамическую функцию роста издержек миграции, связанную с ухудшением отдачи человеческого капитала вследствие роста ряда издержек, вызванных жизнью в мегаполисах; во-вторых, – коэффициент эластичности, обусловленный качеством управления. Тестируются гипотезы связи инвестиций в основной капитал с размером регионального человеческого капитала, связи между миграцией и человеческим капиталом, миграцией и наличием мегаполисов в регионе, миграцией и инвестициями в человеческий капитал. Диагностируются потери дохода, связанные с действующей региональной структурой экономики. Делается вывод о неизбежности региональных структурных сдвигов в экономике России.

Ключевые слова: гравитационная модель; региональная структура; человеческий капитал; «эффект Чукотки»

Региональные оценки человеческого капитала и неоднородность. Экономическая динамика любого региона представляет собой результат использования не только материального, но и человеческого капитала. Различия между субъектами Российской Федерации в располагаемом материальном капитале вполне очевидны. Различия же в человеческом капитале не так очевидны, однако они являются не менее существенным фактором межрегиональной дифференциации.

Как указывают авторы недавнего фундаментального исследования, характеризовавшие различные подходы к измерению

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19–010–00321 «Богатство российских субъектов Федерации и оценки эффективности государственного управления на региональном уровне».

человеческого капитала и оценок вклада последнего в экономический рост, «под человеческим капиталом понимается “запас” (потенциал) способностей, навыков, знаний, воплощенных в человеке... Соответственно расходы на образование, здравоохранение, подготовку на производстве, воспитание детей трактуются как инвестиции в человека, в человеческий капитал» [Суворов и др., 2014. С. 3]². Цель нашей работы намного скромнее – оценить влияние «перелива» человеческого капитала на региональное развитие. В оптимистической неоклассической версии размещения производительных сил (А. Лёш, У. Изард, Н.Н. Колосовский, И.М. Маергойз, А.Г. Гранберг и др.) работники мигрируют в ответ на изменения заработной платы. Это оказывает соответствующее влияние как на цены других факторов производства, так и на состояние рынков жилья и потребительских товаров, благодаря чему уже в среднесрочном периоде уровни развития различных регионов, включая уровень жизни, относительно выравниваются.

Однако если судить по бюджетной обеспеченности регионов РФ, в нашей стране ничего подобного не происходит [Ореховский, 2018]. Значит ли это, что неоклассическая теория на региональном уровне «не работает»? Мы решили выяснить это на примере динамики человеческого капитала в субъектах РФ.

В оценке регионального человеческого капитала мы абстрагировались от факторов образования и медицины, введя не совсем реалистическую посылку о приблизительном равенстве качества соответствующих услуг в регионах. В нашем случае суммарная стоимость регионального человеческого капитала – это дисконтированный поток будущих доходов в виде оплаты труда в среднем на одного работника, умноженный на численность занятых в соответствующем субъекте РФ³. Дисконтированный

---

² Исследованиям и оценкам человеческого капитала посвящены сотни, если не тысячи работ, начиная с «основоположников» – Г. Беккера и М. Фридмена, заканчивая современными дискуссиями вокруг оценок роли капитала «обычного» и капитала «человеческого» в процессах экономического роста: [Пикетти, 2016; Макклоски, 2016; Ореховский, 2017]. В данной статье мы на них не останавливаемся.

³ Здесь вводится существенное упрощение. Абстрагируясь от роли образования и здравоохранения, бывает трудно понять, как это показывает Р. Лукас (см. далее), почему капитал не перетекает из богатых стран в бедные. Однако в пределах одной страны такое допущение, принятое в целях исследования пространственного распределения человеческого капитала, выглядит корректным. Если же учитывать ещё и дифференциацию качества образовательных и медицинских услуг, различия регионов в обеспеченности человеческим капиталом вырастает ещё сильнее.

поток доходов за каждый год (с 1998 г. по 2016 г.) представляет собой сумму средней начисленной заработной платы (по состоянию на соответствующий период) за 30 лет, приведенный к текущему моменту с использованием средневзвешенной ставки рефинансирования (ключевой ставки) ЦБ РФ.

Согласно неоклассической теории, цена факторов производства равна их предельной производительности. Рассмотрим региональную производительность человеческого капитала в 1998, 2005 и 2016 гг. в сравнении со среднероссийской (табл. 1). Под производительностью здесь понимается «капиталоотдача» человеческого капитала: 1 руб. ВРП на 1 руб. человеческого капитала [Погосов, Соколовская, 2015].

Таблица 1. Вариация производительности человеческого капитала в субъектах РФ (линейное отклонение нормированных значений относительно среднего за 1998, 2005 и 2016 гг. соответственно), %

Регион	1998	2005	2016	Регион	1998	2005	2016
Белгородская обл.	11	17	39	Р. Башкортостан	26	19	7
Брянская обл.	3	-22	-10	Р. Марий Эл	1	-25	-10
Владимирская обл.	-12	-26	-6	Р. Мордовия	17	-19	-14
Воронежская обл.	5	-13	14	Р. Татарстан	34	42	29
Ивановская обл.	-15	-34	-29	Удмуртская Р.	-1	6	9
Калужская обл.	-18	-23	-9	Чувашская Р.	5	-15	-18
Костромская обл.	2	-15	-7	Кировская обл.	-3	200	-18
Курская обл.	15	-2	8	Нижегородская обл.	10	-74	-1
Липецкая обл.	7	41	24	Оренбургская обл.	5	80	23
Московская обл.	21	0	-3	Пензенская обл.	-13	121	-17
Орловская обл.	13	-11	10	Пермский кр.	10	-73	16
Рязанская обл.	12	-4	-4	Самарская обл.	26	21	3
Смоленская обл.	0	-18	-8	Саратовская обл.	6	-1	-4
Тамбовская обл.	4	-7	9	Ульяновская обл.	6	-8	-10
Тверская обл.	7	-11	-12	Курганская обл.	-11	-23	-7
Тульская обл.	-8	-13	-6	Свердловская обл.	6	-3	14
Ярославская обл.	15	-1	3	Тюменская обл.	25	118	76
г. Москва	34	72	-10	Челябинская обл.	-12	4	-7
Р. Карелия	-15	-6	-3	Р. Алтай	-16	-33	-15
Р. Коми	0	17	16	Р. Бурятия	-10	-6	-33
Архангельская обл.	-1	3	20	Р. Тыва	-46	-39	-34
Вологодская обл.	-41	34	17	Р. Хакасия	-11	-18	-6
Калининградская обл.	-25	0	7	Алтайский кр.	-15	-8	-9
Ленинградская обл.	0	19	20	Красноярский кр.	0	9	29

Окончание табл. 1

Регион	1998	2005	2016	Регион	1998	2005	2016
Мурманская обл.	-6	-9	-10	Иркутская обл.	0	-9	4
Новгородская обл.	4	8	17	Кемеровская обл.	-14	-3	-9
Псковская обл.	-13	-22	-13	Новосибирская обл.	1	-2	5
г. Санкт-Петербург	-1	-1	-5	Омская обл.	0	22	-5
Р. Адыгея	-3	-20	2	Томская обл.	12	32	8
Р. Калмыкия	-31	-32	-8	Забайкальский кр.	-11	-34	-34
Краснодарский кр.	5	-3	8	Р. Саха (Якутия)	-16	7	19
Астраханская обл.	-5	-15	2	Камчатский кр.	262	148	184
Волгоградская обл.	4	-3	-5	Приморский кр.	-36	-32	-29
Ростовская обл.	2	-14	-5	Хабаровский кр.	-45	-65	-60
Р. Дагестан	-10	4	6	Амурская обл.	-68	-59	-42
Р. Ингушетия	0	-22	-45	Магаданская обл.	-26	-27	-11
КБР	28	-6	-33	Сахалинская обл.	-26	6	63
КЧР	2	-19	-23	Еврейская АО	-42	-19	-18
Р. С. Осетия	-8	-18	-25	Чукотский АО	-38	-49	-6
Ставропольский кр.	27	-15	-17				

Источник: Здесь и далее все расчёты выполнены авторами по данным Росстата (Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. / Росстат. М.) за соответствующие годы.

При взгляде на таблицу кажется, что мнение о разнородности отечественного экономического пространства [Власюк, Строев, 2017; Ващелюк, 2015] сильно преувеличено: подавляющее большинство регионов группируется вокруг среднего значения. При этом в 2005 г. разброс был больше, чем в 1998 г., но к 2016 г. он уменьшился. Проверим эту гипотезу, рассмотрев коэффициенты вариации производительности и человеческого капитала (последний – на 1 занятого). Полученные данные представлены на рис. 1.

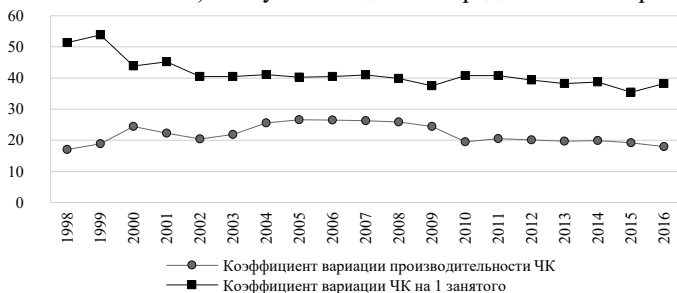

Рис. 1. Коэффициент вариации человеческого капитала на 1 занятого и коэффициент вариации производительности человеческого капитала в 1998–2016 гг.,%

Чем больше значение среднеквадратического отклонения относительно среднего значения показателя, тем больше разброс. На графике видно, что региональная дифференциация производительности человеческого капитала растет в периоды экономического подъема и снижается в периоды замедления роста и экономического спада.

В сравнении с этим показателем коэффициент вариации человеческого капитала в расчете на 1 занятого (в реальном выражении) изменялся зеркально: снижался в 2000 и 2009 гг., возрастал в 2001 и 2016 гг. Минимальное значение было достигнуто в 2015 г. и составило 35,4%, после чего средний разброс начал несколько возрастать.

Принято, что значение коэффициента, не превышающее 33%, позволяет считать совокупность однородной [Прокофьев и др., 2017. С. 36]. В нашем случае производительность человеческого капитала в регионах относительно однородна, в то время как сам человеческий капитал продолжает сильно варьировать по регионам (хотя заметим, что степень неоднородности на протяжении 1998–2016 гг. всё же снижалась).

Понятно, что заработки могут сильно различаться между фирмами, отраслями или регионами при низкой мобильности рабочей силы. Обычно этот феномен объясняют либо иррациональностью работников, либо наличием непреодолимых препятствий для их перемещения (от государственных границ и «жесткого» режима прописки до языковых барьеров и отсутствия нужной квалификации).

В своё время Дж. Лукас поставил вопрос о том, почему капитал не перетекает от богатых стран к бедным. Например, из США – в Индию, где, по оценкам, предельный продукт капитала был в 58 раз выше, чем в США [Лукас, 2015. С. 101–112]. Объяснение он находил в дефиците человеческого капитала в бедных странах. Так, в США не только эффективность труда (производительность) примерно в пять раз выше, чем в Индии, там гораздо выше и «внешние эффекты» отдачи от человеческого капитала. Как указывает Лукас, повышение средней производительности тех, с кем работает индивид, на 10%, повысит его собственную производительность на 3,6%. Эта оценка основана на предположении, что общий запас человеческого капитала растёт с темпом в 0,009, поскольку эта часть капитала накапливается благодаря обучению в школе... [Лукас, 2015. С. 106].

Хотя в России не существует таких барьеров в движении рабочей силы и инвестиций, которые имеют место между различными национальными юрисдикциями, например, теми же США и Индией, она характеризуется сильной дифференциацией в размерах человеческого капитала (коэффициент вариации, как следует из таблицы 1, сохраняется близким к 40%, что существенно выше желаемых 33%). Напротив, дифференциация *отдачи* человеческого капитала не так уж и велика (не превышает 20–25%)⁴. Означает ли это, что человеческий капитал в России перетекает туда, где выше его предельный продукт, формируя относительно однородное экономическое пространство?

Выбор модели. В рамках Новой экономической географии, которая занимается проблемами неоднородности экономического пространства, широко используется модель «центр – периферия», предложенная П. Кругманом на основе дополненной и расширенной модели Дж. Стиглица и А. Диксита. Эта модель показывает возможность концентрации работников в агломерациях при одновременном существенном снижении плотности населения в периферийных районах [Krugman, 1991], однако одним из ее центральных параметров являются транспортные издержки, а не человеческий капитал и его производительность (при высоких транспортных издержках концентрация работников в агломерациях не происходит, и наоборот). Не менее популярны и модели международной торговли, включающие в себя возрастающую отдачу [Кругман, 2000] и обосновывающие позитивные эффекты либерализации рынков и влияния транснациональных корпораций (глобализации).

Интуитивно понятно, что экономический рост приводит к реструктуризации как отраслевых, так и территориальных структур. Однако после того, как новые «центры» и новые «периферии» сформированы, о дальнейших направлениях трансформации пространства ни одна из этих моделей ничего сказать уже не может – они «работают» в *основном* в статике, а не в динамике.

Учитывая это обстоятельство, на наш взгляд, можно использовать преимущество простоты, которой отличается хорошо известная гравитационная модель пространственного развития, разработанная ещё в 1930-е гг. Для целей нашего исследования она

---

⁴ Как уже говорилось, при включении в анализ факторов здравоохранения и образования, неоднородность существенно *увеличивается*.

подходит и потому, что включает в себя варианты моделей потенциалов и пространственного взаимодействия, когда регионы (районы) уподобляются массам, которые взаимодействуют между собой.

При этом, как указывал У. Изард, используется посылка об однородности населения (и человеческого капитала). «Раз типичный представитель подрайона i в силу предпосылки об однородности населения не отличается от такого же представителя любого другого подрайона, и затраты времени на поездку считаются равными нулю, мы вправе считать число совершаемых им поездок равным среднему показателю на душу населения всего метрополитенского ареала, то есть T/P . Обозначим эту среднюю величину через k . Абсолютное число поездок типичного представителя населения подрайона i в подрайон j будет тогда равно $k(P_i/P_j)$. Иначе говоря, если 10% всего населения метрополитенского ареала проживает в подрайоне j , то 10% поездок жителей подрайона i будет заканчиваться в подрайоне j . Если на душу населения приходится 20 поездок, то две из них закончатся в подрайоне j »⁵.

Простая гравитационная модель показывает зависимость количества поездок I из пункта, где они начинаются (i) в пункт, где они заканчиваются, (j) от удельного веса населения района j в общем объёме населения и расстояния между пунктами i и j . Однако в процессе дальнейшего рассуждения Изард обращает внимание, что «при изучении миграций... значительно более характерным показателем масс будет уровень занятости или доход района или подрайона, а не численность его населения...». По его мнению, «в число возможных единиц измерения массы входят и такие, как суммарный объём инвестиций в предприятия... валовой районный продукт... подобно этому существует и много способов измерять расстояния»⁶.

Легко заметить, что современная модель центра – периферии и старая гравитационная модель взаимно дополняют друг друга. В основе перетока работников в центр лежит более высокая зарплата (а заодно и более высокая производительность человеческого капитала), а увеличивающийся объём локального рынка предоставляет больший потребительский (да и производственный) выбор. Поэтому потоки человеческого капитала и инвестиций,

⁵ Изард У. Методы регионального анализа: Введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. С. 440–441.

⁶ Там же. С. 449.

по-видимому, тоже должны подчиняться гравитационным закономерностям. Другими словами, регионы с более высокой численностью и плотностью населения, с более высокими доходами должны привлекать человеческий капитал и инвестиции. И, напротив, регионы с относительно низкой численностью и доходами будут терять население и отставать в экономическом развитии.

Запишем эту гипотезу в формализованном виде. В базовом году t каждый регион i (миграционный донор) или j (миграционный реципиент), располагает человеческим капиталом L , который зависит от численности населения N . Эффективность использования человеческого капитала обозначим как α , при этом, в отличие от Изарда, мы предполагаем, что α_i^t является переменной величиной (эффективность различается в разных регионах и в разные годы, кроме того, в мейнстриме экономической теории обычно применяется посылка об убывающей отдаче капитала, которая нам представляется вполне правдоподобной в данном случае). Дифференциал эффективности ($\alpha_j^t - \alpha_i^t$), в соответствии с нашей гипотезой, должен совпадать с направлениями миграционных потоков. Тогда зависящий от использования человеческого капитала демографический потенциал региона в соответствующем году будет равен $N_j^t \cdot (\alpha_j^t - \alpha_i^t)$.

Сразу оговоримся, что влияние экзогенных факторов в реальности может приводить к тому, что тот или иной регион, несмотря на свою сравнительно большую эффективность, может все-таки терять население (скажем, часть работников в зрелом возрасте, располагая достаточными средствами, может уезжать из регионов с суровым климатом в более теплые и комфортные для проживания).

Трудности переезда (в моделях Изарда, Стюарта, Ципфа они описываются с помощью функции транспортных издержек: $C(N)^7$, как и у Кругмана [Krugman, 1991]) наряду с убывающей производительностью человеческого капитала в регионе-реципиенте будут сдерживать потоки миграции. В свою очередь, по мере отъезда работников из регионов-доноров, их демографический потенциал будет снижаться. Прирост человеческого капитала ΔL в регионах-реципиентах, таким образом, зависит от демографического потенциала в регионах-донорах и трудностей переезда (от естественного прироста в данной модели мы абстрагируемся).

---

⁷ Изард У. Методы регионального анализа: Введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966.

Еще один важный для пространственного развития фактор – *эффективность государственного управления*, включающий в себя как собственно координацию и организацию, так и многообразие осуществляемых Центром и регионами *политик*. Научные открытия или внешние санкции, социальная напряженность и преступность⁸, хорошая или плохая экология – в конечном счёте, все эти экзогенные факторы, влияющие на национальное и/или региональное развитие, усиливаются или нивелируются с помощью управления. Прорывные научные открытия могут быть проигнорированы, а их авторы уедут за рубеж; увеличение трудовых ресурсов в связи с увеличением пенсионного возраста может быть нивелировано введением обязательной четырехдневной недели; ущерб от санкций может быть увеличен или смягчен внешнеэкономической политикой и т.д. Все региональные руководители чисто *абстрактно* заинтересованы в привлечении инвестиций и крупного бизнеса, но в *конкретных случаях* могут выступать, скажем, против строительства атомных станций, входа на местные рынки транснациональных и/или российских торговых сетей. Аналогично – абстрактно *все* руководители заинтересованы в притоке новых работников, однако вопросы их приёма, размещения, трудоустройства и последующего предоставления качественных социальных услуг везде решаются очень по-разному.

Таким образом, относительно высокая эффективность управления в «бедных» регионах может сдерживать отток человеческого капитала: качественные медицинские и образовательные услуги, хорошая экология, наличие относительно дешёвого жилья в регионе проживания существенно ослабляют привлекательность «длинного рубля» «где-то там». В свою очередь, в зависимости от принятых политических приоритетов, власти «богатых» регионов могут затруднять или облегчать переезд (и через механизм миграционных квот, и через требование наличия местной регистрации при устройстве на «статусные» рабочие места, и т.д.).

Под «государственным управлением» в нашей работе понимаются *все качественные (институциональные)* факторы,

---

⁸ Следует заметить, что одной из гипотез предпринятого исследования было предположение о наличии обратной зависимости между приростом инвестиций и преступностью в российских регионах. Однако статистическая проверка этой гипотезы никакой существенной взаимосвязи между преступностью и инвестициями не выявила.

повышающие или снижающие отдачу человеческого капитала. Однако такой подход не нов – в случае интерпретации «остатка Солоу» в известной модели экономического роста на указанный «остаток» приходится *всё, что влияет на совокупную производительность факторов производства*: от научно-технического прогресса до внешних шоков. Поэтому следует оговориться, что оценки «низкая» или «высокая» эффективность управления *напрямую не соотносятся* с теми или иными региональными или федеральными политическими деятелями⁹, они свидетельствуют лишь о том, *что производительность человеческого капитала в данном регионе ниже и/или выше среднероссийской*. Необходимо подчеркнуть, что обычной посылкой менеджмента является *зависимость экономических результатов от качества управления*, и если какой-либо объект управления показывает результаты *хуже средних*, утверждение о том, что причина – неэффективное управление, является вполне банальным.

Вслед за Р. Лукасом для моделирования экономического роста используем модифицированную функцию Кобба–Дугласа. Эффективность управления обозначим как $\pm\beta$, а эластичность отдачи совокупной производительности – $(A^{\pm\beta})$.

Чистые инвестиции в основной капитал обозначим как k , весь капитал региона – K . В соответствии с принятыми допущениями $K^t = K^{t-1} + k^t$. При этом выбытие капитала, по сути, приравнивается к отрицательным чистым инвестициям. Отметим, что, в отличие от модели Р. Солоу, мы здесь не рассматриваем отдельно процессы износа капитала и инвестирования. Это позволяет упростить как формализацию, так и последующую проверку наших гипотез.

В соответствии с вышеизложенным, процесс регионального экономического роста может быть представлен в следующем виде:

$$\Delta L_j^t = \frac{N_j^t}{C(N_j^t)} \cdot (\alpha_j^t - \alpha_i^t);$$

$$Y_j^t = A^{\pm\beta} \cdot (L_j^{t-1} + \Delta L_j^t)^\gamma \cdot (K_j^{t-1} + k_j^t),$$

где Y^t – валовый региональный продукт в году t .

⁹ Оговоримся также, что омским исследователем В. Щербаковым была проведена проверка наличия зависимости между темпами роста ВРП и сменяемостью региональных руководителей (губернаторов), за что авторы выражают ему свою признательность. Проверка показала, что в России такая статистическая зависимость отсутствует.

Такое представление регионального экономического роста абстрагируется от притока человеческого капитала из-за рубежа (а заодно – и оттока за рубеж). Кроме того, в этой модели нет традиционного разложения дохода на потребление и сбережения ($y = c + s$), а инвестиции задаются экзогенно (отчасти они зависят от качества регионального управления, но это – предмет дальнейшего анализа, и пока в наших расчетах мы этой зависимостью пренебрегли).

Представленное выражение позволяет построить гипотезы для последующей статистической проверки:

(а) миграционный приток идёт из тех регионов, где эффективность использования человеческого капитала ниже среднероссийской, в регионы с эффективностью выше средней. Эта гипотеза полностью соответствует как модели «центр – периферия» в Новой экономической географии, так и неоклассической теории (высокая предельная отдача фактора производства означает более высокую цену; работники из регионов с относительно низкой зарплатой будут переезжать в регионы с относительно высокой зарплатой, при условии небольших издержек переезда);

(б) большой объём регионального человеческого капитала положительно коррелирует с инвестициями в основной капитал. Эта гипотеза также соответствует современным представлениям – относительно большой человеческий капитал расширяет как границы производственных возможностей, так и возможности рынков (потребительского выбора);

(с) качество управления $\pm\beta$ – «политический» экзогенный фактор, влияющий на региональное развитие. В регионах с относительно низкой эффективностью отдачи человеческого капитала и высоким демографическим потенциалом следует ожидать более высокого оттока населения (по сравнению со средним значением для регионов – миграционных доноров). Сдерживать этот отток могут такие факторы, как благоприятный климат, исторические и/или культурные особенности, а также *сравнительно высокое качество управления*. Аналогичная ситуация (но с обратным знаком) – по регионам, принимающим миграционные потоки.

Связи отдачи человеческого капитала, миграции и инвестиций в основной капитал – верификация гипотез модели. Самое простое в нашем исследовании – тестирование гипотезы (б)

о связи эффективности человеческого капитала с инвестициями в основной капитал. Расчёт линейных коэффициентов корреляции (табл. 2) показывает, что на протяжении периода с 2000 по 2016 гг. обнаруживается сильная положительная связь между инвестициями в основной капитал и объемом человеческого капитала (более 0,6). При расчете коэффициентов корреляции между инвестициями на душу населения и человеческим капиталом в расчете на одного занятого высокие значения коэффициентов наблюдаются только в 2000–2003 гг.

Таблица 2. Коэффициенты корреляции в 2000–2016 гг. по всем субъектам РФ (за исключением Чеченской Республики)

Год	Инвестиции в основной и человеческий капитал	Инвестиции в основной капитал на душу населения и человеческий капитал на одного занятого
2000	0,888	0,780
2001	0,863	0,770
2002	0,873	0,635
2003	0,877	0,464
2004	0,888	0,273
2005	0,898	0,242
2006	0,889	0,278
2007	0,877	0,301
2008	0,850	0,281
2009	0,775	0,156
2010	0,724	0,110
2011	0,692	0,073
2012	0,773	0,106
2013	0,791	0,152
2014	0,804	0,193
2015	0,781	0,174
2016	0,755	0,190

Примечание. Все коэффициенты корреляции статистически значимы ($p = 5\%$).

Здесь уже проявляется влияние «гравитации» – чем выше располагаемый человеческий капитал в регионе, тем больше инвестиции в основной капитал. В целом гипотезу (b) можно считать подтверждённой, однако стоит обратить внимание, что взаимосвязи между инвестициями в основной капитал и размером «среднего индивидуального» капитала в регионах после 2003 г. (и особенно – после 2008 г.) существенно ослабевают. К этому обстоятельству мы ещё вернёмся, рассматривая феномен гравитации регионов с большой численностью населения и наличием в них центров – мегаполисов.

Переходя к тестированию гипотезы (а), проведём предварительную проверку. Действительно ли в России работники переезжают в регионы с относительно более высокой зарплатой? Несмотря на кажущуюся очевидность этого утверждения, в СССР, с его «полицейским» режимом лимитов рабочей силы и институтом прописки, было не так. Часть подобных институтов сохранилась и в современной России [Малахов, Симон, 2018]. В таблице 3, где представлены результаты наших расчетов, отток населения учитывается со знаком минус.

Таблица 3. Коэффициенты корреляции среднемесячной номинальной заработной платы и коэффициента миграционного прироста на 10 тыс. чел. населения в 1998–2016 гг.

Год	Все регионы	Реципиенты (без аномальных максимумов)	Доноры (без аномальных минимумов)
1998	-0,706	0,050	-0,808
1999	-0,487	0,094	-0,500
2000	-0,270	0,095	-0,676
2001	-0,351	-0,135	-0,393
2002	-0,485	-0,040	-0,481
2003	-0,295	0,027	-0,740
2004	-0,127	0,428	-0,301
2005	-0,065	0,327	-0,409
2006	-0,071	0,208	-0,450
2007	-0,135	0,212	-0,475
2008	-0,215	0,304	-0,533
2009	-0,257	0,380	-0,443
2010	-0,103	0,482	-0,369
2011	0,128	0,321	-0,254
2012	0,018	0,427	-0,257
2013	-0,074	0,299	-0,271
2014	-0,182	0,223	-0,342
2015	-0,165	0,185	-0,548
2016	-0,134	0,125	-0,308

Примечание. Из выборки в табл. 2, 3 исключены регионы с аномально высокими значениями притока и оттока населения: Республика Ингушетия (реципиент), Республика Калмыкия, Магаданская область, Еврейский и Чукотский автономные округа (доноры).

Как и ожидалось, в регионах с низкой заработной платой наблюдается устойчивый отток населения. Зависимость между высокой заработной платой и притоком населения статистически менее ярко выражена, что связано с упомянутыми институциональными факторами. Регионы-реципиенты зачастую заинтересованы в «рабочих руках», но при этом ни местные, ни региональные власти

не спешат увеличивать бюджетные затраты, связанные с социальным обустройством приезжих.

Гравитационная модель предполагает, что население более-менее однородно. Отсюда следует, что миграция отражает движение потоков человеческого капитала. Исходя из этого, логично предположить, что регионы-реципиенты в результате миграции увеличивают свой человеческий капитал и в абсолютном, и в относительном выражении (на 1 работника), а регионы-доноры его теряют. Рассмотрим данные таблицы 4, показывающие взаимосвязи миграции и человеческого капитала.

Таблица 4. Коэффициенты корреляции прироста человеческого капитала на 1 занятого и сальдо миграционного прироста в 1999-2016 гг.

Год	По всем регионам	По всем регионам-реципиентам населения	По всем регионам-донорам населения	По выборке регионов с наибольшим притоком населения на 1 занятого	По выборке регионов с наибольшим оттоком населения на 1 занятого	По всем регионам, за исключением Чукотского АО и пр.	По всем регионам-реципиентам, за исключением Ингушетии	По всем регионам-донорам, за исключением Чукотского АО и пр.
1999	0,418*	0,005	0,649*	-0,045	0,644*	0,229*	-0,150	-0,286*
2000	0,073	-0,074	0,236*	-0,010	0,185*	-0,012	-0,309*	-0,155
2001	0,098	-0,247*	0,118	0,180*	-0,026	0,070	-0,484*	-0,029
2002	-0,319*	0,008	-0,417*	0,092	-0,538*	-0,102	-0,716*	0,001
2003	0,167*	-0,157*	0,176*	-0,925*	-0,107	0,152	-0,852*	0,388*
2004	0,258*	-0,225*	0,258*	0,649*	-0,414*	0,179*	-0,756*	0,277*
2005	-0,045	-0,185*	-0,105	-0,618*	0,465*	0,125	-0,335*	0,150
2006	0,128	-0,507*	0,239	0,266*	-0,211*	0,128	-0,461*	0,065
2007	0,357*	-0,171*	0,369*	0,348*	0,007	0,200*	-0,461*	-0,029
2008	-0,011	-0,034	-0,158*	0,058	-0,270*	0,033	0,029	-0,152
2009	-0,360*	0,152	-0,441*	-0,435*	-0,024	-0,360*	0,595*	-0,460*
2010	0,324*	-0,087	0,335*	0,531*	-0,116	0,126	-0,812*	-0,136
2011	0,033	0,264*	-0,198*	0,833*	-0,159*	-0,038	0,872*	0,149
2012	0,183*	0,431*	0,075	-0,912*	0,237*	-0,275*	0,640*	-0,291*
2013	-0,165*	0,008	-0,133	0,771*	0,443*	-0,109	0,150	0,059
2014	0,329*	-0,281*	0,377*	0,649*	-0,011	0,147	-0,412*	0,101
2015	-0,387*	0,323*	-0,401*	-0,505*	-0,225*	-0,117	0,809*	0,078
2016	0,328*	-0,270*	0,356*	0,639*	-0,412*	0,143	-0,473*	0,246*

* Коэффициент статистически значим на 5%-м уровне.

Приведённые данные не позволяют установить однозначную связь между сальдо миграции и размером человеческого капитала. Для *регионов-доноров* эта связь по большей части статистически незначима. Однако многое зависит от состава выборки. Если включить в нее северные регионы с высоким оттоком населения, то в отдельные годы (1999, 2002, 2004–2005 и 2013) можно отметить достаточно яркое проявление такой взаимосвязи (больше 0,4 по модулю), при этом отток населения способствует росту *человеческого капитала оставшихся работников* (коэффициенты корреляции отрицательны). Если же исключить из выборки доноров часть субъектов с аномально высоким оттоком населения, такая взаимосвязь исчезает (см. последний столбец), за исключением аномального кризисного 2009 г. Так проявляет себя своеобразный «эффект Чукотки»: российские северные регионы обладают высоким человеческим капиталом и одновременно характеризуются большим миграционным оттоком. При этом отток населения приводит к тому, что оставшихся работников власти и работодатели начинают ценить выше (а вновь привлекаемые из-за пределов региона специалисты обходятся дороже), и это положительно сказывается на человеческом капитале.

Совсем другая картина наблюдается среди *регионов-реципиентов* миграции. Здесь присутствуют достаточно тесные статистические взаимосвязи, однако они *неоднозначны*. Если исключить регион с аномально высоким притоком населения – Ингушетию, то на протяжении 2001–2007 гг. приток новых работников не увеличивал, а *уменьшал человеческий капитал в расчёте на 1 работника* в принимающих регионах (при этом *общий региональный человеческий капитал увеличивался*). Такая взаимосвязь интерпретируется достаточно просто – зарплата вновь прибывающих работников оказывалась существенно ниже, чем у местных, в результате прирост человеческого капитала в расчёте на 1 работника был отрицателен. Однако после 2008 г. причинно-следственная связь меняется: в 2009, 2011–2012, 2015 гг. наблюдается сильная положительная корреляция – прибывающие увеличивают, а не снижают человеческий капитал регионов-реципиентов. Напомним также о важном выводе из таблицы 2 – после 2008 г. взаимосвязь между потоками инвестиций в основной капитал и объёмом человеческого капитала ослабевает. Это, на наш взгляд, свидетельствует о наметившемся

в России кризисе территориальной структуры, о котором речь пойдёт далее.

Но вернёмся к простой версии гравитационной модели и рассмотрим данные таблицы 5.

Таблица 5. Коэффициенты миграционного прироста (на 10 тыс. чел. населения) в регионах с городами-мегаполисами по сравнению с общероссийскими в 1998–2016 гг.

Год	В среднем выше общероссийских						В среднем ниже общероссийских								РФ	
	ВЖ	М	СП	СМ	Н	РТ	ВГ	Р	НН	ПК	С	Ч	КР	О		РБ
1998	42	70	29	53	55	38	35	18	40	11	22	47	-17	22	25	19
1999	36	70	18	44	28	26	14	12	29	12	12	29	-29	-25	26	11
2000	25	239	37	38	18	30	23	38	11	-6	12	22	-16	-40	18	25
2001	2	211	34	15	9	24	13	25	-3	-13	1	1	-18	-58	13	19
2002	14	166	16	14	-1	25	11	25	2	-13	-9	-4	-21	-45	16	16
2003	76	190	92	45	-4	24	-13	23	11	-40	-29	-18	-55	-69	11	18
2004	88	217	124	49	15	20	-2	11	11	-51	-32	-21	-63	-49	-2	18
2005	85	216	128	65	12	22	3	21	13	-49	-23	-12	-64	-37	-3	20
2006	66	182	137	50	18	36	14	18	11	-46	-14	-10	-54	-21	-6	22
2007	45	106	87	36	16	31	13	7	21	-30	8	9	-15	-21	13	25
2008	54	99	111	40	43	30	13	30	20	-25	11	10	-8	-9	14	25
2009	47	92	97	31	59	32	16	20	15	-27	2	4	-1	-10	17	24
2010	68	141	157	19	26	10	8	16	11	-46	-17	-8	-15	-31	2	19
2011	42	51	119	26	81	32	-22	-1	21	-3	31	19	28	-9	-23	22
2012	43	89	148	16	80	26	-27	9	21	7	16	13	13	-16	-22	21
2013	42	90	197	13	73	15	-34	-0,3	15	0,1	4	12	5	-14	7	21
2014	57	57	102	22	50	19	-25	12	5	-4	11	16	3	4	-11	19
2015	52	92	49	-6	45	9	-22	4	2	-15	4	10	10	-9	-15	17
2016	54	24	85	6	55	15	-18	12	-3	-12	1	8	17	-30	-18	18

ВЖ – Воронежская обл., М – г. Москва; СП – г. Санкт-Петербург; СМ – Самарская обл.; Н – Новосибирская обл.; РТ – Республика Татарстан; ВГ – Волгоградская обл.; Р – Ростовская обл.; НН – Нижегородская обл.; ПК – Пермский край; С – Свердловская обл.; Ч – Челябинская обл.; КР – Красноярский край; О – Омская обл.; РБ – Республика Башкортостан.

В выборку вошли самые крупные по численности населения регионы, столицами которых являются города-миллионники. Наличие последних (соответствующий ранг по Ципфу) означает, что, *при прочих равных условиях*, эти регионы будут притягивать население из других регионов, столицы которых уступают им по рангу. Сюда не включаются Московская и Ленинградская области, экономическая динамика которых

определяется соответствующими городами, играющими роль «метрополии» (стоит отметить, что и само существование этих регионов в качестве отдельных субъектов Федерации обусловлено исключительно политическими причинами¹⁰).

Как видим, гравитационная модель в целом сохраняет своё значение – 10 из 15 регионов с городами-мегаполисами каждый год показывают устойчивый рост. Заметим также, что это в целом подтверждает гипотезу (а).

В то же время таблица демонстрирует большую *неоднородность* российских регионов – часть из них показывает рост численности населения ниже среднероссийской (в противном случае, учитывая гравитационные эффекты, *все* регионы с городами-миллионниками должны были бы расти быстрее среднего). Более того, два региона – Омская область и Пермский край устойчиво теряют население, а в последние годы (начиная с 2011 г.) к ним добавилась и Республика Башкортостан. В соответствии с нашей моделью это заставляет сделать предположение о наличии в этих регионах неэффективного государственного управления (коэффициент $\beta < 0$). Это, в свою очередь, означает переход к тестированию гипотезы (с) о связи низкой эффективности управления с миграционным оттоком и низкой отдачей человеческого капитала.

Для этого рассмотрим данные таблицы 6.

Как видим, в отношении Пермского края и Республики Башкортостан *нельзя сделать однозначных выводов*: отдача человеческого капитала в первом регионе выше среднероссийской на всём протяжении рассматриваемого периода, во втором – тоже выше, в большей части рассматриваемого периода. Вероятно, на отток населения здесь сильно повлияли экологические факторы. Однако оценка эффективности природоохранной деятельности в регионах – отдельный предмет исследования, выходящий далеко за рамки данной работы.

Более уверенно можно диагностировать неэффективность управления в Омской области. Этот вывод следует не только из-за постоянного оттока населения и падающей отдачи человеческого капитала, но и из того, что наиболее крупные инвестиционные

---

¹⁰ Стоит отметить политический казус постсоветского времени – появление т.н. «Новой Москвы», расширившей территорию мегаполиса почти в два раза за счёт земель Московской обл.

проекты (строительство метро, гидроузла, аэропорта) оказались провалены и не принесли ожидаемой отдачи. Государственные инвестиции здесь в буквальном смысле оказались «закопаны в землю». При этом, однако, нельзя не обратить внимания на второй по объёму человеческого капитала субъект Российской Федерации – Санкт-Петербург. Отдача здесь всё время была *ниже среднероссийской*. При этом крупнейшая компания (и налогоплательщик) Омской области – «Сибнефть» в 2006 г. меняла хозяев, название (теперь «Газпромнефть») и перерегистрировалась в Санкт-Петербурге. Естественно, что это повлияло на оценки производительности и в первом, и во втором регионах.

Таблица 6. Производительность человеческого капитала в регионах с городами-мегаполисами по сравнению с общероссийской в 1998–2016 гг., %

Регион	1998	2005	2010	2016
Республика Башкортостан	21,3	1,6	-1,8	4,0
Республика Татарстан	29,6	21,8	19,6	25,5
Красноярский край	-3,6	-6,7	18,9	26,2
Волгоградская область	0,0	-16,8	-11,0	-6,8
Воронежская область	1,4	-25,6	-14,0	11,5
Нижегородская область	6,3	-16,1	-13,1	-3,3
Новосибирская область	-2,4	-16,1	-22,5	2,6
Омская область	-4,0	4,3	-9,0	-7,0
Пермский край	6,0	1,9	4,8	12,9
Ростовская область	-1,5	-26,3	-14,3	-7,6
Самарская область	21,4	3,7	4,9	0,4
Свердловская область	2,0	-17,2	-3,0	11,6
Челябинская область	-15,2	-10,6	-15,0	-9,2
г. Москва	29,1	47,3	26,6	-12,0
г. Санкт-Петербург	-4,7	-15,0	-6,0	-7,7

Между крупными инвестпроектами в Омске и Санкт-Петербурге существуют известные параллели: стоимость строительства скандально известного стадиона «Зенит» к ЧМ-2018 в Санкт-Петербурге постоянно пересматривалась, в итоге его реализация обошлась в несколько *годовых бюджетов* Омской области. В свою очередь, аналогичный, хотя и менее дорогостоящий «подарок» (кредит) «Сибнефти» и Р. Абрамовича омичам – ледовый дворец «Арена – Омск» для местной хоккейной команды использовался немногим более десяти лет. Как оказалось, при

строительстве были допущены ошибки, треснул фундамент, и в 2019 г. «Арена – Омск» была снесена. Ни петербургские, ни омские региональные кураторы соответствующих проектов не понесли никакого наказания. Какие выводы из этих частных случаев можно сделать в отношении эффективности государственного управления – вопрос риторический.

Очевидно, что питерские власти – намного более успешные лоббисты региональных интересов, чем омские. С этой точки зрения в Санкт-Петербурге управление более эффективно, чем в Омской области, что и подтверждается притоком населения в первый регион и его оттоком из второго. Кроме того, можно заметить, что сохранение «Газпромнефти» как налогоплательщика в Омске с большой вероятностью замедлило бы отъезд работников из Омской области.

Оба последних вывода связаны не только с эффективностью управления на региональном уровне, но и с эффективностью *федерального управления*. В 1990-е гг., когда тот же Санкт-Петербург был предоставлен «сам себе», численность его населения упала ниже 5 млн чел. и продолжала сокращаться¹¹.

Насколько федеральное управление регионами способствует росту отдачи человеческого капитала и экономическому росту в целом?

Напомним, при абстрагировании от общенациональных приоритетов (в том числе в области обороны), а также при соблюдении неоклассических посылок о наличии конкуренции, информации и т.д. – отдача человеческого капитала в регионах должна была бы стремиться к общему уровню. Гравитационная модель, которая является статической, как раз и предназначена для описания подобных процессов. При этом (повторимся), как показывают модели центр – периферия, отдача человеческого капитала в центре должна быть *выше*, чем на периферии. И если имеет место обратная ситуация, это признак того, что *сложившаяся региональная структура переживает кризис*, и в дальнейшем будут формироваться новые центры, а старые – переживать упадок, заодно будут формироваться новые периферии.

---

¹¹ Стоит отметить исключительность этого мегаполиса – на данной широте и в таком суровом климате в мире нет ни одного города с населением более 1 млн чел.

В этой связи полезно еще раз взглянуть на данные таблицы 6. В 1998 г. в девяти регионах из 15 производительность человеческого капитала находилась на среднероссийском уровне или выше него. В 2005 г. таких осталось всего шесть, причём главным локомотивом роста была Москва: отдача человеческого капитала здесь была в 1,5 раза выше, чем в среднем по России, и на 20% выше, чем в ближайшем к ней по эффективности Татарстане. В 2010 г. таких регионов остаётся пять, и наиболее экономически сильные регионы по производительности человеческого капитала приближаются к лидеру – Москве. Наконец, в 2016 г. отдача человеческого капитала в Москве упала ниже среднероссийского уровня, зато она заметно выросла в Красноярском крае и Татарстане (+25% к общероссийскому уровню), и вывела Воронежскую область из многолетних аутсайдеров в лидеры. На наш взгляд, все это явно свидетельствует о кризисе сложившейся региональной структуры.

В макроэкономическом анализе различают потенциальный ВВП, достигаемый в условиях полной занятости, и фактический ВВП, которому соответствует тот или иной уровень наблюдаемой безработицы. Разницу между первым и вторым принято соотносить с эффективностью осуществляемой властями экономической политики. Используя этот подход, оценим рост ВВП в условиях, при которых «отстающие» регионы – центры гравитационного притяжения демонстрировали бы отдачу человеческого капитала на *среднем для России* уровне. По нашей оценке, в этом случае разница потенциальных и реальных темпов экономического роста составляет в среднем 1,6% в год (за период 1998–2016 гг.). Наш расчёт основан на среднегодовых оценках (часть потерь регионального ВРП, связанных с тем, что состав регионов=аутсайдеров постоянно менялся, не учитывалась, как, например, потери Москвы в 2015–2016 гг.). На рисунке 2 приведены более точные данные по каждому году, с учётом суммарных потерь ВРП «отстающих» регионов.

При всей условности сравнения потенциального и реального ВВП, оценка потерь от неэффективного управления регионами составляет 25% за 17 лет. Аллокация человеческого капитала явно не хочет вести себя «по-капиталистически», что обусловливается действием политических факторов, которые мы и относим к эффективности управления.

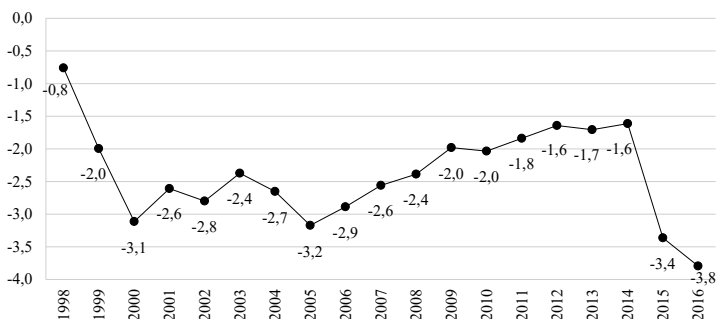

Рис. 2. Оценки потерь ВВП за счет регионов со столицами-мегаполисами в 1998–2016 гг.,%

Следует оговориться, что с точки зрения экономического субъекта поиск локации, где предоставляются лучшие условия жизни и *более высокое* материальное вознаграждение за *меньшие трудовые усилия*, является вполне рациональным поведением. Но в рыночных условиях ситуация, когда под действием политических факторов оплата труда растет быстрее его производительности, может существовать лишь в краткосрочном периоде. В долгосрочном периоде это способствует снижению рентабельности инвестиций (и вывозу капитала за рубеж), развитию инфляционных процессов, возникновению стагнации.

Противоречия между краткосрочными и долгосрочными целями управления общеизвестны, как и ориентация политиков на избирательные циклы (в двух российских столицах вместе с прилегающими областями сейчас живёт едва ли не каждый пятый российский избиратель). При этом региональный срез экономического роста показывает, что главной проблемой является даже не столько низкая отдача человеческого капитала в Санкт-Петербурге, сколько неожиданное падение такой отдачи в Москве, которая долгое время была своеобразным «локомотивом» роста. Ближайшие годы покажут, удастся ли российскому центру восстановить свои позиции.

Кроме того, следует отметить другие признаки трансформации территориальной структуры – неожиданный (для авторов) подъём Воронежской области, рост Краснодарского края (пока не вошедшего в нашу выборку из-за относительно небольших размеров его столицы), усилия федерального центра по развитию регионов Дальнего Востока. Но сохраняющиеся низкие темпы

экономического роста как России в целом, так и многих её регионов, пока не позволяют говорить об эффективном управлении.

* * *

Формирование региональных структур – процесс длительный, и потоки экономической миграции *обычно* способствуют увеличению темпов экономического роста. При этом размер и функции регионов и городов в экономическом, информационном и культурном обмене всегда будут различаться. Представление об однородном экономическом пространстве в этом отношении – полезная теоретическая абстракция, а не нормативный принцип, формирование центр-периферийных отношений, разрушающих однородность, является обыденностью.

Тем не менее любая структура постепенно исчерпывает свои резервы роста, и российские регионы – не исключение. По нашему мнению, в настоящее время появились признаки как кризиса, так и трансформации региональной структуры России, но прогнозирование этого процесса выходит далеко за пределы основной темы нашей работы.

Здесь же тестировались относительно тривиальные гипотезы, связанные с аллокацией и «переливом» человеческого капитала и влиянием этих процессов на экономический рост. Полученные результаты можно свести к следующим выводам:

1) большинство российских мегаполисов продолжает притягивать население в регионы, где они расположены; направления миграционных потоков это подтверждают;

2) связи между потоками инвестиций в основной капитал в расчёте на душу населения и человеческим капиталом в расчёте на одного занятого демонстрируют сильную прямую зависимость в начале наблюдаемого периода (2000–2003 гг.), но впоследствии ослабевают (коэффициент корреляции ниже 0,2); в то же время зависимость между объёмами инвестиций и человеческого капитала сохраняет своё значение;

3) отток населения из регионов по большей части связан с низкой оплатой труда; кроме того, здесь наблюдается «эффект Чукотки» – работники уезжают из регионов с суровыми климатическими условиями, при этом их отъезд приводит к повышению оплаты труда и уровня человеческого капитала оставшегося населения;

4) приток работников *не связан* с отдачей человеческого капитала в регионах-реципиентах. Часть последних характеризуется отдачей человеческого капитала ниже среднероссийской, и, что *представляется существенным*, количество таких регионов к концу наблюдаемого периода увеличивается; такая трудовая миграция не способствует повышению производительности труда и рентабельности инвестиций в основной капитал, что объясняет ослабление связей между притоком последних и человеческим капиталом в расчёте на душу населения (см. п. (2));

5) сохранение миграционной привлекательности некоторых регионов, демонстрирующих низкий уровень отдачи человеческого капитала, связано с политическими процессами (в том числе федеральными приоритетами, перераспределением бюджетных средств и т.д.), что относится авторами к факторам эффективности управления. Применяя оценки потенциального и реального темпов роста ВВП, мы оцениваем среднегодовые потери от неэффективного управления регионами в 1,6 процентных пунктов ежегодно на протяжении 17 лет.

Литература

Вацелюк Н.В. Влияние динамики выпуска на степень дифференциации доходов в регионах России // Экономика региона. 2015. № 4 (44). С. 132–144.

Власюк Л.И., Строев П.В. Методика определения уровня развития человеческого капитала и его дифференциация в регионах России // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10. № 4. С. 86–95.

Кругман П. Возрастающая отдача, монополистическая конкуренция и международная торговля: Вехи экономической мысли. Т. 2. СПб.: Экономическая школа ГУ ВШЭ, 2000. С. 523–532.

Лукас Р. Лекции по экономическому росту. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.

Макклоски Д. Измеренный, безмерный, преувеличенный и безосновательный пессимизм (О книге «Капитализм в XXI веке» Томаса Пикетти) // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 4. С. 153–195.

Малахов В.С., М.Е. Симон М.Е. К генеалогии миграционной политики в России: столкновение двух правительственных рациональностей // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1. С. 58–72.

Ореховский П. Лукавый, манипулятивный, самодовольный буржуазный оптимизм (о рецензии Д. Макклоски на книгу Т. Пикетти «Капитал в 21 веке») // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 2. С. 226–237.

Ореховский П.А. Структура социального пространства и её влияние на инвестиции и депопуляцию в российских регионах // Вестник ИЭ РАН. 2018. № 2. С. 48–67.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

Погосов И.А., Соколовская Е.А. Факторы долгосрочного экономического роста: соотношение капитала и труда в приросте валового дохода экономики, численность занятых и производительность труда // Проблемы прогнозирования. 2015. № 6 (153). С. 18–30.

Прокофьев В.А., Толмачев М.Н., Головкин М.В. Вопросы оценки и нормирования коэффициента вариации // Вопросы экономики и права. 2017. № 112. С. 34–37.

Суворов А.В., Суворов Н.В., Гребенников В.Г., Иванов В.Н., Болдов О.Н., Красильникова М.Д., Бондаренко Н.В. Подходы к измерению динамики и структуры человеческого капитала и оценке воздействия его накопления на экономический рост // Проблемы прогнозирования. 2014. № 3 (144). С. 3–17.

Krugman P. Increasing Returns, Monopolistic Competition, and International Trade, *Journal of International Economics*. 1979. № 9. Pp. 469–479.

Krugman P.R. Increasing Returns and Economic Geography // *The Journal of Political Economy*. The University of Chicago Press. 1991. Vol. 99. № 3. Pp. 483–499.

Статья поступила 15.08.2019.

Для цитирования: Букина И.С., Одинцова А.В., Ореховский П.А. Эффективность регионального распределения человеческого капитала и экономическое развитие // ЭКО. 2019. № 12. С. 65-89. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-65-89.

Summary

Bukina, I.S., *Cand. Sci. (Econ.)*, *The Center of Macroeconomic Analysis and Forecasting, Institute of Economics, RAS*, **Odintsova, A.V.**, *Doct. Sci. (Econ.)*, *Institute of Economics, RAS*, **Orekhovsky, P.A.**, *Doct. Sci. (Econ.)*, *Institute of Economics, RAS, Moscow*

Efficiency of Regional Human Capital Distribution and Economic Development

Abstract. The paper considers the relationship between the size of human capital in regions, migration, investments in human capital and economic growth. According to the gravity model, migration flows are directed to megacities (gravity centers). The authors modify this model by including, firstly, the dynamic function of migration costs growth associated with falling return on human capital due to growing costs associated with living in megacities; secondly, – the coefficient of elasticity due to the quality of regional management. The authors test the hypotheses of correlation between investments in fixed assets and regional human capital, the relationship between migration and human capital, migration and available megacities in the region, migration and investment in human capital. The paper estimates income loss associated with the current regional structure of the economy. The authors conclude that regional structural changes in the Russian economy are inevitable.

Keywords: *gravity model; regional structure, human capital; “Chukotka effect”*

References

Krugman, P. (1979). Increasing Returns, Monopolistic Competition, and International Trade. *Journal of International Economics*. No. 9. Pp. 469–479.

Krugman, P. (2000). *Increasing returns, monopolistic competition and international trade: Milestones in economic thought*. Vol. 2. St. Petersburg: School of Economics, Higher School of Economics. Pp. 523–532. (In Russ.).

Krugman, P.R. (1991). Increasing Returns and Economic Geography. *The Journal of Political Economy*. The University of Chicago Press. Vol. 99. No. 3. Pp. 483–499.

Lucas, R. (2015). *Lectures on Economic Growth*. Moscow. Publishing house of the Gaidar Institute. (In Russ.).

Malakhov, V.S., Simon, M.E. (2018). On the genealogy of migration policy in Russia: a clash of two governmental rationalities. *Theoretical Economics*. No. 1. Pp. 58–72. (In Russ.).

McCloskey, D. (2016). Measured, immeasurable, exaggerated and baseless pessimism (On the book “Capitalism in the XXI Century” by Thomas Picketty). *Economic Policy*. Vol. 11. No. 4. Pp. 153–195. (In Russ.).

Orekhovsky, P. (2017). Sly, manipulative, smug bourgeois optimism (about D. McCloskey’s review of T. Picketty’s book Capital in the 21st Century). *Economic Policy*. Vol. 12. No. 2. Pp. 226–237. (In Russ.).

Orekhovsky, P.A. (2018). The structure of the social space and its impact on investment and depopulation in the Russian regions. *Bulletin of IE RAS*. No. 2. Pp. 48–67. (In Russ.).

Picketty, T. (2016). *Capital in the XXI century*. Moscow. Ad Margin Press Publ. (In Russ.).

Pogosov, I.A., Sokolovskaya, E.A. (2015). Factors of long-term economic growth: the ratio of capital and labor in the growth of gross income of the economy, the number of employed and labor productivity. *Problems of forecasting*. No. 6 (153). Pp. 18–30. (In Russ.).

Prokofiev, V.A., Tolmachev, M.N., Golovko, M.V. (2017). Issues of assessment and normalization of the coefficient of variation. *Issues of Economics and Law*. No. 112. Pp. 34–37. (In Russ.).

Suvorov, A.V., Suvorov, N.V., Grebennikov, V.G., Ivanov, V.N., Boldov, O.N., Krasilnikova, M.D., Bondarenko, N.V. (2014). Approaches to measuring the dynamics and structure of human capital and assessing the impact of its accumulation on economic growth. *Problems of forecasting*. No. 3 (144). Pp. 3–17. (In Russ.).

Vashchelyuk, N.V. (2015). The effect of output dynamics on the degree of income differentiation in Russian regions. *Regional Economy*. No. 4 (44). Pp. 132–144. (In Russ.).

Vlasyuk, L.I., Stroyev, P.V. (2017). The methodology for determining the level of development of human capital and its differentiation in the regions of Russia. *Economics. Taxes. Right*. Vol. 10. No. 4. Pp. 86–95. (In Russ.).

For citation: Bukina, I.S., Odintsova, A.V., Orekhovsky, P.A. (2019). Efficiency of Regional Human Capital Distribution and Economic Development. *ECO*. No. 12. Pp. 65–89. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-65-89.

О «Национальной программе развития Дальнего Востока»: реальность и миражи¹

А.К. ТУЛОХОНОВ, академик РАН, Байкальский институт природопользования СО РАН, Улан-Удэ. E-mail: aktulohonov@binm.ru

Аннотация. В работе даны критические замечания по формированию и реализации новой Национальной программы развития Дальнего Востока, разработанной согласно поручению Президента РФ В.В. Путина. Вносятся предложения по регулированию социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока на основе использования исторического опыта экономических реформ. Выделены факторы социально-экономического развития восточных территорий России, включая экономическую самостоятельность субъектов РФ, инвестиционную привлекательность территории, ее экспортный потенциал и транспортную обеспеченность, создание комфортной и благоприятной среды.

Ключевые слова: национальная программа; экономические реформы; Сибирь и Дальний Восток; факторы; коренные малочисленные народы; вахтовое освоение территории

В последние годы усилилось внимание руководства страны к проблемам развития Дальнего Востока, которое глава государства определил в качестве национального приоритета XXI века. В состав Дальневосточного федерального округа вошли два новых субъекта: Забайкальский край и Республика Бурятия, административный центр перемещен во Владивосток. Полномочия Министерства по развитию Дальнего Востока, созданного в 2012 г., расширены на всю территорию Российской Арктики – от Мурманска до Чукотки².

В результате реформ в состав одного федерального округа вошла территория, занимающая почти половину Российской Федерации, а новое Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики стало ответственным за экономическое развитие

---

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН, проект № 0339–2016–0002.

² Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2019 г. № 78 «О совершенствовании государственного управления в сфере развития Арктической зоны Российской Федерации» [Эл. ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1261113/> (дата обращения: 05.06.2019).

субъектов четырех округов (Дальневосточного, Северо-Западного, Уральского и Сибирского).

Одним из первых шагов министерства стала разработка «Национальной программы развития Дальнего Востока до 2025 года и на перспективу до 2035 года», которая 30 апреля 2019 г. за подписью замминистра А. В. Крутикова была направлена в высшие органы исполнительной власти дальневосточных субъектов РФ с предложением в недельный срок (до 8 мая 2019 г.) рассмотреть документ и отправить в министерство замечания и предложения к нему с финансово-экономическим обоснованием и указанием источников и объемов финансирования.

Можно предположить, что краткость сроков обсуждения объясняется традиционной привычкой органов власти принимать указания «сверху» без особых рассуждений. Но к академической науке это не относится, и потому автор позволил себе более детально ознакомиться с новыми директивами правительства и высказать свою точку зрения на цели и пути развития Дальнего Востока, не только как объекта творчества федеральных чиновников, а более всего – как его родной земли, где живут его семья и миллионы земляков.

В первую очередь отметим, что, в отличие от всех предшествующих федеральных директив и целевых программ, уровень данного документа без особых объяснений был повышен до «Национальной программы», хотя в ней рассматривается экономика только одного федерального округа. Но именно это и заставляет более критично отнестись к его недостаткам. К примеру, авторы документа страдают излишним оптимизмом, оперируя в преамбуле такими выражениями, как «чистейшая экология» (С. 1), «новаторские механизмы», «новые решения» «новые центры экономического роста», «новые вызовы» (С. 2), «разработаны и запущены новые механизмы развития Дальнего Востока» (С. 11). При этом все эти механизмы вряд ли отличаются пионерным подходом и, в лучшем случае, используют подходы периода плановой экономики, разве что бюджетное финансирование сменилось поиском частных инвестиций.

В разделе «Общие положения» импонирует заявление авторов документа о том, что: «На протяжении всей истории освоения восточных территорий России в целях их заселения, экономического и социального развития, усиления связей с центральной частью

страны на государственном уровне всегда принимались смелые и нестандартные государственные решения» (С. 1). Большие сомнения вызывают оценки запасов природных ресурсов Дальнего Востока, согласно которым, здесь «расположены более половины лесов Восточной Азии, 37% пресной воды, 33% водных биоресурсов», азиатских стран тихоокеанского побережья, включая территорию Китая (С. 3). Такие вольности непозволительны для документов высшего уровня.

Из истории освоения Азиатской России

Решение любой крупной проблемы требует знания ее истории. Для начала напомним резолюцию, наложенную в 1886 г. императором Александром III на отчет генерал-губернатора Восточной Сибири графа Игнатьева: «Уж сколько отчетов... я читал и должен с грустью и стыдом признаться, что правительство до сих пор почти ничего не сделало для удовлетворения потребностей этого богатого, но запущенного края. А пора, очень пора». Сегодня, спустя полтора века, можно заключить, что вся дальнейшая политика России в отношении восточных регионов сводится к попыткам объединения разрозненных периферийных территорий и разнообразным практикам освоения их богатств. Первыми практическими шагами на этом пути стало строительство Транссибирской магистрали и реформы П. А. Столыпина, в результате которых в Сибирь и на Дальний Восток переехало из европейской части страны более 2 млн безземельных крестьян. Позднее они, сохраняя свою собственность, долго сопротивлялись советской власти. При изучении наследия П. А. Столыпина видно, что не всегда этим великим реформатором двигали лишь военно-стратегические или экономические интересы. Так, он пишет: «...мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке не для борьбы, а для прикрытия нашей национальной культурной работы, которая является нашей исторической миссией» [Столыпин, 2011].

После Социалистической революции в развитии восточных регионов страны наступил новый этап. В 1920-1930-е годы был разработан первый Генеральный хозяйственный план развития страны, в котором были изложены и долгосрочные перспективы развития производительных сил восточных регионов Советского Союза, к сожалению, нарушенные войной и сталинскими

репрессиями в адрес его авторов [Артемов, 2013]. В условиях жесточайшего дефицита финансовых, материальных, кадровых ресурсов руководство Советского Союза реализует задачи строительства стратегических объектов Норильска, золотых рудников Магадана. В кратчайшие сроки возводятся авиазаводы в Новосибирске, Иркутске, Улан-Удэ, Комсомольске-на-Амуре, Арсеньеве, продукция которых внесла решающий вклад в победу над фашизмом.

В послевоенные годы экономика восточных территорий развивалась ускоренными темпами: возникли гидростанции на Ангаре и Енисее, началась добыча якутских алмазов и западносибирской нефти. Понимая важность научного обоснования планов развития восточных окраин, в 1957 г. руководство страны принимает решение об организации Сибирского отделения наук СССР и строительстве новосибирского Академгородка. Заключительный этап развития плановой экономики советского периода ознаменовался появлением Байкало-Амурской магистрали.

В 1987 г. была принята «Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области», которая по многим параметрам и научному обоснованию может служить образцом планов стратегического развития. Увы, распад Советского Союза не позволил реализовать поставленные задачи, актуальные и для нашего времени.

В период плановой экономики, кроме высокой зарплаты, существовали разнообразные материальные и моральные механизмы поощрения эффективности трудовой деятельности на удаленных территориях. Все крупные промышленные объекты имели ранг ударных комсомольскихстроек, имевших особый статус материального обеспечения, за трудовые достижения вручались государственные награды, почетные звания, использовались и другие формы морального поощрения [Тулохонов, 2018]. Всесоюзные ударные стройки курировались высшим руководством страны, на стратегические объекты планомерно направлялись самые популярные артисты и спортсмены.

Дополнительные трудовые ресурсы обеспечивались спецконтингентом Гулага, а позднее – возможностями Министерства среднего машиностроения СССР, железнодорожными войсками, строительными батальонами. При этом, как правило, после

завершения очередного объекта основная часть рабочих переезжала на новые стройки. Тем самым в значительной степени компенсировался общий недостаток трудовых ресурсов в стране.

К сожалению, с развалом Советского Союза ушли в прошлое достижения плановой экономики Сибири и Дальнего Востока. Сегодня руководство страны ставит задачу вхождения уже не в лидеры, а хотя бы в пятерку мировых держав (что вряд ли достижимо при современных темпах развития экономики). При этом в государственных планах уже нет крупных градообразующих проектов, основное внимание уделяется частно-государственному партнерству и малому и среднему бизнесу.

Анализ 30-летних «демократических» реформ и результатов применения на восточных территориях механизма федеральных целевых программ (три программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья – в 1996, 2002 и 2008 гг.) порождает лишь пессимизм.

К примеру, по оценке специалистов, «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на период 2009–2018 гг.», утвержденная главами государств 23 сентября 2009 г., являет собой редкий пример непрофессиональной подготовки государственных документов высшего уровня, проекты и положения которой не только были необоснованны, но порой несли серьезную угрозу интересам страны [Александрова, 2010]. Таким образом, невыполнение этой программы, содержащей свыше 200 пунктов (в основном касающихся поставок в Китай российского сырья), сохранило для страны огромные природные богатства.

На фоне провала трех ФЦП развития Дальнего Востока последних двух десятилетий особенно впечатляют итоги реализации «Программы по возрождению старопромышленных районов Северо-Восточного Китая». Со времени принятия в 2003 г. основополагающих документов темпы роста экономики северокайтайских провинций заметно превысили средние для страны показатели, а сами они превратились в одну из основных сельскохозяйственных баз страны, производящей до 100 млн т зерновых.

К сожалению, в новой Национальной программе развития Дальнего Востока нет даже упоминаний об историческом опыте

реализации программ экономического развития макрорегиона, не говоря уже об успехах ближайших соседей.

О новых планах развития Дальнего Востока

Новый национальный план развития экономики Дальнего Востока прогнозирует реализацию более 1500 инвестпроектов, для которых должны быть созданы 135 тыс. рабочих мест. Из этих цифр следует, что в среднем предполагается использовать менее 100 человек на один объект. Однако в документе нет каких-либо реальных предложений о кадровом обеспечении таких планов. Возможно, они будут претворяться в жизнь с помощью роботов или цифровых технологий. Но для этого необходимо развитие на российской периферии современных академических и вузовских центров, которые сегодня большей частью отнесены федеральным центром к категории неэффективных организаций и подвергнуты в последние годы различным реформам и сокращениям.

Кроме того, в задачи Нацпрограммы входят:

- ускорение темпов экономического роста Дальнего Востока до 6% в год;
- повышение качества жизни населения до уровня выше среднероссийского.

На наш взгляд, это может быть достижимо только при значительном опережении темпов роста экономики Дальнего Востока при стагнации среднероссийской динамики. Содержание текста Программы, включая многочисленные перечни строительства промышленных и других объектов в восточных регионах страны, не позволяет выделить критерии их реализации.

Программа содержит значительную долю мероприятий по транспортному и энергетическому обеспечению территорий. Наличие в ней направлений «Поддержка семей с детьми» и «Развитие сферы физической культуры и спорта» следует только приветствовать, однако в ней отсутствуют разделы, посвященные перспективам развития науки и обеспечению продовольственной безопасности.

Приоритетным в Программе является строительство объектов социальной сферы. Однако недостаточно учитываются проблема их обеспечения квалифицированными кадрами при существующих прогнозах сокращения численности населения.

В Республике Бурятия в настоящее время остро не хватает врачей и среднего медицинского персонала, учителей и персонала для новых детских дошкольных учреждений. При этом в ближайшее время планируется строительство более сотни объектов социальной инфраструктуры.

Во всех документах, имеющих отношение к Стратегии пространственного развития Российской Федерации и реализации «Национальной программы развития Дальнего Востока», высшим органам государственной власти субъектов РФ, входящих в состав ДФО, рекомендуется привести в соответствие с Программой подобные стратегические документы регионального уровня. При этом до сих пор не отменено действие ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», разработанной уже не существующим Минрегионразвития РФ и утвержденной в 2013 г.

Некоторые положения обсуждаемой «Национальной программы...» и «Стратегии пространственного развития РФ» предполагают возможность укрупнения субъектов Федерации (создание макрорегионов, развитие мегаполисов). «Зуд» сокращения административных единиц поддерживается многими отечественными политиками, журналистами и даже представителями научной общественности [Адамеску, 2017]. Возможно, такая идея целесообразна для центральных регионов России, где объединение в один субъект Ярославской, Костромской или Владимирской областей вряд ли существенно повлияет на уровень жизни местного населения. Однако появляющиеся в прессе предложения объединить Камчатскую и Сахалинскую области, Приморский край в Тихоокеанскую губернию, а Якутию, Чукотку и Магаданскую область – в Северо-Восточную губернию заставляют предположить, что их авторы никогда не бывали на Дальнем Востоке, не ждали неделями летной погоды.

Для Азиатской России любое административное укрупнение означает ликвидацию в регионах представительств федеральных органов власти, сокращение соответствующих социальных структур, военкоматов, финансовых организаций. В результате сокращения ряда автономных округов еще совсем недавно процветавший субъект, Агинский автономный округ, вошел в состав дотационного депрессивного региона России – Забайкальского края [Жамсуев, 2018].

Безусловно, для Центра концентрация управления выгодна: согласно классической формуле «нет человека, нет проблемы», упраздняя очередной регион, Москва снимает с себя необходимость обустройства в нем российскую периферию, строить школы и больницы, дороги и детские сады. К тому же сокращается число представителей национальных окраин в Государственной думе и в Совете Федерации.

Однако с точки зрения здравого смысла и основного закона государства, утверждающего приоритет социальных прав граждан, независимо от места проживания, правительственные реформы должны не облегчать деятельность чиновников, а улучшать жизнь народа.

Необходимость укрупнения субъектов Федерации часто обосновывается сокращением численности их населения. Однако это, вероятно, тот самый случай, когда чиновники путают причину со следствием. В той же «Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года» делается акцент на поддержку наиболее эффективных экономических структур, к числу которых относятся регионы-доноры, крупные городские агломерации. Все остальные субъекты остаются в бюджетной «тени». К числу последних относятся, прежде всего, удаленные территории Сибири, Дальнего Востока и Арктики, сельские территории России.

Отрицательную роль в сокращении населения российской периферии и концентрации населения в крупных городах сыграли майские указы (2012 г.) Президента РФ, «привязавшие» зарплату работников социальной сферы к средним размерам оплаты труда по регионам. Как результат, в крупных городах, где зарплата была выше, чем в периферии, созданы новые стимулы для привлечения мигрантов. Современная практика применения регулирования оплаты труда в стране вряд ли решит проблемы привлечения трудовых ресурсов в регионы Сибири и Дальнего Востока [Тулохонов, 2019].

О транспортной составляющей развития Дальнего Востока

Ключевым вопросом любых социально-экономических реформ Сибири и Дальнего Востока (и вообще – освоения любых территорий) является организация современной дорожно-транспортной инфраструктуры. Сегодня практически все усилия

и благие пожелания реформаторов вступают в противоречие с существующей практикой транспортного обеспечения. При сохранении только Транссибирской железной дороги и Байкало-Амурской магистрали основная часть территории Дальнего Востока остается доступной лишь с использованием авиационного транспорта. При этом редкая сеть авиарейсов (иногда и полное их отсутствие между региональными центрами) обеспечивает транспортную связь внутри федерального округа только через московские аэропорты. Если в 1990 г. практически каждый дальневосточный населенный пункт имел воздушное сообщение с 470 (в общей сложности) аэродромами и посадочными площадками, то к 2019 г. количество последних сократилось более чем втрое.

При этом показатели, заложенные в Национальной программе, вряд ли позволят решить проблемы транспортного сообщения местных жителей с другими регионами и центральными городами. В планах правительства – к 2025 г. восстановить посадочные площадки и регулярное авиасообщение только в 243 населенных пунктах, что составляет лишь половину от возможностей передвижения населения советского периода.

Действительно, строить новые дороги и города в азиатской глубинке стоит огромных средств. Тем не менее сопоставимо малозаселенные страны, такие как Канада и Австралия, вошли в число мировых лидеров именно благодаря развитой транспортной инфраструктуре. В России плотность населения составляет 2,24 чел./км², в Австралии – 2,81, в Канаде – 3 чел./км². При этом плотность железных дорог в Австралии выше, чем в Сибири, в три раза, автодорог – в 10 раз, а число аэропортов на 100 тыс. жителей – в 14 раз. В Канаде эти показатели больше, соответственно, в 4,7 и 19 раз³. В то же время ВВП у Австралии и Канады в пять раз больше, чем у России, при такой же сырьевой ориентации экономики.

Приходится признать, что через 100 лет после знаменитой встречи В.И. Ленина с писателем-фантастом Г. Уэлсом Россия все еще остается «во мгле»: достаточно лишь взглянуть на космические снимки Северной Азии, где на фоне ночных огней Китая

---

³ *Иноземцев В., Пономарев И., Рыжков В.* Континент Сибирь // Независимая газета. 2012.02.11..

и Японии через Сибирь и Дальний Восток протягиваются редкие световые цепочки населенных пунктов вдоль Транссиба и БАМа.

Российский экспорт: добро или...

В «Национальной программе...» уделяется много внимания развитию экспортного потенциала Дальнего Востока. В период до 2025 г. общий объем дальневосточного экспорта должен быть увеличен в 1,5 раза – до 59 млрд долл. Наряду с экспортом сырой нефти существенно должны возрасти объемы вывоза угля, леса, металлопродукции, а также необработанного металла, удобрений, зерна и других товаров с низкими переделом и стоимостью. Для перевозки возросших товаропотоков планируется увеличить пропускную способность Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей до 210 млн т.

Отчетливо прослеживается тенденция увеличения объема вывоза экспортной продукции, которая сопровождается падением стоимости этих товаров на внешнем рынке. В первую очередь это относится к экспорту углеводородов, зерновых, удобрений, лесопроductии. При этом по-прежнему растет инфляция, а также стоимость продовольствия на внутреннем рынке [Тулохонов, 2019]. Показательно, что при все возрастающем экспорте зерновых Россия поставляет на мировой рынок существенно меньше муки, чем Турция и Казахстан, производящие ее из российского зерна⁴.

Отметим, что значительные объемы железнодорожных и морских грузоперевозок, обеспечивающие экспортные поставки природных ресурсов, не всегда сопровождаются загрузкой транспорта в обратном направлении, что снижает эффективность транспортных перевозок, приводит к росту тарифов и повышает себестоимость экспорта. Особые надежды в программе возлагаются на развитие Северного морского пути и в том числе на кратчайший морской транзит товаров из стран Азиатско-Тихоокеанского региона в Европу. Однако в этом случае существенно сокращается объем международных перевозок по Транссибу, которые требуют дополнительной перевалки грузов и таможенного оформления в наших дальневосточных портах.

---

⁴ Павенский И. Топ-30 экспортеров зерна // Агроинвестор. 2018.04.07. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.agroinvestor.ru/rating/article/30049-top-30-eksporterov-zerna/> (дата обращения: 08.08.2019).

Кроме того, в связи с таянием арктических льдов крупные суда могут по законам сферической геометрии значительно сокращать путь, прокладывая свои маршруты ближе к полюсу. В этом варианте трассы Северного морского пути проходят по ортодромии из Берингова пролива к Северной Норвегии, минуя экономическую зону России. В открытых водах Северного Ледовитого океана сокращается необходимость ледокольного сопровождения торговых караванов и использования российской портовой инфраструктуры на побережье Арктики.

Многие экономисты и политики развитие экспортного потенциала России связывают с участием в иницируемом Китае международном транспортном мегапроекте «Один пояс – один путь». Однако и здесь российские интересы далеки от приоритетов. В первую очередь мы наблюдаем резкий рост транзитных контейнерных перевозок из Западного Китая через Казахстан и далее через европейскую часть России на Запад. Другая часть грузов ориентирована в направлении Каспий, Закавказье и Турция, минуя российскую территорию. И в том, и в другом случае значительно сокращаются перспективы на рост транзитных грузов по Транссибирской магистрали, ориентированной на перевозку открытыми вагонами. А с уходом оставшейся части международного транзита на Северный морской путь и без того редкая транспортная сеть на Дальнем Востоке рискует превратиться в большой железнодорожный тупик, где идет в основном вывоз через приморские порты углей Кузбасса и другого сырья.

При огромных российских расстояниях необходимо изменение экспортно-сырьевой ориентации развития Дальнего Востока, ее акцентирование на максимальную переработку природных ресурсов, сокращение транспортных расходов, снижение их доли в стоимости экспортных товаров.

О решении демографической проблемы и о коренных народах Севера и Дальнего Востока

Авторы «Национальной программы...» по какой-то причине обошли в документе такие вопросы, как решение демографических проблем и сохранение коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Национально-этническая специфика в этом документе упоминается только по отношению к Еврейской

автономной области как конкурентное преимущество для «притяжения иностранных туристов» (С. 54), несмотря на то, что доля титульной нации в этом регионе не превышает 1% населения.

Между тем социально-экономическое развитие Азиатской России и Дальнего Востока предполагает решение демографической проблемы и привлечение новых трудовых ресурсов на основе эффективных материальных и моральных стимулов.

Миграционную привлекательность дальневосточных и северных территорий должны обеспечить снижение цен на продовольствие, тарифов на коммунальные и транспортные услуги, горюче-смазочные материалы, а также создание высокотехнологичных медицинских, опорных инновационных научно-образовательных центров, современных учреждений культуры.

Широко распространенная в настоящее время практика вахтового освоения северных и дальневосточных территорий требует научного исследования проблем организации вахтового труда, изменения механизмов управления ею, обеспечивающих жизнедеятельность вахтовиков на территориях проживания и приложения труда, а также решения проблем сохранения территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов.

В России насчитывается 47 коренных малочисленных народов (количество представителей каждого из них не превышает 50 тыс. чел.⁵), большинство из которых проживают в Сибири и на Дальнем Востоке. Несмотря на существование большого числа нормативно-правовых директив по поддержке коренных этносов, включая разнообразные льготы⁶, обеспечение прав на ведение традиционных промыслов, численность коренных малочисленных народов в макрорегионе в настоящее время не достигает и 300 тыс. чел.

Для сравнения: в Канаде, по переписи 2006 г., проживали более 60 этносов, относящихся к коренным жителям континента

---

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. №255 «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями на 25 августа 2015 года). [Эл. ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757631> (дата обращения: 05.06.2019).

⁶ Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Эл. ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/180406/> (дата обращения: 07.08.2019).

общей численностью почти 1 180 тыс. чел. [Коренные.., 2012]. В их распоряжении находятся 2370 резерваций общей площадью 27,4 тыс. км². Коренные народы Канады освобождены от налогов, получают субсидии на жилищное строительство и охрану здоровья, образовательные стипендии, благодаря которым общее число студентов из числа коренных народов за последние 10 лет увеличилось в 10 раз и составило 4200 человек. Владельцам нефтяных и горнорудных компаний на территориях проживания коренных народов вменяется в обязанность нанимать на работу не менее 50% работников из их числа [Абеле, 2004].

В США к коренным малочисленным народам относятся этносы с численностью не более 1 тыс. чел., всего учтены почти 4200 тыс. чел. Благодаря особым мерам государственной поддержки, численность аборигенов штата Аляска за последние 30 лет выросла вдвое и превысила 100 тыс. чел. Основным богатством местного населения является собственность на землю, выкуп и аренда которой при добыче полезных ископаемых и прокладке нефтепроводов обеспечивают основной доход. Создаются благотворительные и трастовые фонды, в том числе для будущих поколений, контролируемые местными общинами. Индейским общинам принадлежит 12%, или 178 тыс. км² площади штата [Коренные.., 2012].

Одним из признаков социального неблагополучия отдаленных территорий Сибири и Дальнего Востока является высокий отток пенсионеров. В то время как на Аляске наблюдается рост числа пенсионеров, остающихся этих землях. Этому способствует соответствующее социальное обеспечение из различных фондов, а также существующее законодательство, аннулирующее льготы при выезде с территории штата на период более чем полгода.

Таким образом, главными факторами социально-экономического развития восточных регионов России, на наш взгляд, должны стать рост их экономической самостоятельности, а также инвестиционной привлекательности на основе повышения экспортного потенциала и транспортной обеспеченности, создания комфортной и благоприятной среды.

Для успешной реализации любой стратегической программы развития страны и ее регионов необходимо, прежде всего, участие общества в их обсуждении, а также критическое осмысление и использование предшествующего опыта экономических реформ

(в том числе столыпинских, советской плановой экономики) и опыта экономического развития сопредельных стран.

К сожалению, современные руководители России поступают чаще всего в полном соответствии с выражением Б. Шоу: «Едиственный урок, который можно извлечь из истории, состоит в том, что люди не извлекают из истории никаких уроков».

Литература

Абеле Ф. Канадский опыт улучшения положения коренных народов на рынке труда // Регион: экономика и социология. 2004. № 4. С. 200–211.

Адамеску А. Концепция совершенствования административно-территориального устройства России // Экономист. 2017. № 9. С. 23–31.

Александрова М. В. Программа сотрудничества смежных территорий России и Китая: история, факты, пути осуществления // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2010. Т. 15. С. 198–222.

Артемов Е. Т. Восточные регионы в проектировках предвоенного Генерального хозяйственного плана // ЭКО. 2013. № 1. С. 151–166.

Жамсуев Б. Б. На рубеже веков. Опыт Агинской автономии (1997–2008 гг.). Чита: Экспресс-издательство, 2018. 416 с.

Коренные малочисленные народы Канады и Соединенных штатов Америки (информационные материалы к семинару «Современные проблемы коренных малочисленных народов Севера и Сибири»). Красноярск, 2012. 48 с.

Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия! Полное собрание речей П. А. Столыпина (1906–1911 гг.). М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. 464 с.

Тулохонов А. К. Как сохранить географическое пространство Азиатской России // ЭКО. 2018. № 10. С. 7–25.

Тулохонов А. К. Есть ли у России стратегия пространственного развития, или еще раз о реформах в российском государстве // Экономист. 2019. № 4. С. 3–9.

Статья поступила 19.06.2019.

Для цитирования: *Тулохонов А. К.* О «Национальной программе развития Дальнего Востока»: реальность и миражи // ЭКО. 2019. № 12. С. 90–104. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-90-104.

SUMMARY

Tulokhonov, A. K. Member of RAS, Scientific leader of the Federal State Budgetary Institution of Science «Baikal Institute of Nature Management, SB RAS, Ulan-Ude About the «National Program for Development of the Far East»: Reality and Delusions

Abstract. The paper provides critical comments on formation and future implementation of the new development program of the Far East in accordance with instructions of the President of the Russian Federation V.V. Putin to the Government of the Russian Federation. The main recommendations of the author are based on historical experience of state regulation of socio-economic development of Siberia and the Far East, since the tsarist times of Russian history. The paper defines

principal directions of socio-economic development of Siberia and the Far East with particular emphasis on the need for public discussion of transport infrastructure development in the territories, changes in raw materials export routes, as well as issues of strengthening the local population and preserving the rights of indigenous people of Russia.

Keywords: *national program; public discussion; transport development; raw materials; indigenous peoples; outflow of population*

References

Abele, F. (2004). The Canadian experience with positive programs to improve the labour market situation of indigenous peoples. *Region: Economics and Sociology*. No. 4. Pp. 200–211. (In Russ.).

Adamesku, A. (2017). The concept of improving the administrative and territorial structure of Russia. *Ekonomist*. No. 9. Pp. 23–31. (In Russ.).

Aleksandrova, M.V. (2010). The program of cooperation of adjacent territories of Russia and China: history, facts, ways of implementation. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. No. 15. Pp. 190–222. (In Russ.).

Artemov, E.T. (2013). Eastern Regions in the Design of pre-war General Economic Plan. *ECO*. No. 1. Pp. 151–166. (In Russ.).

Indigenous Minorities of Canada and the United States of America (information materials for the seminar “Modern Problems of Indigenous Minorities of the North and Siberia”. (2012). Krasnoyarsk. 48 p.

Stolytin, P.A. (2011). We need Great Russia!: A complete collection of speeches by P.A. Stolytin (1906–1911). Moscow. Book Club of Bookies. 464 p.

Tulohonov, A.K. (2018). How To Save The Geographical Space Of Asian Russia? *ECO*. No. 10. Pp. 7–25. (In Russ.).

Tulohonov, A.K. (2019). Is there a spatial development strategy in Russia or is it again about reforms in the Russian state. *Ekonomist*. No. 4. Pp. 3–9. (In Russ.).

Zhamsuev, B.B. (2018). At the turn of the century. The experience of Agin autonomy (1997–2008). Chita: Express Publishing. 416 p.

For citation: Tulokhonov, A.K. (2019). About the «National Program for Development of the Far East»: Reality and Delusions. *ECO*. No. 12. Pp. 90-104. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-90-104.

Неравенство в доходе и самооценка здоровья в России¹

М.А. КАНЕВА, кандидат экономических наук, Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, Москва; Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск. E-mail: kaneva@iep.ru

В.Б. БАЙДИН, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов РФ, Москва. E-mail: vbaydin@nifi.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния доходов на здоровье и благополучие россиян. А именно целью исследования является изучение влияния разницы в доходах граждан на их самооценку здоровья через описание, анализ и эконометрическое моделирование взаимосвязи этих факторов. На основе панельных данных опроса Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) были построены объединенные обобщенные порядковые логистические регрессии для категориальной переменной «ухудшающаяся самооценка здоровья». Были рассчитаны предельные эффекты влияния на самооценку здоровья различных доходных групп, коэффициента Джини и остальных независимых переменных моделей для трех категорий самооценки (хорошее, среднее, плохое). Эконометрическое моделирование показало, что в России выполняются гипотезы абсолютного дохода и неравенства доходов и существует статистически значимая взаимосвязь между уровнем дохода, его неравенством (коэффициентом дифференциации дохода Джини) и самооценкой здоровья. В ряде спецификаций выявлено, что у мужчин доход сильнее влияет на самооценку здоровья, чем у женщин; по-видимому, это связано с их большей вовлеченностью в рынок труда. Полученные результаты позволяют предположить, что государственная политика по увеличению доходов населения и сокращению региональной дифференциации способна привести к улучшению субъективного восприятия здоровья населением;

Ключевые слова: самооценка здоровья; доход; эконометрический анализ; РМЭЗ; Россия

Введение

Несмотря на то, что самооценка здоровья – субъективный показатель, получаемый в ходе опросов населения на основе предлагаемых категориальных вариантов ответов (например, «очень хорошее», «хорошее», «среднее», «плохое» и «очень плохое»), Всемирная организация здравоохранения рекомендует использовать его как один из основных индикаторов для мониторинга здоровья и качества жизни [Picavet et al., 1996]. Этот показатель можно считать интегральным, поскольку субъективная

---

¹ Статья подготовлена в рамках плана НИР 2018 г. Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара по теме «Разницы в доходе и самооценка здоровья».

оценка собственного здоровья не только отражает физическое и психологическое состояние респондента, но и зависит от его социально-экономических характеристик [Канева, 2016].

В настоящей работе авторы поставили себе целью изучение влияния различий в доходе на самооценку здоровья. Для ее достижения использовались методы описания, анализа и эконометрического моделирования.

По мнению авторов, результаты исследования, подтвердившие статистически значимую взаимосвязь между здоровьем и неравенствами в доходах, могут (и должны!) быть учтены при разработке мер государственной социальной политики России.

Обзор литературы²

Дискуссия о влиянии неравенства доходов на индивидуальное и общественное здоровье ведется уже много лет. Все начиналось с наблюдений на агрегированном уровне, внутри разных дисциплин общественного здравоохранения и социальных наук появлялись исследования о негативной корреляции между мерами неравенства и различными средними показателями состояния здоровья населения (например, см. [Babones, 2008; Deaton, 2003; Karlsson et al., 2010]). Многие из них показали, что в обществах с высоким уровнем дифференциации доходов средние показатели здоровья ниже. Причем, это справедливо как для стран [Rodgers, 1979; Wilkinson, 1992], так и для отдельных регионов внутри одной страны [Kawachi, Kennedy, 1997].

Выводы были убедительными, но не всегда однозначными. Очевидно, потому, что для оценки зависимости использовались различные показатели здоровья – смертность, разные категории заболеваемости, самооценка здоровья (которая сама по себе измеряется различными способами) и т.д.; при этом неравенство могло относиться к заработной плате, индивидуальным доходам или доходам домохозяйств; могли применяться многомерные величины или простые прокси-переменные.

На сегодняшний день в литературе по экономике здравоохранения сосуществуют пять гипотез относительно влияния дохода на здоровье.

---

² Данный раздел написан совместно с Кристофером Джоном Герри из Университета Оксфорда.

Гипотеза о неравенстве доходов (ИН – income inequality hypothesis) утверждает, что различия в показателях здоровья населения развитых стран объясняются не столько разницей в абсолютном уровне доходов, как считалось ранее, сколько неравенством в их распределении. Р. Уилкинсон, развивая эту гипотезу, писал, что рост неравенства непосредственно приводит к снижению уровня здоровья [Wilkinson, 1986]. Это позволяет сделать важные политические выводы: более высокое социальное благополучие может быть достигнуто с помощью перераспределения доходов средствами прогрессивного налогообложения.

Гипотеза абсолютного дохода (АИН – absolute income hypothesis) основывается на концепции производственной функции здоровья, которая утверждает, что экономические ресурсы улучшают здоровье с убывающим предельным эффектом. Таким образом, если на здоровье индивида влияет только абсолютный доход, и если отношения между доходом и здоровьем являются нелинейными с убывающей первой производной, то среднее состояние здоровья в обществе будет улучшаться как при увеличении среднего дохода, так и при уменьшении неравенства в доходах.

Альтернативная предыдущей *гипотеза относительного дохода* (РИН – relative income hypothesis) утверждает, что на здоровье человека воздействует его экономическое положение относительно окружения или отклонение его дохода от среднего показателя в референтной группе. Если, к примеру, собственный доход индивида фиксирован, увеличение среднего дохода в группе приведет к ухудшению его самочувствия. Р. Уилкинсон [Wilkinson, Societies, 1996] связывает этот феномен с особенностями восприятия людьми их места в социальной иерархии. Относительно бедные граждане, сравнивая себя со своими более богатыми коллегами, переживают стресс, потерю уважения, недоверие и стыд, что может вызывать соответствующие биохимические реакции организма и увеличить вероятность заболевания [Brunner, 1999] и/или нездорового поведения, например, курения.

Следующая на очереди *гипотеза о депривации*³ (ДН – deprivation hypothesis) распространена в литературе по социальным наукам, изучающим здоровье. Ее суть в том, что нищета или лишения, определяемые в абсолютном либо относительном

---

³ От английского deprivations, лишения.

выражении, приводят к потере здоровья. Если какой-то индивид опустится ниже определенного уровня бедности, это отразится на его здоровье, и мера этих последствий зависит от «степени падения» (т.е. от того, насколько ниже определенного уровня бедности он опустился).

Гипотеза относительной позиции (RPH – relative position hypothesis) [Wilkinson, 1986] предполагает, что на здоровье влияет не просто размер дохода того или иного индивида, а та позиция, которую он занимает в распределении доходов. Другими словами, в отличие от ДН, не материальные жизненные стандарты как таковые влияют на здоровье, а относительное социальное положение. Хотя не вполне ясно, что такое социальное положение. Это может быть непосредственная или локальная социальная позиция (на уровне трудового коллектива или жилого квартала); или то положение, которое человек занимает по отношению ко всему населению (известность в городе); или же это понятие может дополнительно учитывать социальное положение референтной группы индивидуума во всем обществе (пенсионер, студент и т.д.).

Гипотеза о неравенстве доходов утверждает, что на самочувствии человека отражается не только его собственный уровень дохода, но и уровень неравенства в регионе проживания. Автор гипотезы Р. Уилкинсон отмечает, что в развитых странах различия в состоянии здоровья индивидов (как объективные, так и в самооценке здоровья) являются следствием различий доходов богатых и бедных людей и степени неравенства между ними [Wilkinson, 1996]. ПН отличается от RPH тем, что в RPH относительная позиция важна сама по себе, то есть более равные общества более здоровы из-за социальной сплоченности, отсутствие которой приводит к нездоровью. Этот эффект проявляется через многослойные механизмы. Неравенство может порождать взаимное недоверие людей; а оно, в свою очередь, транслируется в антисоциальное поведение, сниженное гражданское участие. Подобный низкий социальный капитал или отсутствие социальной связанности могут иметь последствия для здоровья [Putham, 2000]. В то же время есть исследования, показывающие, что люди, интегрированные в общество, демонстрируют более высокую иммунологическую сопротивляемость к ряду заболеваний [Nilsson, Bergh, 2012].

Как ни парадоксально, но некоторые авторы [Wagstaff, Doorslaer, 2000] анализ данных на уровне индивидов называют

наиболее предпочтительным способом выявления причинно-следственных связей и представления значимых теоретических и концептуальных объяснений эмпирических фактов. Они мотивируют это тем, что на уровне микроданных, связанных с индивидами, вид переменной здоровья изменяется в зависимости от выбранной гипотезы. В АИН здоровье индивида – это функция с убывающим маргинальным приростом от дополнительного дохода, а влияние остальных факторов не учитывается. В РИИ – это, по сути, та же функция, но при этом ее значение находится в обратной зависимости от среднего дохода, определенного для всего локального сообщества или населения страны. В ДИИ здоровье индивида может улучшаться только до депривационной линии, поскольку именно она важна для здоровья. В РРИИ оно зависит не только от его личного дохода, но также либо от ранга индивида в общем или локальном распределении дохода, либо от ранга сообщества (референтной группы), к которому он принадлежит, в национальном распределении дохода. Наконец, в ИИИ здоровье индивида есть функция от личного дохода, а также от неравенства в доходе либо на уровне сообщества, либо на уровне всего населения.

Все перечисленные гипотезы в равной степени относятся как к объективным индикаторам здоровья (смертность, продолжительность жизни), так и к его самооценке⁴. Соответственно, при тестировании этих теорий с помощью эмпирических исследований также могут использоваться индикаторы обоих видов⁵.

Несмотря на широкое обсуждение проблем взаимосвязи между доходом и здоровьем в литературе по экономике здравоохранения, соответствующие исследования на материале России и Восточной Европы весьма немногочисленны. При этом огромные размеры и большая территориальная дифференциация России порождают дополнительные задачи. Существенная часть литературы по вопросам здравоохранения в РФ мотивирована значительными природно-географическими различиями регионов и их возможным влиянием на здоровье [Gravelle, 1998].

---

⁴ Далее в настоящей статье при описании влияния дохода на здоровье под здоровьем подразумеваются и объективные, и субъективные индикаторы.

⁵ Важно понимать, что существуют систематические различия между самооценкой здоровья, объективными оценками здоровья, проделанными медицинскими специалистами, и «истинным здоровьем» индивида, которое является идеальной категорией и измерение которой всегда происходит с погрешностью. Подробнее об этом см. работу авторов [Канева, Байдин, 2018].

Одним из первых широко публикующихся авторов по теме социальных детерминант здоровья в России в 1990-е гг. был Кокерхем [Cockerham, 2000]. Он не нашел подтверждения значимого влияния дохода на здоровье, зато обнаружил, что самооценка здоровья в изучаемом периоде зависела от пола, возраста, образования и участия в рынке труда. Чуть позднее Карлсон сделал вывод: «Кажется, что бедность сама по себе не может объяснить региональные вариации в смертности или продолжительности жизни, в то же время их объясняют социальные и социально-психологические факторы, связанные с экономическими и политическими изменениями» [Carlson, 2005. P. 389]. Исследователь утверждал, что связь между неравенством дохода и здоровьем зависит от уровня неравенства, и что существование криволинейной зависимости может быть самым важным фактором при интерпретации результатов других исследований.

К схожим выводам пришли Локшин и Равальон, которые показали, что самооценка здоровья россиян характеризуется небольшим градиентом в потреблении домохозяйства и в индивидуальном доходе⁶ [Lokshin, Ravallion, 2008]. Их результаты свидетельствуют о том, что наиболее бедные индивиды в России являются также наиболее больными, а зависимость здоровья от дохода нелинейна.

В свою очередь Пол и Валтонен обнаружили, что самооценка здоровья россиян с течением времени выросла. Они связали этот рост в значительной степени с вкладом в самооценку здоровья индивидуальных характеристик, в особенности тех, которые связаны с участием в рынке труда, доходом, доступом к предоставляемым услугам, владением активами и размером домохозяйства [Paul, Valtonen, 2016].

В заключении обзора эмпирических исследований по России (и посткоммунистической Европе) отметим, что тема взаимосвязи «здоровье – неравенство в доходе» недостаточно исследована. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел на основе анализа индивидуальных данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) за 2013–2016 гг.

---

⁶ Обнаружение этими авторами градиента между субъективной оценкой здоровья и самооценкой благосостояния с учетом других независимых ковариатов, не связанных с доходом, стало их вкладом в методологию.

Основные гипотезы

В эмпирической части нашей работы мы протестируем две из пяти вышеназванных гипотез о влиянии дохода на самооценку здоровья, а именно, гипотезы абсолютного дохода (АИ) и неравенства доходов (ИН). Отметим, что АИ входит в более широкую концепцию о взаимосвязи здоровья и социально-экономического статуса, основными составляющими которого являются образование, доход и тип занятости. При этом мы опирались на две рабочие гипотезы.

Гипотеза 1. В соответствии с гипотезой абсолютного дохода (АИ) существует статистически значимая зависимость между уровнем дохода и уровнем здоровья: индивиды с более низким доходом и более низким социально-экономическим статусом сообщают о более слабом здоровье.

Гипотеза 2. Согласно гипотезе о неравенстве доходов (ИН), существует статистически значимая зависимость между этим неравенством и уровнем здоровья: жители регионов с более высоким уровнем дифференциации чаще сообщают о плохом здоровье. Для тестирования этой гипотезы авторы дополняют базу данных РМЭЗ коэффициентами Джини, показывающими неравенство в распределении доходов по регионам.

Данные

В качестве эмпирической базы исследования авторы использовали данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья НИУ-ВШЭ» (РМЭЗ), негосударственного лонгитюдного⁷ обследования домохозяйств⁸. Для проверки гипотезы авторы используют волны 22–25 РМЭЗ (2013–2016 гг.) с общим числом 63551 человек старше 13 лет по состоянию на 2013 г.

---

⁷ Лонгитюдное исследование – метод, часто используемый в социологии для изучения некоей группы индивидов в течение времени, за которое успевают существенно измениться их значимые признаки.

⁸ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

В обследовании РМЭЗ вопрос о самооценке здоровья предполагал на выбор пять вариантов ответов: «очень плохое», «плохое», «среднее», «хорошее» и «очень хорошее». Однако на том основании, что варианты ответов «очень плохое» и «очень хорошее» в ответах респондентов звучали очень редко (1,98% и 1,47% выборки соответственно), мы объединили варианты «плохое и очень плохое» в одну категорию «плохое», а «хорошее и очень хорошее» – в категорию «хорошее». Кроме прочего, мы таким образом сохранили преемственность с более ранними своими работами, где переменная, описывающая самооценку здоровья, включала всего три категории – «хорошее», «среднее» и «плохое» здоровье.

Ковариаты⁹ модели самооценки выбраны на основе более ранних теоретических и эмпирических исследований. Так, модель капитала здоровья Гроссмана [Grossman, 1972] и тестирующие ее многочисленные эмпирические работы [Cairney, 2000; Kaneva et al., 2018; Lokshin, Ravallion, 2008; Simon et al., 2000], в качестве детерминантов определяют возраст, образование и доход. Дополнительными переменными являются семейное положение [Monden, Uunk, 2013; Синельников, 2011], тип населенного пункта [Gerry, Papadopoulos, 2015], регион проживания [Luutikainen, Kemppainen, 2016]), тип занятости [Канева, 2016]. Новыми (по сравнению с более ранними работами авторов статьи) являются переменные, отражающие вероисповедание индивида [Soydemir et al., 2004].

В набор независимых переменных модели включается индекс Джини, рассчитанный для каждого из регионов, в которых проводился опрос РМЭЗ. Согласно методологии Росстата, коэффициент Джини характеризует степень отклонения фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения. Величина индекса варьирует от 0 до 1, при этом чем выше значение, тем сильнее дифференцированы доходы в данном регионе. В течение 2013–2016 гг. в РМЭЗ участвовали респонденты из 33 субъектов Федерации. С целью масштабирования переменной и приведения ее к той же размерности, что и остальные, значение индекса Джини было умножено на 100.

---

⁹ Ковариата – переменная, которая может влиять на взаимосвязь между изучаемыми переменными, однако сама по себе интереса не представляет

Описательные статистики переменных, используемых в анализе, приведены в таблице 1.

Таблица 1. Описательные статистики зависимой и независимых переменных обобщенной логистической регрессии самооценки здоровья, 2013–2016 гг.

Определение	Мужчины		Женщины	
	Среднее	SD	Среднее	SD
Спецификация 1	N=26541		N=36105	
Самооценка здоровья, категории 1–3 (хорошее, среднее, плохое здоровье)	1,635	0,641	1,827	0,655
Возраст, непрерывная переменная (от 13 до 102 лет для женщин и от 13 до 95 для мужчин)	41,983	17,365	46,977	0,468
Индекс Джини, 0–100	39,676	2,568	39,739	2,576
Холост/не замужем	0,222	0,416	0,155	0,361
Разведен(а)	0,046	0,210	0,113	0,316
Вдова/вдовец	0,025	0,158	0,186	0,389
Женат/замужем*	0,705	0,456	0,546	0,498
Есть дети	0,675	0,468	0,789	0,408
Число членов домохозяйства (от 1 до 16)	3,521	1,687	3,261	1,736
Начальное образование	0,017	0,130	0,029	0,168
Неполное среднее образование	0,207	0,405	0,154	0,361
Среднее образование	0,357	0,479	0,264	0,441
Среднее профессиональное образование (в т.ч. техническое или медицинское)*	0,200	0,400	0,274	0,446
Высшее образование	0,218	0,413	0,279	0,449
Пенсионер	0,160	0,367	0,294	0,455
Респондент не работает и не ищет работу (не включается в экономически активное население)	0,116	0,321	0,186	0,389
Безработный	0,102	0,303	0,051	0,219
Работает*	0,621	0,485	0,469	0,499
Православный*	0,771	0,420	0,866	0,341
Мусульманин	0,072	0,258	0,061	0,239
Другое вероисповедание	0,009	0,092	0,011	0,105
Атеист	0,148	0,356	0,062	0,241
Первый квинтиль дохода	0,188	0,391	0,218	0,413
Второй квинтиль дохода	0,150	0,357	0,232	0,422
Третий квинтиль дохода	0,165	0,371	0,223	0,416
Четвёртый квинтиль дохода	0,257	0,437	0,200	0,400
Пятый квинтиль дохода (самый высокий)*	0,241	0,427	0,128	0,334

* Обозначает базовую категорию.

Эмпирический подход к анализу влияния дохода на самооценку здоровья

Исследование проведено методом эконометрического моделирования. Для проверки *Гипотезы 1* рассчитывалась объединенная (pooled) обобщенная порядковая логистическая регрессия для 2013–2016 гг. с зависимой категориальной переменной «ухудшающаяся самооценка здоровья» (1=хорошее здоровье; 2=среднее; 3=плохое) и набором описанных выше независимых переменных.

Для нашей зависимой переменной регрессия записывается следующим образом:

$$P(Y_i > j) = g(X_i\beta_j) = \frac{\exp(\alpha_j + X_i\beta_j)}{1 + \{\exp(\alpha_j + X_i\beta_j)\}}, \quad j = 1, 2, \dots, M-1 \quad (1)$$

$$P(Y_i = 1) = 1 - g(X_i\beta_1) \quad (2)$$

$$P(Y_i = j) = g(X_i\beta_{j-1}) - g(X_i\beta_j), \quad j = 2, \dots, M-1 \quad (3)$$

$$P(Y_i = M) = g(X_i\beta_{M-1}), \quad (4)$$

где M – число категорий, X – независимые переменные регрессионной модели, β – коэффициенты при независимых переменных [Williams, 2016].

Для каждой независимой переменной в модели рассчитываются два набора отношения шансов (OR) (по числу категорий переменной минус 1).

В набор 1 попадают все OR, удовлетворяющие следующему условию на зависимую переменную («самооценка здоровья»): $Y > 1$ vs $Y \leq 1$. В нашем случае это будут все OR для обобщенной категории «плохое или среднее здоровье vs хорошее здоровье»¹⁰. Аналогичным образом строится обобщенная категория 2 «плохое

¹⁰ Эта категория аналогична расчету коэффициентов для бинарной переменной Y_1 , где 1=плохое или среднее здоровье и 0 = хорошее здоровье.

здоровье vs среднее или хорошее здоровье» с условиями $Y > 2$ vs $Y \leq 2$ для OR¹¹.

Для проверки *Гипотезы 1* используются фиктивные переменные квинтиля дохода. Категориальный вид переменной самооценки здоровья и расчет предельных эффектов для каждой из категорий позволяют оценить влияние социально-экономического статуса респондентов на его самоощущение, проследить разницу в оценках влияния этого статуса на граждан со средним и плохим здоровьем.

В логистической регрессии вместо коэффициентов принято использовать понятие «отношение шансов»¹² (OR от англ. odds ratio), которое представляет собой отношение числа случаев, когда событие наступило, к числу случаев, когда оно не наступило. Пусть среди независимых переменных есть одна переменная X (предиктор) и группа дополнительных предикторов $Z_1 \dots Z_p$, которые могут принимать какие угодно значения. Тогда отношение шансов это:

$$OR = \frac{\Pr(Y = 1 | X = 1, Z_1, \dots, Z_p) / \Pr(Y = 0 | X = 1, Z_1, \dots, Z_p)}{\Pr(Y = 1 | X = 0, Z_1, \dots, Z_p) / \Pr(Y = 0 | X = 0, Z_1, \dots, Z_p)} \quad (5)$$

Пусть Y – это бинарная переменная, которая может принимать два значения: «плохое» и «хорошее» здоровье, а бинарный предиктор X – это наличие высшего образования. Тогда OR есть отношение шансов плохого здоровья у респондентов с высшим образованием к шансам плохого здоровья у респондентов без высшего образования. Если $OR=1$, это указывает на отсутствие различий между сравниваемыми группами. Если $OR > 1$, то шансы у первой группы выше, чем у второй. Если $OR < 1$, то шансы у первой группы ниже, чем у второй [Канева, 2016].

¹¹ Эта категория аналогична расчету коэффициентов для бинарной переменной Y , где 1=плохое здоровье и 0 =среднее или хорошее здоровье. Использование **обобщенной** порядковой логистической регрессии рекомендуется для категориальной зависимой переменной и для набора данных, для которых нарушается предположение о равном расстоянии между категориями (альтернативно – предположение о параллельных линиях), проверяемое тестом Бранта. Мы используем вариант модели с частично пропорциональными вероятностями (partial proportional odds или PPO), в которой два коэффициента приводятся только для тех переменных, для которых это предположение нарушается. В остальных случаях приводится один коэффициент [Williams, 2006; Williams, 2016]. Если предположение о равном расстоянии не нарушается, рекомендуемой моделью является порядковая логистическая регрессия.

¹² Это связано с интерпретацией результатов в простой логистической регрессии (simple logit model). Для этой модели OR равняется экспоненте коэффициента регрессии β для предиктора X , то есть $\exp(\beta X)$.

На основе расчетов по эконометрической модели авторы определяют значения прогнозируемых вероятностей выбора категории самооценки здоровья в зависимости от квинтиля дохода¹³. Благодаря этому определяется влияние дохода и его категории на самооценку здоровья при неизменных значениях других факторов. В случае, если *Гипотеза 1* выполняется, вероятность того, что респондент оценит свое здоровье как плохое, оказывается выше для низкодоходных групп, и ниже – для высокодоходных. При этом сумма вероятностей каждой категории здоровья («хорошее», «среднее», «плохое») для каждого из квинтилей дохода по методике расчета MERs равняется единице.

Результаты расчетов по модели РРО представлены в таблице 2.

Результаты расчетов подтверждают *Гипотезу 1* в части положительного влияния дохода на самооценку здоровья: респонденты из более высокодоходных групп реже сообщают о плохом здоровье. При этом для женщин переход в более высокую доходную группу связан со снижением шансов плохого или среднего здоровья vs хорошего и шансов плохого здоровья vs среднего и хорошего: например, OR=1,232 для второй доходной группы и OR=1,142 для третьей доходной группы.

Гипотеза 1 в части дохода остается справедливой и для мужчин, но для них шансы плохого здоровья и плохого и среднего здоровья максимальны у второй доходной группы (OR=1,232), но при переходе в более высокую группу снижаются (например, отношения шансов плохого здоровья для четвертой группы у мужчин OR=1,023).

Сделанные выводы подтверждаются значениями предельных эффектов для мужчин и женщин. Отрицательные предельные эффекты для хорошего здоровья у женщин снижаются при переходе в более высокодоходную группу (квинтиль): при переходе в первый (или второй) квинтиль из более высокой группы дохода вероятность индивида сообщить о хорошем здоровье снижается на 0,034; при переходе в третий квинтиль – на 0,022, а для четвертого квинтиля предельный эффект дохода равен $-0,004$ ¹⁴. При этом первые три предельных эффекта (ME_{inc}) являются значимыми. У мужчин наибольший отрицательный предельный

¹³ Команда MERs (margins at representative values) в Stata 14.

¹⁴ Расчет предельных эффектов предоставляется авторами по запросу.

эффект для категории «хорошее здоровье» связан со вторым квинтилем дохода ($ME_{inc} = -0,068$).

Таблица 2. Объединенная (pooled) обобщенная порядковая логит-регрессия (OR), РМЭЗ для 2013–2016 гг., зависимая переменная «самооценка здоровья»

Показатель	Категория 1 Плохое и среднее здоровье vs хорошее здоровье	Категория 2 Плохое здоровье vs хорошее и среднее здоровье	Категория 1 Плохое и среднее здоровье vs хорошее здоровье	Категория 2 Плохое здоровье vs хорошее и среднее здоровье
	Мужчины		Женщины	
Возраст	1,063*** (0,002)		1,064*** (0,002)	
Холост/Не замужем	0,955 (0,071)		0,925 (0,055)	
Разведен(а)	1,110 (0,105)	1,613** (0,237)	1,033 (0,061)	1,245** (0,095)
Вдовец(ва)	0,837 (0,104)		1,130** (0,060)	
Наличие детей	1,022 (0,061)		0,908* (0,049)	
Количество человек в домохозяйстве	0,962** (0,012)	1,011 (0,022)	0,925*** (0,011)	0,962** (0,015)
Начальное образование	1,087 (0,171)		0,646** (0,136)	1,275** (0,155)
Среднее	0,931 (0,049)		0,937 (0,049)	
Среднее специальное образование	0,903* (0,054)		0,806*** (0,043)	
Высшее и послевузовское образование	0,793*** (0,050)		0,724*** (0,042)	0,556*** (0,041)
Пенсионер(ка)	1,617*** (0,144)	3,383*** (0,314)	1,753*** (0,129)	2,049*** (0,142)
Не работает и не ищет работу	1,569*** (0,074)	9,681*** (1,069)	1,049 (0,053)	2,574*** (0,230)
Безработный(ая)	1,175** (0,122)	2,287*** (0,268)	0,934 (0,063)	1,696*** (0,218)
Первый квинтиль дохода	1,245** (0,087)		1,231** (0,075)	
Второй квинтиль дохода	1,427*** (0,087)		1,232*** (0,067)	
Третий квинтиль дохода	1,294*** (0,073)		1,142** (0,059)	
Четвертый квинтиль дохода	1,092* (0,050)		1,023 (0,050)	
Constant	0,100*** (0,013)	0,002*** (0,000)	0,175*** (0,023)	0,003*** (0,001)
N	26541		36135	
Adjusted R ²	0,1862		0,2137	

Примечание: (***), (**), (*) обозначает значимость на уровне 1%, 5% и 10%, соответственно.

Робастные стандартные ошибки даны в скобках.

Во второй и четвертой колонках коэффициенты приводятся только в том случае, если отношения шансов по категориям различны

OR получены с учетом независимых переменных вероисповедания, типа населенного пункта, региона проживания и тайм эффектов. OR для этих переменных предоставляются авторами по запросу.

В целом, на наш взгляд, построенная регрессия довольно хорошо объясняет переменную самооценки здоровья: скорректированный R^2 для обоих полов составляет около 20%, и это высокий показатель для логистических регрессий.

В таблице 3 приведены результаты расчетов прогнозируемой вероятности выбора той или иной категории самооценки здоровья в зависимости от доходной группы. Вероятности рассчитываются на основе данных регрессий (табл. 2) и команды MER для четырех квинтилей дохода¹⁵.

И у мужчин, и у женщин по мере перехода к более высокому квинтилю дохода возрастает вероятность хорошей самооценки здоровья ($Pr=0,441$ и $Pr=0,319$) и уменьшается вероятность сообщить о плохом здоровье ($Pr=0,094$ и $Pr=0,151$), что подтверждает *Гипотезу 1*. При этом согласно значениям вероятностей, влияние дохода на самооценку здоровья у мужчин сильнее, чем у женщин, что, очевидно, объясняется большим вовлечением мужчин в рынок труда.

Таблица 3. Вероятность исхода самооценки здоровья для мужчин и женщин, РМЭЗ, 2001–2015 гг. для различных квинтилей дохода

Показатель	Мужчины			Женщины		
	Pr(SAH=1)	Pr(SAH=2)	Pr(SAH=3)	Pr(SAH=1)	Pr(SAH=2)	Pr(SAH=3)
Квинтиль дохода						
Q1	0,420	0,478	0,101	0,298 (0,297)	0,535	0,167 (0,169)
Q2	0,394	0,499	0,107	0,295 (0,292)	0,542 (0,543)	0,163 (0,165)
Q3	0,411	0,487	0,102	0,305 (0,304)	0,537 (0,535)	0,159
Q4	0,441	0,465	0,094	0,319	0,529 (0,530)	0,151 (0,152)

Примечание: (SAH=1 – хорошее здоровье, SAH=2 – среднее здоровье, SAH=3 – плохое здоровье).

Для женщин в скобках представлены значения в случае включения в независимые переменные регрессии коэффициента Джини; для мужчин значения остаются неизменными.

Для тестирования *Гипотезы 2* (III) в набор независимых переменных был включен масштабированный коэффициент Джини (таблица 4).

Расчеты показывают, что увеличение индекса Джини на единицу увеличивает шансы «плохого» и «плохого и среднего» здоровья (категории 1 и 2) в 1,055 раза для мужчин и в 1,054 раза

¹⁵ Алгоритм команды делает невозможным расчет для базовой категории (то есть Q5).

для женщин, подтверждая, таким образом, *Гипотезу 2* о влиянии неравенства в доходах на самооценку здоровья.

Таблица 4. Коэффициенты для индекса Джини в объединенной обобщенной порядковой логит-регрессии, РМЭЗ для 2013–2016 гг., зависимая переменная «ухудшающаяся самооценка здоровья»

Показатель	Категория 1	Категория 2	Категория 1	Категория 2
	Плохое и среднее здоровье vs хорошее здоровье	Плохое здоровье vs хорошее и среднее здоровье	Плохое и среднее здоровье vs хорошее здоровье	Плохое здоровье vs хорошее и среднее здоровье
	Мужчины		Женщины	
Индекс Джини по региону проживания (1–100)	1,055*** (0,012)		1,054*** (0,010)	
N	26541		36135	
Adjusted R ²	0,1865		0,2144	

Примечание: (***), (**), (*) обозначает значимость на уровне 1%, 5% и 10%, соответственно.

Робастные стандартные ошибки приведены в скобках.

Оценки с учетом контрольных переменных из таблицы 2.

Предельный эффект от увеличения индекса Джини на единицу снижает вероятность индивида сообщить о хорошем здоровье на 0,010 для мужчин и на 0,090 для женщин и увеличивает вероятность сообщить о плохом здоровье на 0,003 для мужчин и 0,005 для женщин, соответственно.

Включение в набор предикторов индекса Джини не влияет на выводы относительно факторов социально-экономического статуса. Согласно данным таблицы 3, у мужчин значения остаются неизменными, у женщин различия незначительны. Значения вероятностей подтверждают *Гипотезу 1*, приводя к одновременному выполнению обеих гипотез.

Выводы и заключение

Обзор литературы показал, что в теории экономики здравоохранения обсуждаются пять гипотез относительно влияния дохода и неравенства в доходах на самооценку здоровья индивидов. Несмотря на разницу в формулировках, все они делают вывод о том, что недостаток дохода, независимо от того, выражен ли он в относительных или абсолютных показателях или через

понятие депривации, отрицательно сказывается на состоянии здоровья граждан.

В проведенном исследовании были эмпирически проверены две гипотезы, связывающие доход с самооценкой здоровья: гипотеза абсолютного дохода (Гипотеза 1) и гипотеза о неравенстве в доходах (Гипотеза 2). С использованием эконометрического моделирования представлены количественные подтверждения обеих гипотез. А именно: в России в 2013–2016 гг. доказана статистическая значимая отрицательная взаимосвязь между уровнем дохода и самооценкой здоровья, а также между неравенством в доходах и самооценкой здоровья.

Человеческий капитал и его составляющая – капитал здоровья – являются необходимыми элементами современной «экономики знаний» [Аганбегян, 2017b]. Результаты настоящего исследования могут быть полезны для формирования социальной политики и политики в области здравоохранения и поддержания и накопления капитала здоровья. Они показывают, что меры, направленные на улучшение социального положения россиян, оказывают положительное влияние и на их здоровье. Это особенно важно для страны, где по состоянию на 2017 г. 14,6% населения имели доходы ниже прожиточного минимума [Аганбегян, 2017a]. Комплексный эффект мер по улучшению социально-экономического статуса (обеспечение занятости, рост доходов населения, развитие сферы образования и следующее за ним улучшение здоровья) гарантирует экономию бюджетных средств.

Отдельного внимания требуют меры, направленные на снижение региональной дифференциации доходов, которая в России весьма значительна (в 2015 г. 10% самых обеспеченных семей имели душевой доход в 15,7 раза выше, чем 10% малообеспеченных семей, оценка коэффициента Джини в 2014 г. составляет 0,417) [Аганбегян, 2017a]. Возможные пути сокращения неравенства – это изменения в налоговом законодательстве, увеличение выплат пособий наименее обеспеченным семьям и др.

В заключение необходимо подчеркнуть, что социальные реформы должны сопровождаться мерами по улучшению работы системы здравоохранения, в том числе ростом финансирования этой отрасли и приоритизации здоровья в национальной политике [Аганбегян, 2016]. В противном случае есть риск, что реформы не принесут успеха.

Литература/ References

- Аганбегян А.Г. Демография и здравоохранение России на рубеже веков. М.; Дело, 2016.192 с.
- Aganbegyan, A.G. (2016). Demography and healthcare in Russia at the turn of the century. Moscow. Delo Publ., 192 p. (In Russ.).
- Аганбегян А.Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // ЭКО. 2017а. № 9. С. 66–84.
- Aganbegyan, A.G. (2017a). Overcoming poverty and reducing the income and consumption inequalities in Russia. *ECO*. Vol. 47. No. 9. Pp. 66–84. (In Russ.).
- Аганбегян А. Человеческий капитал и его главная составляющая-сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста// Экономические стратегии. 2017б. Т. 19. № 3. С. 66–79.
- Aganbegyan, A.G. (2017 b). Human capital and its main component, the sphere of “knowledge economy” as the main source of socio-economic growth. *Economic strategies*. Т. 19. No. 3. С. 66–79. (In Russ.).
- Канева М.А. Социально-экономические, поведенческие и психологические детерминанты самооценки здоровья россиян // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 12(6). С. 158–171.
- Kaneva, M.A. (2016). Socio-economic, behavioral and psychological determinants of the Russian population’s self-reported health assessment. *National Interests: Priorities and Security*. Vol. 12. No. 6. Pp. 158–171. (In Russ.).
- Канева М., Байдин В. Гетерогенность ответов при самооценке здоровья россиян // Прикладная эконометрика. 2018. № 3 (51). С. 102–125.
- Kaneva, M.A., Baidin, V.M. (2018). Heterogeneity in reporting self-assessed health of the Russians. *Applied Econometrics* Vol. 50. Pp. 102–125. (In Russ.).
- Синельников А.Б. Влияние брачного статуса на самооценку здоровья населения // Социальные аспекты здоровья населения. 2011. № 20(4). С. 9.
- Sinelnikov, A.B. (2011). Influence of family and demographic status on public opinion about public health service. *Social Aspects of Population Health*. Vol. 20. No. 4. (In Russ.).
- Babones, S.J. (2008). Income inequality and population health: correlation and causality. *Social Science & Medicine*. Vol. 66. No. 7. Pp. 1614–1626.
- Brunner, E. (1999). Social organization, stress and health. Chapter 2 in Marmot, M Wilkinson, RG (eds.) *Social Determinants of Health*.
- Cairney, J. (2000). Socio-economic status and self-rated health among older Canadians. *Canadian Journal on Aging/La Revue canadienne du vieillissement*. Vol. 19. No. 4. Pp. 456–478.
- Carlson, P. (2005). Relatively poor, absolutely ill? A study of regional income inequality in Russia and its possible health consequences. *Journal of Epidemiology & Community Health*. Vol. 59. No. 5. Pp. 389–394.
- Cockerham, W.C. (2000). Health lifestyles in Russia. *Social Science & Medicine*. Vol. 51. No. 9. Pp. 1313–1324.
- Deaton, A. (2003). Health, inequality, and economic development. *Journal of Economic Literature*. Vol. 41. No. 1. Pp. 113–158.
- Gerry, C.J., & Papadopoulos, G. (2015). Sample attrition in the RLMS, 2001–10: Lessons for longitudinal analysis and an application in health. *Economics of Transition*. Vol. 23. No. 2. Pp. 425–468.

Gravelle, H. (1998). How much of the relation between population mortality and unequal distribution of income is a statistical artefact? *BMJ*. Vol. 316. No. 7128. Pp. 382–385.

Grossman, M. (1972). On the concept of health capital and the demand for health. *Journal of Political economy*. Vol. 80. No. 2. Pp. 223–255.

Kaneva, M., Gerry, C.J., & Baidin, V. (2018). The effect of chronic conditions and multi-morbidity on self-assessed health in Russia. *Scandinavian Journal of Public Health*. Vol. 46. No. 8. Pp. 886–896.

Karlsson, M., Nilsson, T., Lyttkens, C.H., & Leeson, G. (2010). Income inequality and health: Importance of a cross-country perspective. *Social Science and Medicine*. Vol. 70. No. 6. Pp. 875–885.

Kawachi, I., & Kennedy, B.P. (1997). Socioeconomic determinants of health: Health and social cohesion: why care about income inequality? *BMJ*. Vol. 314. No. 7086. P. 1037.

Lokshin, M., & Ravallion, M. (2008). Testing for an economic gradient in health status using subjective data. *Health Economics*. Vol. 17. No. 11. Pp. 1237–1259.

Lyytikäinen, L., & Kemppainen, T. (2016). Regional inequalities in self-rated health in Russia: What is the role of social and economic capital? *Social Science and Medicine*. Vol. 161. Pp. 92–99.

Nilsson, T., & Bergh, A. (2012). *Income Inequality and Individual Health: Exploring the Association in a Developing Country*. No. 899. IFN Working Paper.

Monden, C.W., & Uunk, W.J. (2013). For better and for worse: The relationship between union dissolution and self-assessed health in European panel data. *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*. Vol. 29. No. 1. Pp. 103–125.

Paul, P., & Valtonen, H. (2016). Health inequality in the Russian Federation: An examination of the changes in concentration and achievement indices from 1994 to 2013. *International Journal for Equity in Health*. Vol. 15. No. 1. Pp. 36.

Picavet, H.S., & Nossikov, A. (1996). Health interview surveys. Towards international harmonization of methods and instruments. *WHO Regional Publications. European Series*.

Putham, R.D. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. Simon and Schuster.

Rodgers, G.B. (1979). Income and inequality as determinants of mortality: an international cross-section analysis. *Population Studies*. Vol. 33. No. 2. Pp. 343–351.

Simon, J.G., van de Mheen, H., van der Meer, J.B.W., & Mackenbach, J.P. (2000). Socioeconomic differences in self-assessed health in a chronically ill population: the role of different health aspects. *Journal of Behavioral Medicine*, Vol. 23. No. 5. Pp. 399–420.

Soydemir, G.A., Bastida, E., & Gonzalez, G. (2004). The impact of religiosity on self-assessments of health and happiness: Evidence from the US Southwest. *Applied Economics*. Vol. 36. No. 7. Pp. 665–672.

Wagstaff, A., & Van Doorslaer, E. (2000). Income inequality and health: what does the literature tell us?. *Annual Review of Public Health*. Vol. 21. No. 1. Pp. 543–567.

Wilkinson, R.G. (1986). *Class and Health: Research and Longitudinal Data*. London: Tavistock.

Wilkinson, R.G. (1992). National mortality rates: the impact of inequality? *American Journal of Public Health*. Vol. 82. No. 8. Pp. 1082–1084.

Wilkinson, R.G., & Pickett, S.E. (1996). *The Afflictions of Inequality*. London and New York: Routledge.

Williams, R. (2006). Generalized ordered logit/partial proportional odds models for ordinal dependent variables. *The Stata Journal*. Vol. 6. No. 1. Pp. 58–82.

Williams, R. (2016). Understanding and interpreting generalized ordered logit models. *The Journal of Mathematical Sociology*. Vol. 40. No. 1. Pp. 7–20.

Статья поступила 18.06.2019.

Для цитирования: Канева М.А., Байдин В.Б. Неравенство в доходе и самооценка здоровья в России// ЭКО. 2019. № 12. С. 105-123. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-105-123.

For citation: Kaneva, M.A., Baidin, V.B. (2019). Income Inequality and Self-Assessed Health in Russia. *ECO*. No. 12. Pp. 105-123. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-105-123.

Summary

Kaneva, M.A., *Cand. Sci. (Econ.)*, Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow; Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk.

Baidin, V.B., *Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation*, Moscow

Income Inequality and Self-Assessed Health in Russia

Abstract. This paper analyzes a relationship between income, income inequality, and, in a more general formulation, socio-economic status and self-assessed health (SAH) of the Russians. The aim of the study is to assess the effect of income differences on SAH through description, analysis and econometric modeling of the relationship between these factors. Based on the RLMS panel data, a pooled generalized ordered logit regression was constructed for the categorical variable “worsening SAH”. The marginal effects of socioeconomic status variables, the Gini coefficient and other covariates on three categories of SAH (good, average, bad) were calculated. The average probabilities of SAH for income quintiles were estimated. Econometric modeling confirmed absolute income and income inequality hypotheses, and demonstrated the statistically significant relationship between income level, income inequality (Gini coefficient) and SAH. Negative effect of income indicators is stronger for males than females due to males’ greater involvement in the labor market. The findings are important for social policy in Russia, which should be aimed at increasing incomes of the population and reducing regional differentiation. These measures will simultaneously lead to improved health outcomes.

Keywords: *health self-assessment; income; econometric analysis; RLMS; Russia*

Инвестиционный ресурс экономического роста: не только количество¹

Б.Л. ЛАВРОВСКИЙ, доктор экономических наук, Новосибирский государственный технический университет, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. E-mail: boris.lavrovski@gmail.com
Е.А. ГОРЮШКИНА, кандидат экономических наук, Новосибирский государственный университет, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. E-mail: e.goryushkina@mail.ru
Е.А. ШИЛЬЦИН, кандидат экономических наук, Новосибирский государственный университет, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.
E-mail: e.shilcin@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются вопросы, связанные с инновационными и инвестиционными предпосылками ускорения экономического развития. В дополнение к наиболее распространенному среди ведущих российских экономистов аспекту рассмотрения политики инвестиций (главным образом оценки масштабов, нормы накопления) формулируется теза о том, что накопленная диспропорция между потребностью в инвестициях и возможностью их мобилизации не позволяет рассчитывать только на количественный рост капитала с целью создания современного технологического фундамента, нового ускорения. Для придания национальной экономике долговременных импульсов к развитию нужны качественно иные источники и резервы роста, которые можно извлечь и оценить, в том числе анализируя мировой опыт. Показано, что тенденция к сокращению кумулятивных макроэкономических показателей динамики, обозначившаяся приблизительно с середины 1960-х годов, в большинстве развитых стран была временно преодолена в течение 1980–1990 гг. Этот феномен в статье связывается (предположительно) с очередной стадией технологического прогресса, массовым переходом на принципиально новые информационно-коммуникационные технологии. Рассматривается гипотеза о том, что благодаря увеличению интеллектуальной составляющей инвестиций снижение удельной потребности в капитале может трактоваться как фактор экономического роста. Иллюстрация подхода осуществляется на примере экономики США в длительной ретроспективе.
Ключевые слова: производительность труда; инвестиции; инновации; темп роста; Россия; США

Введение

С первых дней существования постсоветской России ведущие отечественные экономисты спорят о факторах экономического роста, политике инвестиций. Дискуссия несколько утихла в «тучные» нулевые годы, но возобновилась с резким сокращением

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-010-00604.

нефтегазовой ренты и заметно обострилась в условиях «новой реальности» [Аганбегян, 2015; Вальтух, 2007, 2009; Глазьев, 2015; Структурно-инвестиционная политика, 2017].

Предметом обсуждения главным образом является масштаб необходимых инвестиций. При этом размеры накопленной за десятилетия (и не только новой Россией) диспропорции между потребностью в инвестициях и возможностью их мобилизации часто остаются без внимания. Между тем, по мнению авторов, в процессе создания современного технологического фундамента, придания нового ускорения национальной экономике рассчитывать только на количественный рост капитала – это ни на чем не основанная иллюзия (тем более – в известном инвестиционном климате и известной геополитической обстановке). Для этого необходимы дополнительные, качественно иные источники и резервы роста. Наглядные образцы использования таких источников дает мировой опыт. В данной работе рассматриваются возможности развития производственного аппарата за счет «умных» инвестиций, интеллектуального продукта на примере США.

Догнать и перегнать

На протяжении, по крайней мере, последнего столетия, движение экономики России осуществлялось в парадигме «догоняющего развития». Важнейшим приоритетом государственной экономической политики в советский период, включая годы перестройки, было достижение высших мировых показателей, в том числе – по производительности труда. В постсоветские годы задачи экономического соревнования не сходят с повестки дня, но становятся менее амбициозными, целевые установки – более скромными (догнать Португалию, Испанию). В новейшее время основным ориентиром становится среднемировой уровень. Вот характерное высказывание: «В России сейчас экономическая ситуация гораздо лучше других стран с развивающимися экономиками»².

Противоречие между геостратегическими амбициями великой державы и уровнем производительности труда, другими показателями результативности национальной экономики в мировом контексте время от времени приводит политическую

---

²Выступление первого вице-премьера – министра финансов Антона Силуанова на «Примаковских чтениях – 2019». 11.06.2019. URL; https://m.minfin.ru/ru/press-center/?id_4=36668&area_id=4&page_id=2207&popup=Y

и экономическую элиту страны к мысли о необходимости ускорения, скачка, экономического прорыва. Обычно речь идет о достижении впечатляющих экономических и социальных результатов за 3–4 года.

Между тем и отечественный, и зарубежный опыт свидетельствует: если условия для рывка (прежде всего, но не только инвестиционные) не созрели, не созданы, результаты могут оказаться весьма разочаровывающими. Широко известны, например, драматические последствия Большого скачка в Китае³. Полным провалом окончилась попытка СССР во второй половине 1950-х годов за три года перегнать США по производству и потреблению сельскохозяйственной продукции [Шевельков, 2011]. При этом немногих здравомыслящих специалистов, которые осмеливались выражать робкие сомнения в реалистичности поставленных задач, в те годы с высоких трибун называли горе-экономистами. Позднее были и другие, столь же «удачные» попытки быстрого решения накопившихся проблем. Как отмечает один из современных исследователей, «у России накоплен собственный негативный опыт ускорения..., о чем сейчас предпочитают не вспоминать» [Буданов, 2019].

Норма накопления: не все так просто

В широких научных кругах сложилось мнение о существовании жёсткой зависимости между характеристиками роста и инвестиционной активностью. В рамках международных сопоставлений показано, что «чем выше норма накопления, тем более значительными являются темпы экономического роста, и наоборот»⁴. Однако, на наш взгляд, обоснованность и достоверность этого важного концептуального тезиса стоит обсудить.

В таблице 1 представлены данные⁵ по среднегодовым темпам роста и норме накопления за полувековой период для 20 стран, темп

---

³ См.: «Большой скачок» отбросил китайскую экономику назад. 17.08.09. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/118910/>; Яременко Ю. В. «Большой скачок» и народные коммуны в Китае. М.: Политиздат, 1968. 143 с. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2018/11/yaremenko-yu.v.-bolshoj-skachok-i-narodnye-kommuny-v-kitae.pdf>

⁴ Миркин Я. М. Норма накопления. URL: <http://www.mirkin.ru/fin-future/part1/8/rate-of-accumulation.html>

⁵ В статье при анализе стран мира использовались данные WorldDevelopmentIndicator (WDI), публикуемой Мировым банком: URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

роста ВВП которых в 1961–2016 гг. заметно превышал среднемировой уровень. Эти страны разделены по размеру нормы накопления на две равные по количеству группы. В группе I он существенно выше среднемирового значения, в группе II – заметно меньше.

Таблица 1. Экономический рост и норма накопления в период 1961–2016 гг.: proetcontra, %

Страна	Среднегодовые темпы прироста ВВП в постоянных долларах 2010 г.	Норма накопления в среднем годовом выражении	Страна	Среднегодовые темпы прироста ВВП в постоянных долларах 2010 г.	Норма накопления в среднем годовом выражении
Группа I			Группа II		
Китай	8,0	31,3	Чили	4,0	19,7
Индонезия	5,2	23,6	Колумбия	4,2	18,4
Индия	5,3	23,3	КостаРика	4,5	20,2
Иран	3,8	31,5	Доминикана	5,2	20,3
Япония	3,7	29,8	Египет	5,2	20,3
Корея	7,4	28,9	Гондурас	3,9	20,7
Сингапур	7,4	30,7	Мексика	3,9	19,9
Таиланд	6,0	26,2	Пакистан	5,2	16,2
Мавритания	3,8	26,4	Панама	5,3	21,7
Малайзия	6,3	26,3	Филиппины	4,2	21,2
В среднем*	5,7	27,8	В среднем*	4,6	19,9
Мир	3,5	24	Мир	3,5	24,0

Примечание: * средние по группам рассчитывались как среднеарифметические.
Источник табл. 1, 4, рис. 2, 3, 4: Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/products/wdi>

Как свидетельствуют данные таблицы, существует множество стран (группа I), где более высокие относительно мирового уровня темпы экономического роста в длительной ретроспективе достигались за счет более высокой же нормы накопления. Однако в ряде других стран (группа II) удалось добиться опережающей динамики ВВП в условиях ослабленной (смягченной) относительно мирового уровня нормы накопления. На наш взгляд, эти примеры ставят под сомнение обоснованность процитированного выше тезиса.

Нельзя не признать, что сами по себе среднегодовые темпы прироста в группе I существенно выше, чем в группе II (5,7 и 4,6% соответственно). Однако отметим, что отставание группы II по темпам роста составило только 1,1 п.п., в то время как норма накопления была меньше на целых 7,9 п.п.

Системные показатели связи нормы накопления и темпов роста ВВП, рассчитанные для различных периодов (табл. 2), указывают на ее наличие. Значение коэффициента корреляции не так уж мало – около 0,4, при этом он статистически значим на уровне 1%.

Таблица 2. Корреляция среднегодовых темпов ВВП и средней нормы накопления по различным периодам (1961–2016 гг.)

Период	Число стран*	Коэффициент корреляции Пирсона	Уровень статистической значимости коэффициента корреляции
1961–2016	40	0,44	0,004
1991–2016	119	0,42	0,000
2001–2016	145	0,39	0,000

Примечание: * показатели рассчитывались по всем странам, по которым имелась статистика в базе WDI за соответствующий период.

Что же кроется за этими цифрами? Для иллюстрации мы взяли показатели за период 1991–2016 гг. (рис. 1).

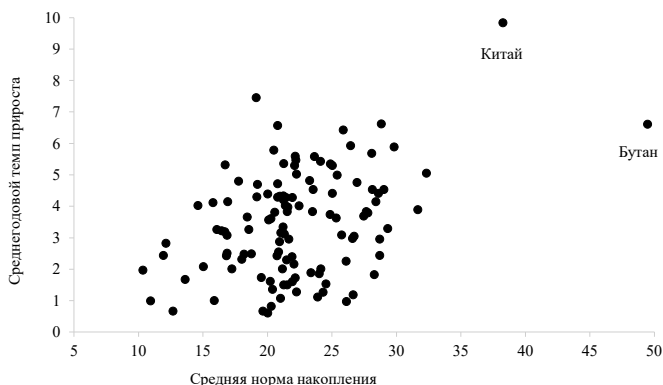

Рис. 1. Среднегодовые темпы прироста ВВП и среднегодовая норма накопления 119 стран за 1991–2016 гг., %

Как отчетливо видно на рисунке, особый вклад в положительную и значимую взаимосвязь вносят Китай и Бутан, на 25% определяя значение коэффициента корреляции⁶.

⁶ Притом именно Бутан, где 80% населения занято сельским хозяйством и где вместо ВВП мерилom экономического развития со всей серьезностью признается показатель валового национального счастья, является здесь самым влиятельным наблюдением.

Надо признать, что хотя «в среднем» регрессионная связь между темпами прироста и нормой накопления достаточно устойчива, при более детальном рассмотрении она вызывает много вопросов. Во-первых, ее объясняющая сила невелика: R-квадрат регрессии составляет 17,5%, т.е. различия в норме накопления по странам мира только на 17,5% объясняют различия в темпах прироста ВВП, а без учета Китая и Бутана эта объясняющая сила падает до 9,7%. Во-вторых, достаточно взглянуть на рисунок 1, чтобы понять, что существует немало экономик, в которых высокие темпы роста в рассмотренном периоде достигаются при относительно низкой норме накопления и, наоборот, низкие темпы роста – при относительно высокой норме накопления. Иначе говоря, в общем и целом большая норма накопления далеко не всегда определяет внушительную динамику ВВП.

По-видимому, для получения ответа на вопрос о соотношении экономической динамики и нормы накопления с учетом впечатляющего опыта не только Китая, но и ряда других стран, требуется более тонкая настройка самого вопроса.

Инвестиционная обстановка: случай России

Консолидированную точку зрения российского научного сообщества относительно инвестиционной политики можно кратко выразить как императив роста нормы накопления в ВВП. Пожалуй, наиболее радикальную позицию занимает здесь академик С. Глазьев. Опыт стран, совершивших экономическое чудо, свидетельствует, по его мнению, «о необходимости форсированного увеличения инвестиций – удвоения нормы накопления до 35% ВВП»⁷.

Требование роста нормы накопления в ВВП стало элементом и государственной политики. В 2012 г. Президент РФ поставил задачу увеличить объём инвестиций не менее чем до 25% ВВП к 2015 г. и до 27% – к 2018 г.⁸ В Послании Президента РФ к Федеральному собранию 2019 г. в очередной раз был подтвержден курс на расширение объемов инвестиций «во что бы то ни

---

⁷ Глазьев С.Ю. Политика Центробанка вреднее санкций. URL: <https://glazev.ru/articles/165-interv-ju/66501-politika-tsentrobanka-vrednee-sanktsiy>. 06.04.2019.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике». URL: <https://rg.ru/2012/05/09/gospolitika-dok.html>

стало»⁹. Однако, несмотря на все призывы, по данным Мирового банка, норма накопления в России в течение 2012–2017 гг. колебалась в интервале 20,3–21,8%.

По-видимому, существуют очень серьезные объективные основания, по которым масштабы инвестиций до сих пор не достигли уровня 1990 г., не выполняются указы Президента. В литературе можно встретить их подробный разбор и анализ в связи, в частности, с проводившейся денежно-кредитной политикой, бюджетным правилом¹⁰.

Независимо от этих оснований напомним некоторые существенные факты относительно реальной инвестиционной обстановки в РФ на фоне общемировых трендов. В 1989 и 1990 гг., когда норма накопления составляла соответственно 31,8% и 28,7%, Россия занимала по этому показателю 21-е место из 140 стран мира (1990 г.). В 2016 г. количество участников рейтинга увеличилось до 160, а Россия опустилась в нем на 94-е место с нормой накопления 21,4%. Заметно сокращается со временем и квота России по отношению к общемировому «инвестиционному пирогу» (рис. 2). При этом нужно подчеркнуть, что даже в конце 1980-х инвестиций едва хватало для простого воспроизводства основного капитала¹¹.

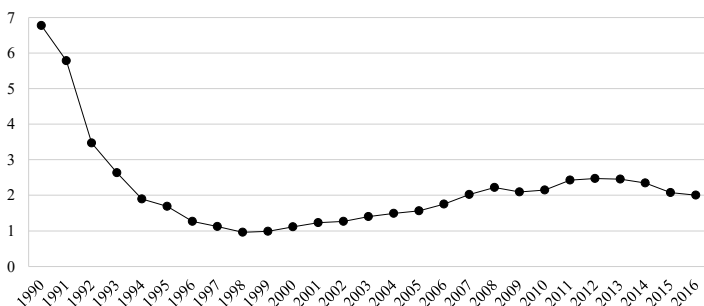

Рис. 2. Инвестиции в РФ по отношению к общемировым инвестициям в 1990–2016 гг., %

⁹ Послание Президента Федеральному собранию от 20 февраля 2019 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>

¹⁰ Глазьев С.Ю. ЦБ и госбанки должны кредитовать экономику. URL: <https://glazev.ru/articles/165-interv-ju/59150-tsb-i-gosbanki-dolznyi-kreditovat-jekonomiku>

¹¹ Лавровский Б.Л. Паралич советской индустрии: технологические истоки // Вопросы экономики. 1991. № 8. С. 11–19; Лавровский Б.Л., Рыбакова Т.А. О пределах спада в российской экономике (хроника инвестиционного процесса) // Вопросы экономики. 1994. № 7. С. 31–44.

Ближайшим закономерным следствием сложившихся тенденций в сфере инвестиций является динамика состояния производственного аппарата (табл. 3). Степень износа основных фондов стремительно приближается к 50%. В 2017 г. более четверти используемых машин и оборудования была полностью изношена (фактически это был просто лом). Если в 1990 г. в промышленности доля оборудования в возрасте до пяти лет составляла 29,4%, то в 2015 г. – 15, 0%.

Таблица 3. **Некоторые характеристики состояния производственного аппарата в РФ в 1970-2017 гг., %**

Показатель	1970	1990	2000	2010	2015	2016	2017
В целом:							
– степень износа основных фондов	-	-	39,3	47,1	47,7	48,1	47,3
– удельный вес полностью изношенных машин и оборудования	-	-	30,6	21,0	24,5	26,0	27,0
Промышленность:							
– доля оборудования в возрасте до 5 лет	40,8	29,4	4,7	15,0	15,0	-	-
– доля оборудования в возрасте более 15 лет	15,2	25,8	59,2	33,0	27,0	-	-

Источник: Росстат. URL: <http://www.gks.ru/>

Приведенные в таблице 3 обобщенные характеристики дают слабое представление о действительной мере отсталости производственного аппарата страны. Сведения по конкретным видам деятельности и инфраструктурным компонентам, которые можно найти в СМИ, делают картину деградации более яркой и впечатляющей¹².

По-видимому, использование созданных государством резервов в рамках национальных проектов позволит в известной степени преодолеть разрушительные последствия «проедания» основного капитала, создать технологические предпосылки роста. Настораживает одно обстоятельство: общий бюджет национальных проектов до 2024 г. составляет 25,7 трлн руб., из которых 10,1 трлн руб. (39,3%) предназначены для решения

¹² См., например, Государственный доклад о состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2002 году. URL: www.0-1.ru/articles/showdoc.asp?dp=36&chp=1-4; Госдума РФ: физический износ тепловых сетей 62,8%. URL: www.polyplastic.ru/press/news/2010/04/22/item4610; Более 200 тыс. км водоводов и водопроводных сетей России нуждаются в замене. URL: www.marketing.rbc.ru/articles/10143/

задач экономического роста; при этом нацпроект «Производительность труда и поддержка занятости» (казалось бы, один из основных для возобновления устойчивого роста и ускорения развития) аккумулирует только 52,1 млрд руб. (0,2% всего бюджета)¹³.

Инновации как преграда чрезмерным инвестиционным аппетитам

Приблизительно с середины 1960-х гг. обозначилась и была замечена исследователями ясная тенденция сокращения кумулятивных макроэкономических показателей динамики в подавляющем большинстве экономически развитых стран мира. На рисунке 3 приведены сводные данные по 22 странам с относительно высокими значениями душевого ВВП в 2017 г.¹⁴

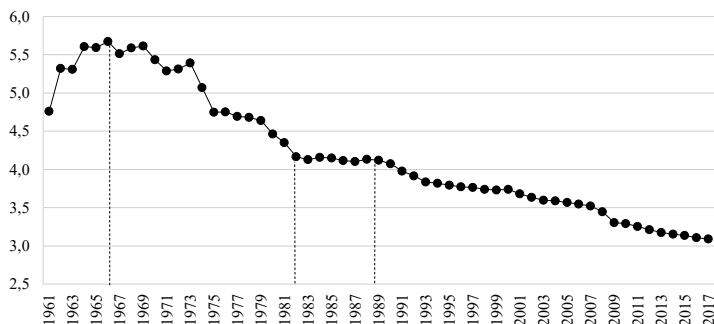

Рис. 3. Среднегодовые темпы прироста ВВП с базой в 1960 г. в 22 развитых странах в 1961-2017 гг. (в ценах 2010 г. USD),%

На фоне глобального падающего тренда отчетливо выделяется локальный период 1980-х годов, который будем в дальнейшем называть «особый», когда кумулятивные показатели (с базой

¹³ URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ980OwAt2dzCIAietQih.pdf>

¹⁴ Использовалась выборка из 80 стран (Q-80), полностью обеспеченных необходимой информацией, совокупный объем ВВП которых (в постоянных долларах США 2010 г.) составил в 2017 г. около 64,2 трлн долл. (80,2% общемирового), доля в численности населения мира – 76,9%. Распределив страны из Q-80 по уровню душевого ВВП в 2017 г. мы определили 22 наиболее развитые экономики, в том числе (по мере убывания показателя): Люксембург, Норвегия, Дания, Швеция, Австралия, Сингапур, Нидерланды, США, Канада, Австрия, Япония, Финляндия, Бельгия, Франция, Великобритания, Италия, Израиль, Испания, Багамские Острова, Корея, Португалия, Греция.

в 1960 г.) практически не сокращались. В рамках традиционного представления динамики с использованием переменной базы картина выглядит следующим образом (табл. 4).

Таблица 4. Среднегодовые темпы прироста ВВП в 22 развитых странах за период 1961–2017 гг., %

Меняющиеся базовые годы			Постоянный базовый год	
1961–1982	1983–1989	1990–2017	1961–1989	1961–2017
4,17	3,98	2,03	4,12	3,09

Предельные показатели динамики в 1983–1989 гг. практически сравнялись со средней оценкой для 1961–1982 гг., что и стабилизировало кривую кумулятивных средних темпов по нарастающим по продолжительности периодам. В дальнейшем (1990–2017 гг.) предельные показатели были заметно ниже средней оценки за предшествующий период (1961–1989 гг.) со всеми вытекающими последствиями.

Ключевой характеристикой особого периода является (временное) преодоление негативной тенденции. Отметим, что ни в одной из развитых стран этот период не начинается раньше 1980 г., продолжительность его в разных странах неодинакова и нередко охватывает 1990-е годы, вплоть до середины 2000-х¹⁵. Феномен особого периода примерно в одних и тех же временных границах в большинстве развитых стран не может быть случайным, мы связываем его с информационно-коммуникационным бумом планетарного масштаба в 1980–1990 гг.

В индустриальном обществе замена устаревающего производственного аппарата, переход на новый технологический уровень, сопровождающийся повышением производительности труда, с неизбежностью связан с ростом качества технических параметров натурально-вещественного состава инвестиций, увеличением удельных инвестиционных затрат. В этой ситуации, как представляется, даже поддержание макроэкономического роста (не говоря уже о его ускорении) невозможно без расширения

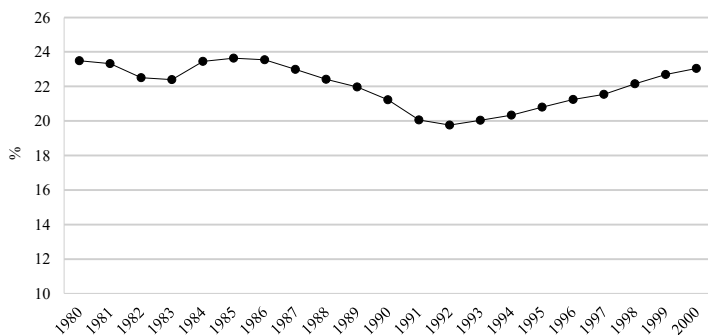
¹⁵ *Suslov V., Baranov A., Lavrovsky B.* Macroeconomic Model of the Scientific-Technological Progress. – DOI: 10.1109/MLSD.2017.8109692 // 2017 10th International Conference “Management of Large-Scale System Development” (MLSD), 2–4 Oct. 2017 [Electronic resource] / V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences. Moscow: IEEE, 2017. ISBN: 978–1–5386–0798–5. – Mode of access. URL: (Web)

инвестиционной деятельности и/или сокращения (стабилизации) удельных издержек.

Однако существует сила, способная притормозить или даже преодолеть объективную тенденцию к увеличению удельных инвестиций. Речь идет об инновационной деятельности, разработках сектора R&D. На базе этих разработок в интеллектуальной цифровой среде уже в реальном секторе экономики создаются новые прорывные технологии с принципиально лучшими соотношениями показателей производительности и инвестиционных затрат. Эта сила тем больше, чем эффективнее она создает препятствия для увеличения удельных инвестиций. Далее на примере США будет проиллюстрирована роль удельных издержек как фактора роста.

Экономический рост и удельные инвестиции в США

Как в большинстве развитых стран, в США с середины 1960-х годов обозначилась длительная тенденция сокращения среднегодовых темпов роста ВВП нарастающим итогом. В течение особого периода 1980–1990 гг. ниспадающая тенденция была остановлена, причем (это важно!) в этот период норма накопления заметно не повышалась, колеблясь между 19,8 и 23,5% (рис. 4) без видимого тренда.

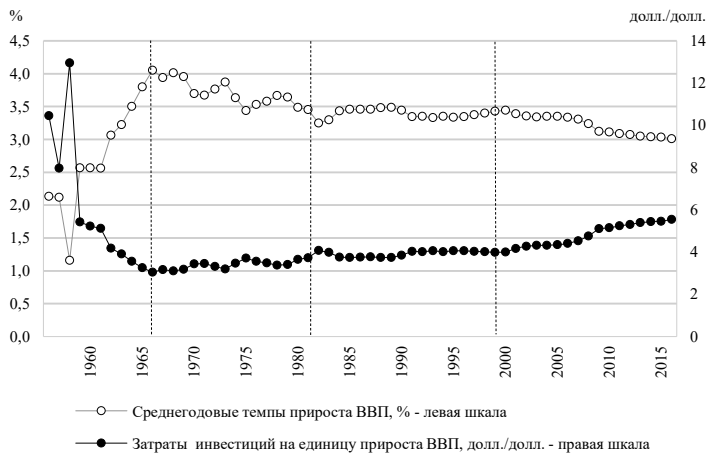

Источник: рассчитано по данным Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/products/wdi>

Рис. 4. Норма накопления в США в 1980–2000 гг.,%

Обратим внимание в этой связи на зависимость между изменением характера динамики ВВП (появлением точек перегиба) и затратами инвестиций на единственный прирост ВВП (рис. 5).

Источник: Рассчитано по данным: BureauofEconomicAnalysis. URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?reqid=19&step=2#reqid=19&step=2&isuri=1&1921=survey>

Рис. 5. Показатели динамики ВВП и удельных затрат инвестиций в 1960-2015 гг. по нарастающим периодам в США, в ценах 2009 г.

На графике видно, что кривая динамики усредненных темпов прироста ВВП, рассчитанных по нарастающим периодам на протяжении всего рассмотренного временного интервала, является едва ли не зеркальным отображением линии, представляющей движение удельных (на единицу прироста ВВП) затрат инвестиций. Росту последних на отрезках 1965–1980 гг. и 2000–2016 гг. соответствует замедление динамики ВВП; в 1980–2000-х гг. оба показателя, усредненные для нарастающих периодов, стабилизируются.

Можно предположить, что мера воздействия инновационной деятельности на величину удельных инвестиционных затрат определяется долей интеллектуального продукта в инвестициях; результаты интеллектуальной деятельности материализуются в накапливаемом капитале, что способствует увеличению его эффективности. Благодаря интеллектуальной компоненте, потенциал вложенных инвестиций становится шире, богаче

и разностороннее, параметры созданных на ее основе технологий приобретают новое качество¹⁶.

Некий постоянный режим формирования темпов роста ВВП и инвестиционных затрат устанавливается в США примерно с середины 1960-х годов. Выделяются три крупных этапа, различающихся интенсивностью инновационной деятельности¹⁷:

1) стабилизация доли результатов интеллектуальной деятельности в производственных инвестициях (1966–1980 гг.) – рост на 0,07 п.п.;

2) заметный рост (1981–2002 гг.) – 0,42 п.п.;

3) сравнительно небольшой рост (2003–2016 гг.) – 0,34 п.п.

В рамках выявленной периодизации в подтверждение высказанной гипотезы обнаруживается также связь между динамикой удельных инвестиций, долей интеллектуальной продукции и темпами прироста ВВП (табл. 5).

Таблица 5. Характеристика связи между темпом роста ВВП, удельными инвестициями и интеллектуальной продукцией по периодам (1966–2016 гг.)

Показатель	Динамика по нарастающим периодам (база 1955 г.)		
	1966–1980	1981–2000	2001–2016
Затраты производственных инвестиций на единицу прироста ВВП	Рост	Стабилизация	Рост
Доля интеллектуальной продукции в производственных инвестициях	Стабилизация	Существенный рост	Тенденция к росту
Среднегодовые темпы прироста ВВП	Падение	Стабилизация	Падение

Как видно, стабилизации и даже сравнительно небольшого роста доли интеллектуального продукта в производственных инвестициях оказывается недостаточно, чтобы нейтрализовать рост удельных затрат инвестиций и, соответственно, падение темпов

¹⁶Данные, касающиеся интеллектуальной составляющей инвестиций, наряду с оборудованием, зданиями и сооружениями, приводятся в структуре инвестиций в основной капитал (Investment in Fixed Assets (Private and government, Nonresidential)). В состав продуктов интеллектуальной собственности (Intellectual property products) включаются: программное обеспечение (Software), расходы на НИОКР (Research and development), права на развлекательные, литературные и художественные произведения (Entertainment, literary, and artistic originals). Updated Summary of NIPA Methodologies (November 2017). URL: <https://apps.bea.gov/scb/pdf/2017/11-November/1117-updated-summary-of-nipa-methodologies.pdf>

¹⁷ Рассчитано по данным: Bureau of Economic Analysis. URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=10&step=2>

роста ВВП. Только в период существенного роста интеллектуального продукта и интенсивной инновационной деятельности в 1980–1990-е годы США удалось стабилизировать удельные затраты инвестиций и темпы экономического роста.

Эконометрическая заметка

В качестве попытки оценить в количественном выражении влияние размера интеллектуальной составляющей производственных инвестиций на экономический рост был использован стандартный подход выделения совокупной факторной производительности в виде остатка Солоу на основе производственной функции типа Кобба-Дугласа [Solow, 1957].

Для каждого периода времени (года) значение ВВП выразим через функцию от объема основных фондов, численности занятых и инновационной составляющей:

$$Y_t = A_t K_t^\alpha L_t^\beta,$$

где Y_t – значение ВВП, K_t – объем основных фондов, L_t – численность занятых, A_t – совокупная факторная производительность в году t (инновационная составляющая); параметры α и β не зависят от времени и не обязательно в сумме равняются единице.

Переходя к приростам через логарифмирование темпов роста, получим модель, где динамика ВВП зависит от темпов роста труда, капитала, а также показателя, в известной степени характеризующего фактор технологического прогресса:

$$\ln \frac{Y_t}{Y_{t-1}} = a_t + \alpha \cdot \ln \frac{K_t}{K_{t-1}} + \beta \cdot \frac{L_t}{L_{t-1}}.$$

Полагаем, что в компоненте $a_t = \ln \left(\frac{A_t}{A_{t-1}} \right)$ отражается воздействие инновационных улучшений как трудовых ресурсов, так и характеристик капитала.

Представив a_t как функцию от интеллектуальной составляющей инвестиций, мы рассмотрели несколько различных спецификаций модели. Оставляя за пределами данной статьи эконометрические обсуждения моделирования, отметим лишь, что в результате были выделены две спецификации, включающие в качестве относительных характеристик:

– долю интеллектуальных инвестиций в общем объеме производственных инвестиций;

– отношение темпов прироста интеллектуальных инвестиций к темпам прироста производственных инвестиций.

Расчеты показали статистически значимое влияние указанных характеристик на темпы экономического роста в целом за период 1956–2016 гг. В частности, по предварительным оценкам, при увеличении доли интеллектуального продукта в производственных инвестициях на 1% темп прироста экономики в среднем возрастает примерно на 0,06 п.п.

Заключение

Показано, что внушительная динамика ВВП во многих странах далеко не всегда соответствует большей норме накопления. Кумулятивные среднегодовые темпы прироста ВВП в США в 1980–1990-е гг. удалось стабилизировать благодаря заметно возросшей в тот период интеллектуальной компоненте производственного капитала, что способствовало сокращению потребности в удельных инвестициях. Как показали модельные расчеты, при увеличении доли интеллектуального продукта в производственных инвестициях на 1%, темп прироста американской экономики в среднем возрастает примерно на 0,06 п.п.

По мнению авторов, полученный результат после дополнительной тщательной его проверки позволит сформулировать новые подходы к распределению инвестиций между реальным сектором и сферой исследований и разработок, оптимизировать затраты в кластере инвестиций и инноваций.

Литература

Аганбегян А. Г. Форсированные инвестиции: как вернуть Россию к экономическому росту. 2015. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/gosplan/283097-forsirovannye-investitsii-kak-vernut-rossiyu-k-ekonomicheskomu-rostu> (дата обращения: 01.04.2019).

Бодрунов С. Д. Реиндустриализация российской экономики – возможности и ограничения. Научный доклад. Абалкинские чтения в Вольном экономическом обществе России. 2013. URL: <http://me-forum.ru/upload/iblock/7f2/7f20e54be59378f61763879de49948b0.pdf>. (дата обращения: 28.03.2019).

Буданов И. Россия в ожидании инвестиционного роста: угрозы и возможности // Экономист. 2019. № 1. С. 9–22.

Вальтух К. К. Технологическое обновление экономики и капиталовложения // Вестник РАН. 2007. № 1. С. 33–42.

Вальтух К. К. Экономическая теория и долгосрочное экономическое прогнозирование // Инновации. 2009. № 8 (130). С. 14–19.

Глазьев С. Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выходу российской экономики на траекторию опережающего развития. Доклад. Институт экономических стратегий, Русский биографический институт. Москва, 2015. 60 с.

Лавровский Б. Л. «Подушка безопасности» или стратегический просчёт? // Вестник российской академии наук. 2016. Т. 86. № 11. С. 82–88.

Структурно-инвестиционная политика в целях устойчивого роста и модернизации экономики. Научный доклад ИНИ РАН. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2017.

Шевельков А. И. Аграрная политика государства: о некоторых аспектах взаимоотношений власти и крестьянства во второй половине XX века // Крестьянство и власть в истории России XX века: Сборник научных статей участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.) / Под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М.: ООО «АПР», 2011. 472 с. (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации»). Вып. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/Shevelkov.pdf> (дата обращения: 09.04.2019).

Solow R. M. Technical Change and the Aggregate Production Function. The Review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 39. No. 3. Pp. 312–320.

Статья поступила 14.06.2019.

Для цитирования: Лавровский Б. Л., Горюшкина Е. А., Шильцин Е. А. Инвестиционный ресурс экономического роста: не только количество // ЭКО. 2019. № 12. С. 124–140. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-124-140.

Summary

Lavrovskii, B.L., Doct. Sci. (Econ.), Novosibirsk State Technical University, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Goryushkina, E.A. Cand. Sci. (Econ.), Novosibirsk State University, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Shiltsin, E.A., Cand. Sci. (Econ.), Novosibirsk State University, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

Investment Resource of Economic Growth: not only Quantity

Abstract. The paper considers issues related to innovative and investment preconditions for accelerating economic development. It is argued that the accumulated imbalance between the need for investments and the possibility of mobilizing them is too great. Quantitative growth of capital alone is not sufficient to create a modern technological foundation and accelerate development. To send impulses for long-term development, a new quality of investment is required as well as additional sources and reserves of growth. Examples of such sources can be identified by analyzing the global experience. It is shown that a trend towards reduction in cumulative macroeconomic dynamics indicators since approximately the mid-1960s in most developed countries was temporarily overcome during 1980–1990. The paper associates this phenomenon with the next stage of technological progress, the universal transition to a fundamentally new information and communication technology. A considered hypothesis explains that increased intellectual component of investments leads to a decrease in the specific need for capital and can be interpreted

as a factor of economic growth. The approach is illustrated by the example of the US economy in a long retrospective.

Keywords: *labor productivity; investment; innovation; growth rate; Russia; USA*

References

Aganbegyan, A. (2015). Forced investments: how to return Russia to economic growth. Available at: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/gosplan/283097-forsirovannye-investitsii-kak-vernout-rossiyu-k-ekonomicheskomu-rostu> (accessed 01.04.2019). (In Russ.).

Bodrunov, S.D. (2013). Reindustrialization of the Russian economy – opportunities and limitations. Scientific report. Abalkin readings in the Free Economic Society of Russia. Available at: <http://me-forum.ru/upload/iblock/7f2/7f20e54be59378f61763879de49948b0.pdf>. (accessed 28.03.2019). (In Russ.).

Budanov, I. (2019) Russia awaiting investment growth: threats and opportunities. *Economist*. No. 1. Pp. 9–22. (In Russ.).

Val'tukh, K.K. (2007). Technological update of the economy and investment. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. No. 1. Pp. 33–42. (In Russ.).

Val'tukh, K.K. (2009). Economic Theory and Long-Term Economic Forecasting. *Innovatsii*. No. 8 (130). Pp. 14–19. (In Russ.).

Glazyev, S. Yu. (2015). On urgent measures to strengthen the economic security of Russia and bring the Russian economy to the path of accelerated development. Report. Moscow. Institut ekonomicheskikh strategii, Russkii biograficheskii institut. 60 p. (In Russ.).

Lavrovskii, B.L. (2016). “A Safety Cushion” or a Strategic Blunder? Herald of the Russian Academy of Sciences. Vol. 86. No. 6. Pp. 507–512. Pleiades Publishing, Ltd. (In Russ.).

Structural and investment policy for sustainable growth and modernization of the economy. (2017). Scientific report of INP RAN. Moscow. Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN. (In Russ.).

Shevelkov, A.I. (2011). Agrarian policy of the state: on some aspects of the relationship between the government and the peasantry in the second half of the XX c. In *Krest'yanstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka: Sbornik nauchnykh statei uchastnikov Mezhdunarodnogo kruglogo stola (Zhurnal «Vlast'», Institut sotsiologii RAN, Moscow, 12.11.2010)*. Moscow. Publ. APR. 472 p. (Nauchnyi proekt «Narod i vlast': Istoriya Rossii i ee fal'sifikatsii»). Available at: <https://www.civisbook.ru/files/File/Shevelkov.pdf> (accessed 09.04.2019). (In Russ.).

Solow, R.M. (1957). Technical Change and the Aggregate Production Function. *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 39, No. 3. Pp. 312–320.

For citation: Lavrovskii, B.L., Goryushkina, E.A., Shiltsin, E.A. (2019). Investment Resource of Economic Growth: not only Quantity. *ECO*. No. 12. Pp. 124–140. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-124-140.

Оценка стоимости земли как фактор софинансирования проектов развития городов и территорий¹

Д.М. Хлопцов, доктор экономических наук, Институт экономики и менеджмента национального исследовательского Томского государственного университета; Российское общество оценщиков, Томск.
E-mail: d.khloptsov@tokko.tomsk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые условия реализации градостроительных инициатив на основе государственно-частного партнерства. Показано, что современная политика взаимодействия государства и бизнеса должна учитывать многосубъектный характер отношений собственности. Рассмотрен институт оценки стоимости, который широко используется за рубежом (и пока эпизодически в России) для привлечения частных средств в инфраструктурные, градостроительные проекты и оценки их эффективности. Описан механизм целевого софинансирования государством и частными инвесторами градостроительных мероприятий, с использованием института оценки, приведены зарубежные и отечественные кейсы, демонстрирующие некоторые особенности его практического применения. Выделена роль специализированных обществ проектного финансирования как относительно нового правового элемента реализации инфраструктурных проектов.

Ключевые слова: частная собственность; внешние эффекты; софинансирование инфраструктурных проектов; институт оценки стоимости; градостроительное регулирование; землепользование

Введение

Большинство стран, регионов, крупных городов на определенном этапе развития сталкиваются с необходимостью реорганизации своего пространства. Исчерпание пропускной способности инженерных и дорожных сетей, падение инвестиционной привлекательности периферийных районов, чрезмерно плотная и точечная застройка центра – появление этих и других проблем свидетельствует о кризисе существующей концепции организации территории. Какое бы решение ни приняли местные власти – о разработке новой концепции, актуализации старой, точечном «латании дыр» и снятии наиболее острых противоречий – им не обойтись без

---

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18–011–00612.

участия частного бизнеса (как в лице собственников существующей недвижимости, так и в качестве строителей новых объектов). Для бизнеса же любые властные инициативы в сфере инфраструктуры тесно связаны с возникновением так называемых «внешних эффектов», которые могут оказать значительное влияние на рыночную стоимость объектов недвижимости [Максимов, Бачуринская, 2009], и порождают множество связанных с этим вопросов и проблем.

Так, одобренный региональными властями перевод частных земель из одной категории в другую (скажем, из земель сельскохозяйственного назначения в земли поселений) может почти мгновенно на порядок увеличить состояние (капитал) собственника участка земли. Должен ли в этом случае собственник платить государству и, если да, то сколько? Включает ли эта сумма возмещение государству (муниципалитету) части затрат на землеустроительные мероприятия или достаточно уплатить налог с роста стоимости своего имущества?

Строительство новой дороги, развитие коммунальной инфраструктуры значительно повышают инвестиционную привлекательность территории и, соответственно, стоимость частной недвижимости в районе. Можно ли на этом основании настаивать на распределении затрат или их части среди частных выгодоприобретателей?

Каждое градостроительное и/или инфраструктурное решение влияет на стоимость земли и изменяет не только пространственную ситуацию, но и налогооблагаемую базу. Должны ли экономисты участвовать в градостроительном проектировании?

На наш взгляд, важно понимать, что сегодня с помощью института оценки стоимости можно не только прогнозировать ситуацию в области пространственной организации, но и управлять экономическими отношениями, связанными с этим процессом. При этом нужно иметь в виду, что в плане территориального развития институт частной собственности играет двойственную роль. С одной стороны, частная собственность – обязательное условие экономической эффективности проектов, с другой – она может препятствовать общественной эффективности использования экономических ресурсов, в том числе – земли и иных объектов недвижимости².

---

² Кодификация российского частного права 2017 / Под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2017. С. 192.

Наш анализ процессов эволюции и трансформации земельных отношений в зарубежных странах и в России показывает, что современные экономические связи в этой сфере отличает многосубъектность. Частная земельная собственность сегодня потеряла абсолютный характер и ограничена большим числом регламентов, норм и правил, направленных на ограничение прав собственника и обеспечивающих интересы государства и общества. Фактически в процесс земельных отношений, помимо собственников и пользователей земельных участков, сегодня в обязательном порядке вовлечены государственные (федеральные и региональные) и муниципальные органы, регулирующие порядок землепользования и ограничивающие права частных землевладельцев, а также общественные организации, профессиональные сообщества, содействующие определению варианта наилучшего использования земли.

Многосубъектность земельных отношений предполагает применение специальных механизмов взаимодействия государства и бизнеса, включающих оценку стоимости земельных участков в качестве важнейшего инструмента и индикатора эффективности реализуемых проектов.

Реновация городского пространства по-европейски

За рубежом давно оценили все выгоды распределения эффектов от реализации градостроительных мероприятий среди собственников недвижимости. Большинство проектов реновации территории в Европе осуществляются на принципах государственно-частного партнерства, в которых собственники «старой» недвижимости, земельных участков зачастую выступают в роли соинвесторов, а не просто пассивных налогоплательщиков. Нередко местные власти оплачивают лишь предварительные работы – разработку и экспертизу проекта санации, прогнозную оценку изменения стоимости недвижимости, землеустроительные работы по межеванию, планировке новых кварталов и т.д. Частные собственники берут на себя финансирование строительных, дорожных работ, мероприятий по благоустройству и т.п. Гарантией возврата инвестиций для них является рост рыночной стоимости земли (капитализации) в результате общего повышения

инвестиционной привлекательности территории и оживления деловой активности в районе.

Однако такой подход предъявляет очень серьезные требования как к проекту реновации, так и к качеству оценочных работ «до» и «после» запланированных мероприятий. Первый должен обеспечить максимально эффективное использование потенциала территории. Вторые должны быть максимально точными и доказательными, ведь именно на них собственники будут ориентироваться, принимая инвестиционное решение.

По мнению автора, прогнозная оценка изменения стоимости земли является одной из ключевых задач в ходе реализации подобных проектов, поскольку именно на ней базируется и выбор наиболее эффективных решений, и «сила убеждения» при разговоре с инвесторами.

Показательным примером позитивной зарубежной практики реализации проекта государственно-частного партнерства при реновации территории может выступить проект санации центра г. Киль, столицы земли Шлезвиг-Гольштейн в Германии, реализованный в 2003–2005 гг. [Dransfeld, 2005. P. 72–80].

На рисунке 1 представлена исходная планировка центральной части города Киль, которая, согласно проектной документации, страдала рядом недостатков:

- отсутствие единого развитого торгово-делового центра города с пешеходной зоной;
- большая транспортная нагрузка;
- дефицит парковочных мест.

Последствия неудачной планировки и низкой привлекательности территории стали сказываться на социально-экономических показателях:

- снижение посещаемости существующих магазинов;
- снижение инвестиционной привлекательности района и города в целом;
- ухудшение экологической ситуации;
- снижение рыночной стоимости недвижимости;
- негативная динамика доходов местного бюджета (ежегодное сокращение налогов на недвижимость, уменьшение платежей за аренду государственного, муниципального имущества) [Dransfeld, 2006. P. 75].

Муниципальные власти инициировали мероприятия по санации района. Ключевым ориентиром при этом был рост рыночной стоимости недвижимости. С одной стороны, рост стоимости земли является хорошим индикатором благополучия и инвестиционной привлекательности территории, с другой – прямо или косвенно влияет на возможность решения и других проблем (экология, налоги и т.д.).

Исходя из этого муниципалитет Киля взял на себя расходы по разработке плана повышения эффективности использования территории и конкретных градостроительных предложений, новому межеванию частных участков, оценке стоимости недвижимости до и после санации.

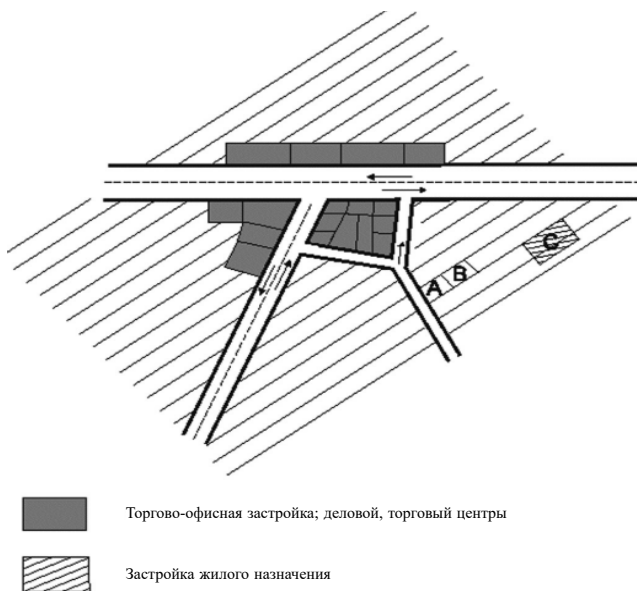

Рис. 1. Градостроительная ситуация до санации района: центральная часть города разделена транспортными магистралями

В ходе разработки плана реновации было рассмотрено (со всеми необходимыми расчетами и оценками) несколько разных вариантов, итоговое градостроительное решение представлено на рисунке 2.

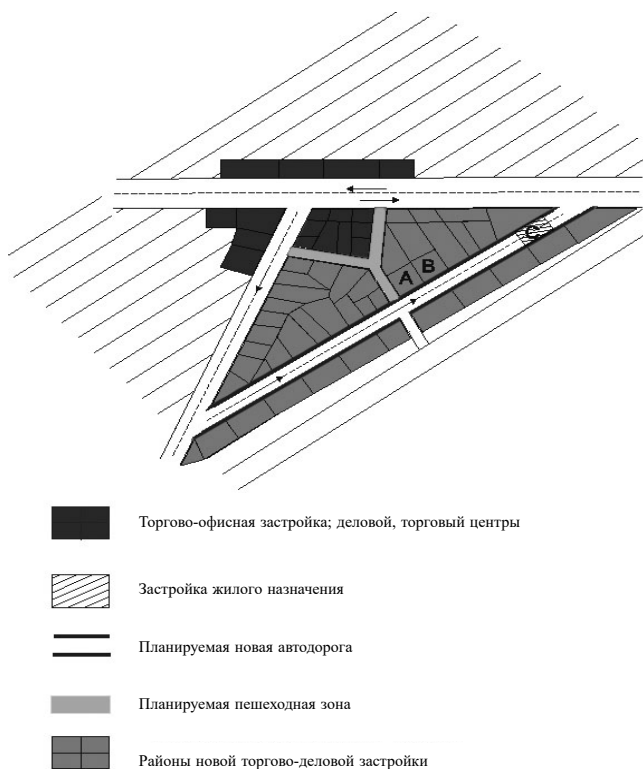

Рис. 2. Решение градостроительной ситуации, предложенное на основе оценки стоимости земли³

Проведение новой обходной автодороги (участок «С» на рисунке), во-первых, значительно сокращает поток транспорта, идущего через центр города, во-вторых, фактически образует новый квартал, с изменением его функционального использования с жилого на торгово-офисное. В центральной части выделяется пешеходная торгово-деловая зона, что позволяет решить практически все выявленные социально-экономические проблемы.

³ Участок «С» входит в зону застройки жилого назначения. Выделение его штриховкой, отличной от штриховки застройки жилого назначения, связано с необходимостью наглядно продемонстрировать, что данный участок, в отличие от участков «А» и «В», не получает роста стоимости вследствие градостроительных мероприятий, а идет на выкуп для строительства дороги.

Однако местным властям г. Киль необходимо было затратить внушительные средства на выкуп земельных участков под новую дорогу (на рис. 1 и 2 – участок «С») и непосредственно на её строительство. Выход был найден благодаря опоре на прогнозные оценки роста стоимости земли. Согласно расчетам, в проект оказались вовлечены 17 участков «старой» торгово-деловой зоны и более сотни новых (участки «А» и «Б» на схеме). Прогнозные оценки показали, что наибольший прирост стоимости в результате реализации проекта реновации получают именно новые территории: стоимость земли поднялась в среднем с 400 до 8000 евро за 1 м² участка, то есть собственники в результате предложенного властью проекта санации могли рассчитывать на 7600 евро единоразового дохода с каждого квадратного метра. Это стало весомым аргументом для них в пользу поддержки проекта, в том числе финансовой. Для этих целей был создан специальный фонд, подотчетный как органам власти, так и лицам, осуществившим взнос в её капитал. Около 75% собственников безусловно поддержали проект, безвозвратно перечислив в специальный фонд единоразово 1/3 от прироста стоимости своих участков, что ориентировочно составило 2400–2600 евро/м². Благодаря этим взносам проект был реализован, а частные собственники получили доход в размере около 5000 евро/м², что существенно превышало рыночную стоимость земли до санации. Около 20% собственников, в целом согласных с проектом, не имели финансовой возможности внести в фонд необходимую сумму. Муниципалитет Килья, применив имеющиеся у власти полномочия, выступил для них гарантом (поручителем) по банковским кредитам, за счет которых эти лица смогли внести обязательную долю в фонд. Оставшиеся 5% оппортунистов, не разделившие идею санации и не согласившиеся с необходимостью софинансирования, вынуждены были продать свои участки муниципалитету согласно требованиям немецкого строительного права при осуществлении санации [Erbguth, 1989. P. 91–95; Dieterich, Kleiber, 1998. P. 154].

Здесь необходимо обратить внимание, что прогнозные расчеты повышения стоимости земли в результате тех или иных градостроительных мероприятий, должны быть сделаны для каждого отдельного земельного участка [Bernoulli, 1991. P. 114]. Это тем более важно, что стоимость каждого из них изменяется в разной пропорции, а значит, вклад каждого участника в общую

сумму финансирования должен быть различным. Кроме того, рост стоимости земли не всегда объясним с позиции затрат на реализацию проекта, поскольку подвержен и другим факторам влияния. Наконец, он может быть как больше, так и меньше необходимых инвестиций. Именно поэтому важно при оценке роста стоимости рассматривать факторы формирования рыночной стоимости участков «до» и «после» санации [Bromley, 1991. P. 141; Gatti, 2012. P. 112]. Эти расчеты должны учитываться при определении той доли инвестиций, которая вменяется владельцам участков, попадающих в программу реновации.

Инструменты проектного финансирования

Российское законодательство сегодня позволяет создавать специализированные общества проектного финансирования (СОПФ), предметом деятельности которых являются⁴:

1) финансирование долгосрочного (на срок не менее трех лет) инвестиционного проекта;

2) осуществление эмиссии облигаций, обеспеченных залогом денежных требований и иного имущества.

Этот инструмент, на наш взгляд, органично вписывается в структуру финансирования градостроительных проектов, реализуемых на базе концессионных соглашений и соглашений о государственно (муниципально) – частном партнерстве. По своей сути СОПФ – проектная компания, деятельность которой ограничена исключительно финансированием и реализацией конкретного проекта, возможность брать на себя не связанные с ним обязательства для нее юридически исключается, что значительно повышает инвестиционную привлекательность проекта и его прозрачность, снижает коррупционные риски [Никонова, 2014. С. 93].

По мнению экспертов, СОПФ, позволяющие локализовать финансовые риски и проконтролировать целевое использование денежных средств, сегодня являются наиболее релевантным инструментом осуществления сделок проектного финансирования, под которыми понимается «система правовых средств договорного и корпоративного характера по финансированию

---

⁴ См. т. 15.1 федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

и организации крупного, долгосрочного инвестиционного проекта, предполагающая возврат вложенных средств за счет прибыли от его осуществления» [Белицкая, 2015. С. 33].

Однако появление такого достаточно нового для России правового, финансового инструмента (пусть даже прогрессивного и опробованного в странах с давно существующей частной собственностью) само по себе не способно решить все проблемы. Эффективно работать он может лишь при условии включения в проект института оценки, потому что основной целью для партнерских проектов государства (муниципалитета) и собственников недвижимости должен стать рост стоимости имущества. Лишь в том случае, если собственники будут убеждены, что их текущее имущественное положение в результате реализации проекта не ухудшится, они будут готовы взять на себя часть издержек по его финансированию. Софинансирование со стороны частных собственников возможно лишь при условии их заинтересованности, в том числе в виде роста стоимости их имущества, часть которого они будут согласны вложить в СОПФ.

Региональные практики

При анализе российских практик реализации проектов регионального развития можно найти как отрицательные, так и положительные примеры, связанные с действующими подходами к определению стоимости земли.

Кейс 1. В одном из районов Западной Сибири крупное нефтедобывающее предприятие на протяжении нескольких лет арендовало у местных властей земельные участки под эксплуатацию скважин. Стабильные поступления в бюджет с каждого из таких участков (около 150 тыс. руб. в год) для удаленного от областного центра района были весомым подспорьем. Однако после очередной кадастровой оценки земель стоимость каждого такого участка площадью 5000 м² была определена всего лишь в размере 514,72 руб.⁵, чем не преминул воспользоваться арендатор,

---

⁵Методика государственной кадастровой оценки земель промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земель для обеспечения космической деятельности, земель обороны, безопасности и земель иного специального назначения, утверждена Приказом Федеральной службы земельного кадастра России от 20 марта 2003 года № П/49 (не применяется в настоящее время на основании приказа Минэкономразвития России от 21.09.2017 № 469).

решив выкупить землю в собственность. Выкупная стоимость, рассчитанная как пятикратная ставка земельного налога, составила... 38,60 руб., что не покрывало даже расходов на бумагу для оформления договора.

Глава района, желая сохранить источник внебюджетных доходов, решил оспорить кадастровую и определить рыночную стоимость земли. По предварительным оценкам, последняя должна была составить около 2 млн руб. за участок. В этом случае арендатор мог бы сохранить арендные отношения или выкупить участок, но по гораздо более высокой стоимости. Однако в годовом бюджете района не были предусмотрены расходы на финансирование работ по оценке земли, а перераспределение ресурсов могло быть истолковано как нецелевое использование...

Как результат, в полном соответствии с действующими нормами права, более десяти участков под нефтедобывающими скважинами были выкуплены по стоимости булки хлеба. В данном случае крупное предприятие реализовало свои экономические цели, используя существующие юридические инструменты, хотя в принципе было готово рассмотреть различные варианты обоюдовыгодных партнерских соглашений.

Кейс 2. Зачастую при постановке глобальных целей развития инновационной экономики мы забываем о том, что 23% жилищного фонда России до сих пор не имеет централизованного водоснабжения, еще большая часть – не имеет канализации. Решение таких жизненно важных для населения инфраструктурных проблем слишком часто перекладывается на плечи самих жителей. В мировой практике наиболее действенным инструментом их решения является именно партнерство государства и собственников.

В старой части одного из городов Сибири, застроенной еще в период освоения преимущественно частным сектором, жители до 2013 г. пользовались уличными водораздаточными колонками. Естественно, канализации у них тоже не было. В городе этот район слыл неблагополучным еще и по криминальной обстановке. Все это предопределяло низкую цену жилья и земли, копеечные поступления налогов в местный бюджет, оппортунистические настроения местных жителей, негативно воспринимающих инициативы местных и региональных властей.

По инициативе руководителя местного горводоканала был разработан проект прокладки централизованных водоводов вдоль двух улиц, предполагающий самостоятельное подключение домов их владельцами к новой системе водоснабжения. На эти цели администрацией было выделено 38 млн руб. В течение года к системе подключились 200 жилых домов, при этом средние затраты составили вполне разумные 30 тыс. руб. на один объект. Уже через год старые ветхие дома в данной части города стали пользоваться повышенным спросом – участки выкупались под строительство коттеджей, владельцы которых, получив централизованное холодное водоснабжение, поставили бойлеры, установили септики, что повысило уровень коммунального благоустройства. Район стал инвестиционно-привлекательным для жителей со средним и выше среднего доходом, поднялась и стоимость земли. Проведенная в 2016 г. кадастровая оценка земель поселений выявила рост стоимости в 2–2,5 раза. Уже в 2017 г. поступления земельного налога с этой территории значительно превысили поступления прошлых лет. За счет этих поступлений местный бюджет в течение двух лет смог окупить проектные вложения. Одновременно выросла удовлетворенность деятельностью органов власти как у местных жителей, так и владельцев домов и нежилых объектов на бывшей депрессивной территории.

Заключение

Рассмотренные нами кейсы из зарубежной и отечественной практики демонстрируют, что мероприятия со стороны государства, общества и города, поддержанные частными инвестициями, могут привести к значительному положительному эффекту для всех сторон. Государственно-частное партнерство в области реализации градостроительных, инфраструктурных проектов – это не следование моде, а экономическая необходимость. Если частные собственники не готовы инвестировать в тот или иной район, это означает, что они не видят здесь перспектив получения прибыли. В силах местной администрации обозначить для них эту возможность, например, за счет разработки плана реновации, подкрепленного релевантными прогнозными оценками роста стоимости недвижимости. В Европе местные власти активно используют этот инструмент при реализации проектов государственно-частного партнерства в сфере развития коммунальной

инфраструктуры, реновации городов и поселков, для повышения инвестиционной привлекательности территории.

Применение этого инструмента в российских условиях не только оправданно в условиях новой, многоструктурной по формам собственности на землю экономики, но и эффективно с точки зрения актуализации проблем рационального землепользования, градостроительства и оптимизации расходов бюджетов различных уровней.

Литература/ References

Белицкая А. В. Понятие и правовые основы проектного финансирования // Юрист. 2015. № 11. С. 31–36.

Belitskaya, A.V. (2015). Concept and legal basis of project financing. *Yurist*. No. 11. Pp. 31–36. (In Russ.).

Максимов С. Н., Бачуринская И. А. Управление внешними эффектами на рынке недвижимости // Проблемы современной экономики. 2009. № 3 (31). С. 379–381.

Maksimov, S.N., Batchurinskaya, I.A. (2009). Control of external effects on the real estate market. *Problems of modern Economics*. No. 3 (31). Pp. 379–381. (In Russ.).

Никонова И. А. Проблемы развития проектного финансирования в России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 12. С. 93–99.

Nikonova I.A. (2014). Problems of project financing development in Russia. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii*. No. 12. Pp. 93–99. (In Russ.).

Bernoulli, H. (1991). *Die Stadt und ihr Boden*. Neuaufgabe Borkhauser Verlag, Basel, Berlin, Boston. 161 p.

Bromley, D. W. (1991). *Environment and economy: property rights and public policy*. Oxford: Blackwell. 247 p.

Dieterich, H., Kleiber, W. (1998). *Die Ermittlung von Grundstückswerten*. – Köln, Verlag Deutsches Volksheimstättenwerk GmbH. 8.Aufl. 187 p.

Dransfeld, E. (2006). *Stadtebauliche Entwicklungsmaßnahmen*. Dortmund: IBoMa. 118 p.

Erbguth, W. (1989). *Vauplanungsrecht*. München: Verlag C.H. Beck. 192 p.

Gatti, S. (2012). *Project Finance in Theory and Practice, Second Edition: Designing, Structuring, and Financing Private and Public Projects*. September 5. USA.

Stadtökonomische, bodenpolitische und bodenrechtliche Fragen schrumpfender Städte. (2005). Dr. Dransfeld, E. // *vhw FW 2 / Marz-April*. Pp. 72–80.

Статья поступила 06.05.2019.

Для цитирования: *Хлопцов Д. М.* Оценка стоимости земли как фактор софинансирования проектов развития городов и территорий // ЭКО. 2019. № 12. С. 141–153. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-141-153.

For citation: Khloptsov, D.M. (2019). Land Valuation as a Factor of Co-Financing Urban and Country Development Projects. *ECO*. No. 12. Pp. 141-153. (Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-141-153.

Summary

Khloptsov, D.M., Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Management of the National Research Tomsk State University; Russian Society of Appraisers, Tomsk

Land Valuation as a Factor of Co-Financing in Urban and Country Development Projects

Abstract: The paper investigates some conditions for implementation of urban development initiatives on the basis of public-private partnership (PPP). It is shown that multi-subject nature of property relations should be taken into consideration in the modern policy of interaction between the state and business. The author analyses the valuation institute, which is widely used abroad, and yet only occasionally in Russia in order to attract private funds to invest in infrastructure and urban planning projects as well as to evaluate their effectiveness. The mechanism of targeted co-financing by public and private investors of urban development measure involving the valuation institute is described. Foreign and domestic cases are presented, showing some features of its practical application. The role of specialized project finance societies as a relatively new legal element in implementation of infrastructure projects is highlighted.

Keywords: *Private property; external effects; co-financing of infrastructural projects; appraisal institute; urban planning; land use*

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-154-169

Степень влияния банковского сектора на страховой рынок

Ю.А. ТАРАСОВА, кандидат экономических наук. E-mail: yutarasova@hse.ru
Е.С. ХОХЛОВА, НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург.
E-mail: eskhokhlova@edu.hse.ru

Аннотация. Ставший явным контроль банков над страховым сектором в последние годы – одна из самых обсуждаемых тем в финансовой и научной среде, но пока участники дискурса не пришли к единому мнению о том, как влияет такое взаимодействие на другие секторы экономики. Кроме того, отмечено, что количество страховых компаний быстро сокращается. Цель настоящей работы – доказательство двух рабочих гипотез о том, что банки: 1) оказывают давление на страховой рынок, 2) ведут его к олигополизации с высокой концентрацией доли отдельных компаний. С помощью корреляционного, сравнительного и количественного анализа коэффициентов, отвечающих за тип структуры страхового рынка, нам удалось доказать, что банковский сектор практически полностью контролирует страховой рынок, на котором в результате давления банков происходит процесс установления олигополии.

Ключевые слова: слияния и поглощения; олигополия; контроль страхового рынка; банки, страхование, консолидация

JEL: G22

Введение

Устойчивость и стабильное развитие экономики любой страны зависят от уровня и качества работы ее базовых институтов. Как известно, банковский и страховой секторы, составляющие ядро финансовой системы России, в последние годы подвергаются серьезным изменениям. В значительной мере в результате деятельности регулятора (Банка России) количество банковских и страховых компаний уменьшается, при этом первые все больше усиливают свой контроль над вторыми. Изучение характера и причин, происходящих на страховом рынке процессов, составляет основное содержание данного исследования.

Взаимодействие банковского и страхового секторов чаще всего выражается следующими способами:

1) «финансовый супермаркет»: взаимовыгодные условия и равноправные отношения банков и страховых организаций через страхование рисков и продажу услуг;

2) учредительство банком страховой компании и соответственно управление ею в своих интересах;

3) аккредитация банком страховой компании (подписание агентского соглашения), что позволяет ему контролировать состав и доходы участников страхового рынка.

Целью работы является изучение действующего механизма взаимодействия банковского и страхового секторов и доказательство двух рабочих гипотез.

Первая гипотеза: *на настоящий момент банки практически полностью контролируют страховой рынок. Из-за жёстких требований банков к страховым организациям, с которыми планируется сотрудничество, те из них, которым не удастся получить аккредитацию, оказываются в проигрышном положении на рынке. Это вынуждает их или ликвидироваться, или присоединяться к лидерам.*

Аккредитация того или иного банка означает для страховой компании получение стабильного канала сбыта и рост премиального вознаграждения. Это принуждает ее менее удачливых коллег либо уходить с рынка вследствие утраты конкурентоспособности, либо «сдаваться под контроль» более сильных игроков (слияние и поглощение). Следствием таких трансформаций является изменение структуры страхового рынка.

Вторая гипотеза: *из-за влияния банков и других внешних факторов конкурентный рынок страхования постепенно превращается в олигополистический.*

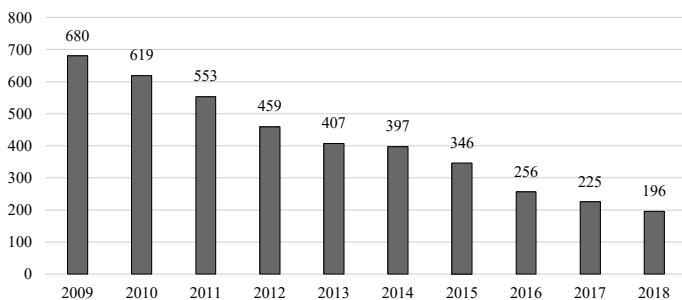
Тенденции страхового рынка

Главная современная тенденция на рынке страхования – уменьшение количества игроков за счет ухода малых и средних компаний (рис. 1). За последнее десятилетие число страховщиков сократилось в 3,5 раза. В основе этой тенденции лежат: ужесточение нормативных требований регулятора в части увеличения минимального уставного капитала, усиление надзора за деятельностью страховых компаний¹, а также – частичное или полное вмешательство банковских организаций в деятельность страховой сферы. Банки, отбирая для сотрудничества крупнейшие

---

¹ Принятие нормативного акта № 251-ФЗ от 29.07.2018 «О внесении изменений в закон Российской Федерации “Об организации страхового дела в Российской Федерации”».

страховые компании, способствуют увеличению у них объема страховых премий, что подрывает благополучие небольших игроков и приводит к уменьшению их количества. При дальнейшем сохранении подобной практики на рынке останутся только крупные страховщики.

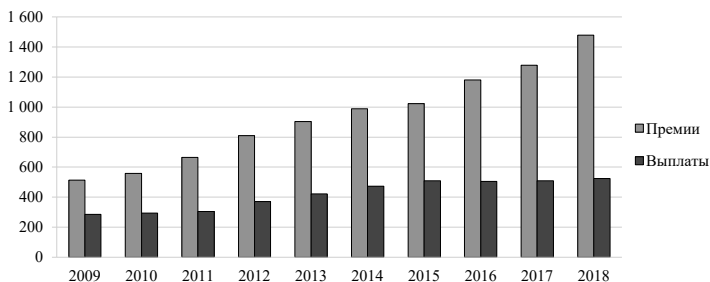
Источник: Центральный банк РФ, статистика по субъектам страхового дела. URL: https://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_insurance/#a_11867.

Рис. 1. Динамика количества страховых компаний в 2009–2018 гг., ед.

Тенденции слияний и поглощений в страховом и банковском секторах наблюдаются в мировом масштабе. Д. Фокарелли и А. Поццоло показывают, что данная рыночная стратегия в наши дни является основным способом экспансии на национальных и международных страховых рынках [Focarelli, Pozzolo, 2008]. Подобное мы наблюдаем и в России.

В работе Е.В. Городянка и Ю.А. Тарасовой [Городянка, Тарасова, 2017] рассмотрена проблема ликвидации небольших страховых компаний в результате банкротства. На основе математической модели показана зависимость вероятности банкротства страховой компании от ее рыночной доли, подтверждающая тенденцию страхового рынка к олигополизации.

Несмотря на существенное уменьшение количества страховых компаний в 2018 г., рынок страхования в целом поднялся. По объему собранных премий – 1 479 трлн руб. – побит рекорд десятилетия. При этом среднегодовой темп прироста премий (13%) опережал темп прироста выплат (7%) (рис. 2).

Источник: «Страхование сегодня». URL: <http://www.insur-info.ru/statistics/analytics/>

Рис. 2. Динамика финансовых показателей страхового сектора в 2009–2018 гг., млрд руб.

Уровень конкуренции на страховом рынке существенно снизился: на 20 крупнейших страховщиков от общего числа действовавших приходилось к концу 2009 г. около 59% премий, в то время как к концу 2018 г. – почти 81% (рис. 1) Иначе говоря, больше половины премий рынка первоначально было собрано всего лишь 2,9% компаний (20 от 680), доля которых через десять лет выросла в 3,5 раза до 10,2% (20 от 196). Кроме того, в 2013 г. для 20 крупнейших компаний этот показатель составлял 62%. То есть за пять лет концентрация на рынке страхования увеличилась на 20%.

Подтверждая наш предыдущий прогноз усиления концентрации рынка [Городянко, Тарасова, 2017], в 2018 г. рассчитанное в исследовании значение индекса Херфиндаля-Хиршмана (НИ) впервые превысило пороговое значение в 1000 единиц. Иначе говоря, рынок страхования трансформировался из низкоконцентрированного в класс со средней концентрацией [Altman, Hotchins, 2006]. По мнению Е. Альтмана, на подобных рынках в любом секторе экономики обычно имеет место тесная связь компаний с государственными органами (в первую очередь, с комитетом по ценовой политике), а также применяются особые процедуры одобрения инвестиционных сделок (особенно по слиянию и поглощению) и разрешения на создание финансовых групп² со стороны антимонопольного органа.

² Отметим, что федеральный закон «О финансово-промышленных группах» был упразднен еще в 2008 г.

Увеличение индекса ННІ в 2018 г., в частности, было связано со следующими крупными сделками³:

- включение ООО «СК «ВТБ Страхование»» (3-е место) и АО «ВТБ Страхование жизни» (11-е место) в структуру страховых компаний АО «СОГАЗ» (2-е)⁴;

- присоединение АО «СК «Благосостояние ОС»» (49-е место) к группе «Ренессанс Страхование» (12-е)⁵;

- ООО «ЭРГО Жизнь» (37-е) стала частью группы компаний ПАО «СК «Росгосстрах»» (8-е место)⁶.

Только в результате этих сделок значение ННІ поднялось на 384 пункта, и это был самый большой скачок за исследуемое десятилетие. Сохранение сложившейся тенденции уже довольно скоро приведет рынок страхования к состоянию олигополии. Между тем ряд наблюдаемых фактов свидетельствует о том, что со стороны регулятора противодействия такому развитию событий ожидать не приходится.

Например, постоянно усиливаются требования к страховым компаниям в части размера их уставного капитала и резервов (табл. 1), а также в отношении обязательного актуарного оценивания, получения лицензий и аудита бухгалтерской отчетности. Так, в течение ближайших трех лет уставной капитал должен увеличиться на 88-150% (в зависимости от вида страхования), а внутренние локальные акты должны быть приведены в соответствие с Европейской Директивой Solvency II. Базовый размер уставного капитала должен быть увеличен со 120 млн до 300 млн руб. Организации, которые не справятся с этим требованием, покинут рынок⁷.

---

³ Места распределены по размеру поступлений в рейтинге страховых организаций. URL: <http://www.insur-info.ru/statistics/analytics/> (страховой портал «Страхование сегодня», дата обращения: 01.08.2019).

⁴ Финмаркет. Страхование. URL: <http://www.finmarket.ru/insurance/?nt=0&id=4949667> (дата обращения: 21.04.2019).

⁵ Мы перевернули саму идею страхования с ног на голову // banki.ru. URL: https://www.banki.ru/news/interview/?id=10891283&fbclid=IwAR0e8i_2gAtE_kjEYqP1n6G69qToACfHdHFtIfE4Us7QEJo3WPQLUvikTuE (дата обращения: 15.04.2019).

⁶ Росгосстрах приобрел полный контроль над компанией «Эрго Жизнь» // Росгосстрах Жизнь. Пресс-центр URL: <https://ergolife.ru/press/press-relizy/rosgosstrakh-priobrel-polnuu-kontrol-nad-kompaniey-ergo-zhizn/> (дата обращения: 07.04.2019).

⁷ Страховщики почувствовали тягу к жизни // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/gallery/3907389> (дата обращения: 05.04.2019).

Таблица 1. Требуемые изменения размера уставного капитала российских страховщиков в 2019–2022 гг.

Вид страхования		Размер уставного капитала на 1 января, млн руб.				Требования по увеличению, %
		2019*	2020	2021	2022	
Личное	Страхование жизни	240	310	380	450	88
	Страхование от несчастных случаев и болезней	120	180	240	300	150
	Добровольное медицинское страхование (ДМС)	120	180	240	300	150
	Обязательное медицинское страхование (ОМС)	60	-	-	120	100
Имущественное	Страхование имущества	120	180	240	300	150
	Страхование предпринимательских рисков	120	180	240	300	150
	Страхование гражданской ответственности	120	180	240	300	150
Перестрахование		480	520	560	600	25

* На 2019 г. указаны существующие требования к страховым компаниям.

Источник: п. 4 статьи 1 и п. 4, 5, 6 статьи 2 федерального закона от 29.07.2018 № 251-ФЗ «О внесении изменений в закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации»». Фактические уставные капиталы страховых компаний представлены в выписках из ЕГРЮЛ в свободном доступе (URL: <https://egrul.nalog.ru/index.html>)

Банки на страховом рынке

На сегодня нужно отметить два аспекта, наиболее сильно влияющих на работу страховщиков: высокие ставки комиссионных вознаграждений банкам как агентам и использование мисселинга⁸.

В отношении регулирования всех аспектов страхового агента на нашем рынке все еще существует неопределенность. Банки являются «псевдостраховыми» агентами, так как они практически получают комиссионные за своих клиентов, которых «предоставляют» страховщикам, при этом сами клиенты не всегда добровольно покупают страховые услуги. Вознаграждения банкам за посреднические услуги могут достигать 80% от выручки страховых организаций. По данным Банка России, только

⁸ «Мисселинг» – недобросовестная практика продаж потребителям финансовых продуктов (услуг) в части предоставления полной, прозрачной и ясной информации о характере финансовой услуги и условиях финансового продукта, а также о сопутствующих им рисках, их стоимости и иных существенных условиях. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/43988/pres_13062018.pdf

за первую половину 2018 г. банки получили в виде комиссионных вознаграждений 6% от валовой прибыли всего страхового рынка, т.е. 30 млрд руб.⁹

Практика продажи договоров страхования с неполной или скрытой информацией (мисселинг) до сих пор широко распространена в банковской среде. Особенно – в случаях инвестиционного страхования жизни: заемщик может даже не знать, что купил договор страхования вместе с кредитом. В целях предотвращения таких злоупотреблений был принят закон № 251-ФЗ от 29.07.2018, обязывающий банки посвящать заемщика во все подробности страхового договора, включая его выгоды и уступки.

Повсеместное развитие продаж банкостраховых продуктов, обмен клиентскими базами, рост количества аффилированных с банками компаний являются подтверждением того, что страховые организации не только дают возможность зарабатывать банкам, но и постепенно попадают в зависимость от них. Конкурентоспособность страховщиков все сильнее зависит от тесноты взаимоотношений с банком. В свою очередь, банки интересуются крупными страховщиками. Средним по размеру компаниям остается или объединяться, или уйти с рынка, а небольшие, как правило, просто уходят. Такая ситуация постепенно ведёт к концентрированности на рынке страхования и невозможности работать на нём без банковской поддержки. Постоянное ужесточение законодательства только укрепляет эту тенденцию. Кроме описанных ранее требований к размеру уставного капитала, изменились также требования к структуре резервов, был введён обязательный аудит бухгалтерской (финансовой) отчетности страховых организаций, обязательное актуарное оценивание, и стал более строгим процесс получения лицензий.

Данные и методология

Основой исследования является десятилетняя статистика по топ-50 страховых компаний, состав которых определен по состоянию на декабрь 2018 г. Используются следующие данные: состав учредителей и учредителей последних; дата регистрации

---

⁹ Центральный банк РФ: субъекты страхового дела URL: http://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_insurance/ (дата обращения: 02.04.2019).

компании¹⁰; объемы премий и выплат по данным бухгалтерской отчетности.

Для всестороннего исследования структуры рынка было необходимо проанализировать значения индексов Концентрации (CR) и Херфиндаля-Хиршмана (НИ) в динамике [Hirschman, 1945; Herfindahl, 1950]. Мы рассчитаем данные индексы за 10 лет (с 2009 г. по 2018 г.). Кроме того, чтобы оценить зависимость места страховых компаний, оказывающих услуги по всем видам страхования, кроме страхования жизни, от количества банков, аккредитовавших ее, будут рассчитаны коэффициенты корреляции.

Индекс концентрации показывает долю рынка, которая приходится на несколько первых (крупнейших) компаний отрасли. Метод его вычисления следующий: все компании отрасли ранжируются по размеру долей, приходящихся на каждую компанию – от большей к меньшей. Доли находятся как S из формулы.

$$S = \frac{\text{Премии (выплаты)2018 страховой компании}}{\text{Объем премий (выплат)2018 по всему рынку}} \cdot (1)$$

Затем находится сумма долей интересующего числа компаний. В нашем исследовании мы взяли 20 компаний. Чем выше полученное значение индекса, выраженное в долях или процентах, и чем ближе оно к 100%, тем более монополизирован рынок.

Индекс Херфиндаля-Хиршмана может принимать значения от 0 до 10000. Чем оно выше, тем выше уровень концентрации (табл. 2).

На основе данных выделяется доля каждой страховой компании (S из формулы № 1) на конец 2018 г. по следующей формуле¹¹: $НИ = \sum S^2$.

Мы не могли ограничиться только индексом концентрации, так как он имеет ряд недостатков и полученное значение необходимо рассматривать как дополнительную информацию к другим экономическим и финансовым показателям. Коэффициенты корреляции позволят выявить наличие/отсутствие зависимости страхового

¹⁰ Источник данных об учредителях и их долях в уставных капиталах, дат регистрации компании: выписки из Единственного государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ), предоставляемых на официальном сайте Федеральной налоговой службы.

¹¹ Индекс Херфиндаля-Хиршмана: значение и методика расчета. URL: <https://businessman.ru/new-indeks-xerfindalya-xirshmana-znachenie-i-metodika-rascheta.html>

рынка от банковского сектора и доказать/опровергнуть выдвинутые ранее гипотезы.

Таблица 2. Характеристика значений индекса Херфиндаля-Хиршмана

Значение индекса	Интерпретация
0 <HHI <1 000	Рынок имеет низкую концентрацию: на нем много маленьких фирм с примерно равными долями, новой фирме легко войти на рынок, прибыль на одну фирму небольшая.
1 000 <HHI <1 800	Рынок умеренно концентрированный, барьеры для входа новой фирмы поднимаются.
1 800 <HHI <10 000	Рынок имеет высокую концентрацию, есть несколько фирм с большими долями, новой фирме практически невозможно войти на рынок, прибыль на каждую фирму высокая.

Построение выборки изучаемых компаний строится на показателях среднегодовых премий; отбираются 20 компаний, высших по рейтингу на конец 2018 г. по версии страхового портала «Страхование сегодня» за последние пять лет. Если та или иная компания из выборки входит в группу, остальные члены группы тоже включаются в наш обзор как группа в целом. Таким образом, нами была сформирована выборка из 30 компаний, занимавших в течение пяти лет 85% рынка. Из них 15 специализируются на страховании жизни (30% рынка по премиям в 2018 г.), 15 оказывают другие виды услуг (55% рынка по премиям в 2018 г.).

Степень влияния банков на страховую деятельность оценивается на основании анализа состава учредителей, а также структуры банковской аккредитации.

Оценка доли страхового рынка, контролируемой банками

Алгоритм расчета таков: доля в уставном капитале страховой компании, принадлежащая банку, умножается на долю страховой компании на рынке. Полученная величина интерпретируется как доля страхового рынка, приходящаяся на банк. Если банк является косвенным учредителем страховой компании, то при расчете учитываются все доли в уставных капиталах всей цепочки учредителей путем перемножения всех долей. Результат показан в таблице 3.

Таблица 3. Расчет долей рынка страхования, контролируемого банками, %

Страховая компания	Доля рынка у страховой компании	Доля банка в капитале страховой компании	Доля контроля банка над страховым рынком
(1)	(2)	(3)	(4)=(2)·(3)
«Сбербанк Страхование»	1,06	100	1,06
«Сбербанк Страхование жизни»	12,27	100	12,27
«Сосьете Женераль Страхование Жизни»	1	19	0,19
»Райффайзен Лайф»	0,49	25	0,12
«ВСК»	4,72	0,01	0,00
«ВСК-Линия Жизни»	1,61	0,08	0,00
САК «Энергогарант»	0,92	0,00	0,00
«Наско»	0,63	1,71	0,01
«Русский стандарт страхование»	0,52	1,50	0,01
«Тинькофф Страхование»	0,49	0,08	0,00
«ПАРИ»	0,24	25	0,06
	24		14

Источник: расчеты авторов на основе статистических данных ЦБ РФ на конец 2018 г.

Примечание. Среди анализируемых компаний были выявлены и включены в таблицу только те страховые компании, где банки выступают прямыми учредителями, поэтому первоначальная выборка слегка уменьшилась. Получается, что только на основе прямого владения страховой компанией банки контролируют 14% страхового рынка и опосредованно через топ-20 страховщиков – почти 81% (на конец 2018 г.).

Анализ зависимости доли рынка страховой компании от количества банков, аккредитовавших ее

Воспользуемся списком 15 крупнейших банков России с публичной отчетностью, дополнив его списком аккредитованных ими страховщиков, по состоянию на декабрь 2018 г.

Критерии аккредитации опубликованы на официальных сайтах банков и варьируют от самых либеральных (например, ПАО «Совкомбанк» готов аккредитовать любую страховую компанию без ограничений) до весьма жестких (Сбербанк¹²). При этом страховщик имеет возможность заключить соглашение с неограниченным

¹² Работать на рынке не менее трех лет, не нарушать законодательство РФ и предписания ЦБ, предоставлять данные о конечных владельцах (физ. лицах) банку, закончить все судебные разбирательства и т.д.

числом банков, если он подходит под их критерии, поэтому и списки аккредитованных разными банками страховщиков во многом пересекаются.

По результатам сопоставления аккредитационных списков рассмотренных банков были выделены страховые компании по количеству банков, давших аккредитацию (табл. 4).

Таблица 4. Итоговый список страховщиков с банковской аккредитацией в 2018 г.

Страховая компания	Место в рейтинге	Количество банков, давших аккредитацию (из топ-15 по версии ЦБ РФ)
АО «Согаз»	2-е	15
«Ингосстрах»	6-е	15
АО «Альфастрахование»	4-е	14
«РЕСО-Гарантия»	5-е	14
«ВСК»	7-е	14
САК «Энергогарант»	20-е	14
«ВТБ Страхование»	3-е	12
«Альянс»	52-е	10
Группа «Ренессанс Страхование»	12-е	9
«Росгосстрах»	8-е	8
«РСХБ-Страхование»	34-е	8
«Согласие»	13-е	8
«Либерти Страхование»	41-е	8
«МАКС»	18-е	7
«Абсолют Страхование»	42-е	7
СО «Сургутнефтегаз»	54-е	7
«Зетта Страхование»	33-е	7
«Пари»	48-е	7
«Уралсиб Страхование»	56-е	4
«Кардиф»	25-е	4
ГСК «Югория»	23-е	4
САО «ЭРГО»	37-е	4
«Сбербанк страхование»	17-е	3
«Тинькофф Страхование»	31-е	3
СФ «Адонис»	94-е	3
«Благосостояние ОС»	49-е	2
РСК «Стерх»	51-е	2
«Чулпан»	58-е	2

Чтобы доказать наши гипотезы, мы должны рассчитать долю рынка и место в рейтинге страховщика и соотнести с количеством банков. Зависимость таких показателей можно выявить при помощи корреляционного анализа, то есть рассчитав коэффициент корреляции между количеством банков, давших аккредитацию страховой компании, и ее местом в рейтинге.

Воспользуемся для этого коэффициентом корреляции Спирмена¹³, так как связь между местом страховой компании и количеством банков, аккредитовавших ее, нелинейна (рис. 3), кроме того, данные не подчиняются логнормальному распределению. По этой причине коэффициенты корреляции Пирсона и Кендалла мы сочли неприменимым к анализируемым данным.

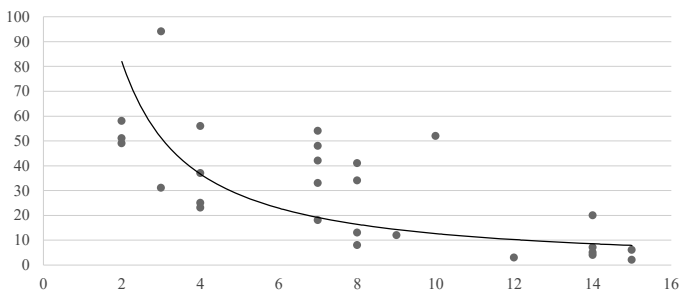

Рис. 3. Связь между местом компании в рейтинге и количеством банков, аккредитовавших страховщиков

Расчет показал коэффициент корреляции 0,7444 с уровнем значимости $p < 0,001$. Это означает наличие статистической связи между числом банков, одобрявших страховую компанию, и ее местом в рейтинге. Иначе говоря, при увеличении числа банков, давших аккредитацию страховой компании, ее место в рейтинге приближается к 1, так как заработанные премии увеличиваются благодаря продажам через банковские каналы. Следовательно, объем собранных страховых премий обратно пропорционален количеству банков, давших аккредитацию.

¹³ Описание коэффициента корреляции: «Понятие коэффициента корреляции. Виды коэффициентов корреляции и специфика их применения в социологическом исследовании» (URL: https://studopedia.ru/9_222431_ponyatie-koeffitsienta-korrelyatsii-vidi-koeffitsientov-korrelyatsii-i-spetsifika-ih-primeneniya-v-sotsiologicheskom-issledovanii.html)

Для проведения корреляционного анализа были взяты компании, оказывающие все виды страховых услуг и имеющие «дочек» (табл. 3)¹⁴.

Для получения релевантных результатов и подтверждения гипотезы были использованы все указанные компании из таблицы 3, кроме СК «Сбербанк страхование», так как эта компания аккредитована только тремя из 15 банков, хотя и занимает высокое место (17-е). Это объясняется тем, что её единственным учредителем является крупнейший банк РФ – Сбербанк, что может исказить статистику и значение коэффициента корреляции.

Методы выявления структуры страхового рынка. Гипотезу о том, что рынок страхования стремится к олигополии, будем проверять с использованием двух описанных ранее индексов – концентрации (CR) и Херфиндаля-Хиршмана (НИ), рассчитанными за десять лет. Динамика индекса концентрации показала, что выбранные 20 компаний, начав с 45% в 2009 г., перетянули к себе 85% рынка в 2018 г. Индекс концентрации постоянно увеличивался, указывая на то, что число компаний на рынке уменьшается, а доля крупных компаний (за счет поглощения и/или самостоятельного ухода игроков) увеличивается (рис. 4).

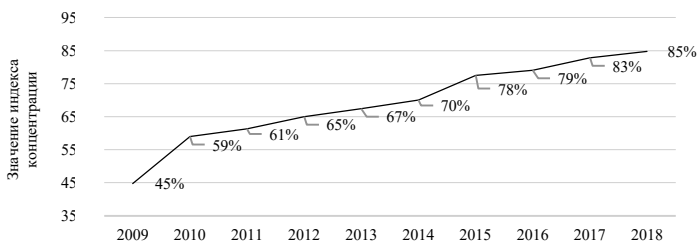

Рис. 4. Динамика индекса концентрации на страховом рынке в 2009–2018 гг., %

Изменение индекса НИ показывает аналогичную тенденцию (рис. 5). Страховой рынок до 2017 г. включительно был

¹⁴ Авторы делают допущение, что, если материнская компания получает аккредитацию, то она распространяется на ее «дочку», так как прямые доказательства этого момента в источниках отсутствуют. Если они являются «дочками» страховых компаний, то в большинстве случаев, занимаются видами страхования иными, чем страхование жизни, то есть оценка, полученная для материнских компаний, будет применима и для компаний, страхующих жизнь и здоровье.

низкоконцентрированным (значение индекса было меньше 1000); в 2018 г. он трансформировался до умеренноконцентрированного из-за названных выше крупных сделок по слиянию. Следующая ступень – олигополия.

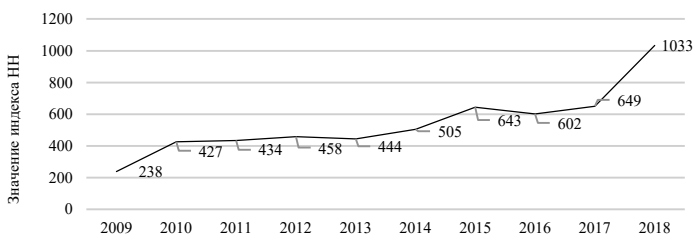

Рис. 5. Динамика индекса Херфиндаля-Хиршмана на страховом рынке в 2009–2018 гг.

Результаты

Проведенное исследование показало, что влияние частных банков на страховую деятельность происходит двумя способами. Первый: путем аккредитации и представления своих клиентов, что фактически может привести к полной зависимости страховых компаний от банков. Только работая с банками, компании занимают высокие позиции по сбору премий, таким образом приобретая большую конкурентоспособность, чем компании, не работающие с банками. Второй: путем получения прямого контроля (вхождения в капитал). На данный момент через аффилированные страховые компании банки контролируют 14% страхового рынка. Причём в этот список входят компании из топ-20, которые в декабре 2018 г. имели 81% премий от всего страхового рынка. Если банк отзовет свою аккредитацию у одного из страховщиков, последний может лишиться значительной части клиентов. Поскольку некоторые услуги являются «добровольно-принудительными» и связаны именно с этим банком, то подобный клиент «уйдёт» к другому аккредитованному страховщику.

Контроль банков над составом и количеством аккредитованных страховых компаний предоставляет первым возможность влияния на рынок. В свою очередь, страховые компании готовы платить высокие комиссионные вознаграждения банкам, чтобы

получить поддержку в продажах и повысить свою конкурентоспособность. Значение коэффициента корреляции Спирмена подтверждает гипотезу о том, что место страховой компании тем выше в рейтинге, чем больше банков аккредитовали ее. Для получения релевантных результатов при проведении исследования пришлось удалить ООО СК «Сбербанк страхование». Эта компания аккредитована только тремя из 15 банков, но занимает высокое место. Это объясняется тем, что главный канал продаж у страховой компании – крупнейший банк России ПАО «Сбербанк» (её 100%-й учредитель). Примечателен и тот факт, что все 15 крупнейших банков аккредитовали страховые компании, входящие в топ-10 по рейтингу собранных премий.

Суммируя доли влияния банков по двум проверяемым гипотезам (14% – по одной и 81% – по другой), получаем, что на данный момент банки воздействуют более чем на 90% страхового рынка.

При характеристике структуры страхового рынка мы показали наличие явной тенденции к росту концентрированности рынка: от совершенной конкуренции к монополизированной. Опираясь на работу Е.В. Городянку, Ю.А. Тарасовой, можно предположить, что, выдерживая такие темпы, рынок будет двигаться к олигополии. Подтверждением является рост значений индексов концентрации и Херфиндаля-Хиршмана, а также ужесточение законодательства, особенно в части увеличения минимальной величины уставного капитала страховой компании, ее собственных средств и резервов. Усиление концентрации с явным стремлением к олигополизации рынка страхования, возможно, было спровоцировано вступлением России в ВТО в 2012 г., что стало катализатором проведения санации банковского и страхового секторов и очистку рынка от мелких и неустойчивых организаций.

Доказывая гипотезы в нашем исследовании и основываясь на двух публикациях [Ross, 2001; Городянку, Тарасова, 2017], мы можем утверждать, что Россия является страной с банкоориентированной экономикой.

Литература / References

Городянку Е.В., Тарасова Ю.А. Анализ тенденции к олигополизации на российском и европейском страховых рынках // По результатам 17-й Апрельской научной

конференции «Проблемы экономического и социального развития». СПб.: НИУ «Высшая Школа Экономики», 2017.

Tarasova, Ju., Gorodianko, E. (2017). *Bankruptcy of insurance companies as an instrument of oligopolization of the Russian insurance market*. According to the results of the 17th April international scientific conference on economic and social development. SPb.: Higher School of Economics. (In Russ.).

Altman, E. I., Hotchkiss, E. (2006). *Corporate Financial Distress and Bankruptcy*. New Jersey, Canada: John Wiley & Sons, Inc., 354 p.

Focarelli, D., Pozzolo, A.F. (2008). Cross-border M&As in the financial sector: Is banking different from insurance? *Journal of Banking & Finance*. No. 32. Pp. 15–29.

Herfindahl, O.C. (1950). “Concentration in the steel industry”. *Dissertation: Columbia University*. Retrieved 2015–04–06.

Ross, L. (2001). Bank-Based or Market-Based Financial Systems: Which is Better? *Carlson School of Management Journal*. No.10. Pp. 1–26.

Hirschman, A.O. (1945). National Power and the Structure of Foreign Trade. University of California Press. Available at: <https://dspace.gipe.ac.in/xmlui/bitstream/handle/10973/29303/GIPE-026809.pdf> (accessed: 15.04.2019).

Статья поступила: 18.06.2019.

Для цитирования: *Тарасова Ю.А., Хохлова Е.С.* Степень влияния банковского сектора на страховой рынок // ЭКО. 2019. № 12. С. 154–169. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-154-169.

For citation: *Tarasova, Yu.A., Khokhlova, E.S.* (2019). The Degree of Influence of the Banking Sector on the Insurance Market. *ECO*. No. 12. Pp. 154–169. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-154-169.

Summary

Tarasova, Yu.A., Cand. Sci. (Econ.), Khokhlova, E.S., Department of Finance of National Research University Higher School of Economics, Saint-Petersburg

The Degree of Influence of the Banking Sector on the Insurance Market

Abstract. The emergence of explicit control of banks over the insurance sector in recent years has become one of the most discussed topics in financial and scientific communities, but participants in the discourse have not as yet come to a consensus about the impact of such interaction on other sectors of the economy. Furthermore, it was noted that the number of insurance companies is rapidly falling. The objective of this study is to prove two working hypotheses that banks: 1) exert pressure on the insurance market 2) lead it to oligopolization with a high concentration of individual companies. Using the correlation, a comparative and quantitative analysis of the coefficients responsible for the type of structure of the insurance market, we managed to prove that the banking sector almost completely controls the insurance market, the process of establishing an oligopoly is taking place in the insurance market as a result of pressure from banks.

Keywords: *acquisition and merger; oligopoly; control of insurance market; insurance; banks; consolidation*

Вершины экономической мысли конца прошлого столетия. По мотивам книги Ю. П. Воронова «Нобелевские лауреаты по экономике (1997–2018)»

В.И. КЛИСТОРИН, доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск. E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru

Аннотация. Эта статья не является в полном смысле рецензией на книгу Ю. П. Воронова. Скорее это размышления о современном состоянии и тенденциях развития экономической науки, ее лидерах и аутсайдерах, языке науки и способах представления результатов. Отталкиваясь от текстов упомянутой книги, хочется ответить на ряд вопросов. Прежде всего, в какой мере обоснованы и насколько субъективны решения Нобелевского комитета при присуждении премий? Сюда примыкает вопрос о степени идеологизации и политизации экономической науки вообще и научного истеблишмента в частности. Показано, что, несмотря на значительные усилия по формированию подлинно объективной экономической науки, лишенной ценностных и идеологических моментов, устранить их не удастся. Экономисты пересматривают микроэкономические основы макроэкономической теории и уделяют большее внимание функционированию институтов и их влиянию на экономическую политику, экономический рост и дифференциацию благосостояния. Карьере ведущих ученых немало способствовало совмещение академической деятельности с практической работой и публицистикой.

Ключевые слова: Нобелевская премия; макроэкономика; экономическое поведение; экономическая теория; история экономической мысли; институты; экономическая политика; научная карьера

Предварительные замечания

Большинство лауреатов премии памяти Альфреда Нобеля, чья краткая биографическая справка и основные достижения приведены в книге Ю. П. Воронова [Воронов, 2019], получили признание Шведской королевской академии наук, Нобелевского комитета и, возможно, Банка Швеции только в XXI веке. Но их научные результаты были опубликованы много раньше. Такова политика Нобелевского комитета, который обычно не торопится с признанием заслуг того или иного ученого, до тех пор, пока не спадет шумиха вокруг их работ и не наберется достаточно подтверждений продуктивности и полезности идей и моделей, предложенных кандидатами. Каждую осень, когда обсуждение

номинантов на Нобелевскую премию вступают в решающую стадию, специалисты, да и не только они, пытаются угадать имя нового лауреата. Обычно в мировой экономической науке среди живущих можно насчитать 10–20–30 достойных кандидатов, и вопрос состоит лишь в том, в каком порядке они получают свою премию. Ну и, конечно, доживут ли они до этого признания своих заслуг.

С тех пор, как сформировалась большая наука и профессия академического ученого стала массовой, возникла проблема стратификации научного сообщества и его разделения на тех, чьи работы действительно меняют облик и направления развития науки, и всех прочих, которые в лучшем случае развивают чужие идеи, проводят эмпирическую проверку чужих моделей на другом статистическом материале или просто ведут прикладные исследования в интересах правительства или корпораций. Наверняка есть и такие, чья предельная производительность равна нулю или даже отрицательна.

Остроумное замечание Дж. Б. Шоу о том, что жизнь равняет людей, а смерть выдвигает выдающихся, никого не удовлетворяет. Хотя ученые работают для себя, коллег и единомышленников, широкое прижизненное признание им, мягко выражаясь, небезразлично. Тем более что это обычно означает и материальный достаток. Потому были созданы различные институты оценки достижений, в том числе и в экономической науке, что в определенной степени заменило институт научной репутации.

Во-первых, это наличие ученых степеней и званий, членство в различных академиях и научных обществах, должности в престижных университетах и консультационная деятельность при правительствах, международных организациях и т.п. Во-вторых, это так называемый наукометрический анализ, основанный на публикационной активности и индексах цитирования. Такой формальный и вроде бы объективный подход на самом деле часто дает искаженную картину, поскольку количество публикаций, и особенно ссылок на них, часто слабо коррелируют с качеством и, особенно, оригинальностью работ (см. высказывание Дж. Б. Шоу). Такой анализ полезен при выборе направления исследований, так как публикационная активность отражает интерес к тематике, но мало говорит о потенциальной продуктивности идей, новизне и оригинальности собственных разработок.

Поэтому, помимо государственных наград, появляются научные премии, самая престижная из которых – премия памяти Нобеля, учрежденная в 1969 г., а также некоторые другие, такие как премии Адама Смита или медаль Дж.Б. Кларка. В СССР существовала Ленинская премия за достижения в области науки и техники, она была присуждена лишь однажды, но за достижения в области экономики в 1965 г. Л.В. Канторовичу, В.С. Немчинову и В.В. Новожилову, что лишний раз характеризует как уровень развития экономической науки в советский период, так и отношение к ней руководства страны. У отечественной экономической науки в прошлом было много выдающихся свершений, но они относятся скорее к концу XIX и началу XX веков, т.е. до периода самоизоляции отечественной науки, триумфа «единственно верного учения» и чистки научных кадров [Клисторин, 2009. С. 82–89].

Потребность в стратификации научного сообщества и научном признании, обосновании актуальности и новизны собственных исследований и составлении обзоров по теме привели к росту спроса на различные базы данных по научным публикациям. Составляется множество различных национальных и международных рейтингов выдающихся ученых, призванных оценить важность вклада исследователей в отечественную и мировую науку. При этом следует помнить, что подобно тому, как деньги идут к деньгам, так и награды, и общественное признание явно имеют кумулятивный характер.

Наконец, по выражению М. Блауга, «если вы хотите оказать влияние на современную экономическую науку, вы должны быть в правильном месте в правильное время, а также вы должны публиковаться на правильном языке» [Блауг, 2009. С. 112]. Это означает, что лучше всего работать в престижном университете той страны, которая располагает первоклассной наукой, угадать действительно ключевые моменты экономической ситуации и ввести их в центр экономических дискуссий и публиковаться в ведущих журналах.

Указанное высказывание относится к Михаилу Клецкому, который вошел в число великих экономистов XX века вопреки, по крайней мере, двум из этих условий. А вот Яношу Корнай не так повезло, хотя он публиковался на английском языке и даже номинировался на премию.

Публикации в ведущих изданиях и на доминирующем языке действительно важны. Иначе вы рискуете в лучшем случае войти в историю науки. Так, о Г. Госсене мы знаем только потому, что его книгу «Эволюция законов человеческого взаимодействия», опубликованную в 1854 г., Л. Вальрас обнаружил в 1887 г. Длинные циклы Н. Кондратьева получили свое название только потому, что немецкое издание его брошюры 1925 г. нашел Й. Шумпетер в 1934 г. Так что элемент везения тоже присутствует.

Собственно о книге Ю. П. Воронова

По жанру указанная книга представляет собой сборник статей, каждая из которых посвящена творчеству лауреата или лауреатов премии памяти Нобеля, полученных в определенном году. Эти статьи были ранее опубликованы автором в отечественных журналах, в частности в «ЭКО». Ю. П. Воронов не единственный, кто предпринимал тяжелый труд познакомить отечественного читателя с достижениями мировой экономической мысли через учебники, рецензии и обзоры достижений и заслуг нобелевских лауреатов по экономике. В качестве примера можно сослаться на публикации в журналах «Вопросы экономики» и других, специализирующихся на статьях по экономической теории. Разумеется, сведения о лауреатах можно почерпнуть и из Википедии. Кроме того, представление о работах нобелевских лауреатов и их достижениях можно найти в различных книгах и учебниках по истории экономической мысли. Но Юрий Петрович, видимо, один из немногих, кто попытался соединить в одной книге эти эссе и сконцентрировать все свое внимание на достижениях конкретных ученых безотносительно проблемы общего направления развития экономической науки и представить лауреатов в хронологическом порядке присуждения премий.

Свою научную задачу автор формулирует очень скромно, а именно: «сформировать мост, объединяющий отечественные экономические исследования с аналогичными, которые ведутся в других странах». Но сверх того ему удалось показать красоту экономических идей и теорий, построенных на их основе.

Эти статьи объединяют не только популярное изложение главных достижений нобелевских лауреатов и единая структура отдельных эссе, но и нечто большее, поскольку при чтении прослеживается развитие взглядов автора на профессию экономиста.

За более чем двадцатилетний период изменилась сама экономика, вкусы и предпочтения людей, институты и инструменты, определяющие возможности принятия решений на различных рынках, приоритеты и возможности государственных структур и т.д. Кроме того, был накоплен огромный опыт, как позитивный, так и негативный, использования различных теоретических, политических и идеологических концепций развития государства и общества. Несомненно, другим стало и соотношение сил на мировых рынках и в мировой экономической системе, возникли новые союзы и коалиции, новые зоны конфликтов и новые инструменты их разрешения. Существенно изменилась сама экономическая наука. Многое из того, что двадцать лет назад считалось авангардом, превратилось в классику и вошло в базовые вузовские учебники. Наверное, с учетом дополнительно накопленного жизненного опыта и меняющихся условий изменился и сам автор, и его читатели.

По этой книге можно судить не только о прогрессе экономической науки и изменении приоритетов экономических исследований, но и в большей степени – об эволюции идеологических доктрин и используемого аналитического аппарата, эволюции институтов образования и науки и даже самого понятия «экономическая наука».

Важным достоинством книги являются простота и популярность изложения основных идей, концепций, теоретических моделей и прикладных результатов крупных ученых. Обычно такая доступность изложения материала, особенно работ, использующих сложный экономико-математический инструментарий, т.е. изложение базовых идей, лежащих в основе любой работы, требует значительных усилий и времени. Кроме того, любая наука, включая и экономику, формирует собственный язык, с которым обычно знакомятся в университете, причем далеко не в каждом. Трудности у автора вызвало то обстоятельство, что многие термины не были адекватно переведены на русский язык или, что еще хуже, переведены формально и потому не передают смысл сказанного («текущее управление и распоряжение» ((С. 218) - governance; «двухслойный рынок» (С. 308) - two-side market и т.д.). Приятно, что в большинстве случаев автору удалось успешно преодолеть эти сложности.

Несомненным достоинством книги является то, что Ю. П. Воронов, характеризуя идеи и достижения того или иного лауреата, обращается часто к достижениям предшественников, иногда уходя далеко в глубь истории экономической мысли. Это позволяет читателю ощутить некое единство экономической науки и оценить оригинальность вклада конкретного ученого.

Обращают на себя внимание попытки в некоторых главах (статьях) вписать творчество нобелевских лауреатов в исторический и даже экономико-политический контекст. Это видно при обсуждении сюжетов, касающихся поведенческой и экспериментальной экономики, истории с отказом в присуждении премии Джоан Робинсон и награждением Роберта Барро и т.д. Автор показывает, что, несмотря на постоянные попытки построить позитивную и одновременно реалистичную экономическую теорию, свободную от идеологических установок и эмоциональных моментов, избежать политических пристрастий пока не удалось ни нобелевским лауреатам, ни самому Нобелевскому комитету.

Важным отличием обсуждаемой работы от подобных статей и обзоров является частое упоминание возможности применения моделей и, особенно, выводов и рекомендаций нобелевских лауреатов к исправлению российской действительности, анализу допущенных ошибок и выработке позитивной программы действий.

Отдельные статьи украшают сюжеты, взятые из личного научно-исследовательского и хозяйственного опыта автора, многочисленные параллели между зарубежными и отечественными работами. Попутно обсуждается вопрос о причинах отставания отечественной экономической науки от мировой. Сама по себе эта тема требует отдельного изучения и осмысления. Неизбежная краткость в изложении материала создает ощущение некой вторичности этих сюжетов, но на самом деле они значимы и для автора, и для его читателей. Его взгляды на проблему и сама тональность подачи материала (что крайне важно) достаточно оригинальны. Поэтому размышления о развитии отечественной экономической науки являются важной частью критического и творческого развития идей лауреатов, что делает обсуждаемую книгу живой.

Наконец, Ю. П. Воронов много пишет о позитивных моментах в отечественной экономической истории в части наработки и апробации механизмов и инструментов государственной политики,

которые вопреки системе в целом позволяли микшировать многие негативные последствия централизованной плановой экономики и экономической политики.

Как и любую работу, обсуждаемую книгу можно и нужно критиковать. Прежде всего, это продолжение основного достоинства очерков – краткость, что является и главным ее недостатком. Так и хочется указать на излишнюю лапидарность в описании достижений лауреатов, а также на то, что некоторые важные их результаты остались не отмеченными или слегка обозначенными.

Поэтому отмечу лишь, что история с кривой Филлиписа [Воронов, 2019. С. 159–161] могла быть описана более точно¹. Равно как и теория (правильнее, с моей точки зрения – гипотеза) рациональных ожиданий. И, особенно, ее оценка как фантома [Воронов, 2019. С. 266]. Впрочем, если придерживаться взглядов М. Фридмана на теорию как некий язык и потому являющуюся лишь техникой мышления, не имеющей реального содержания, то Ю.П. Воронов прав, поскольку все понятия и гипотезы в экономической теории можно рассматривать как удобные фикции².

Представляется, что пример шоковой терапии в России не очень удачен, так как правительство ничего не говорило о своей экономической программе, кроме аморфных тезисов о необходимости либерализации цен и приватизации. Даже указ о свободе торговли запоздал по сравнению с другими решениями и имел других авторов, помимо младореформаторов из правительства. Да и потом правительство действовало скорее ситуативно, нежели стратегически. Прав автор, когда обвиняет разросшийся государственный аппарат в постоянном изменении правил игры, что провоцирует рост неопределенности и недоверия в обществе и деловых кругах, но объясняется это не только креативностью чиновничьей массы, но и вполне рациональными их корыстными интересами. В главе о Ж. Тирроле излишне много внимания уделено проблеме последней мили, что явно отражает субъективные интересы автора [Воронов, 2019. С. 310–319].

Перечень замечаний можно было бы продолжать, но это не означает, что мои замечания и оценки были бы бесспорны.

---

¹ Замечательно емкое изложение «судьбы» кривой Филлиписа представлено в статье Стюарта И. [Панорама..., С. 16.]

² Такой «удобной фикцией» является вызывающее столько споров понятие экономического человека (*homo oeconomicus*).

Наверняка со временем появятся новые прочтения тех же самых книг и статей нобелевских лауреатов, подобно новым прочтениям «Общей теории» Дж. М. Кейнса, все новым интерпретациям литературного наследия не только М. Фридмана или Ф. Хайека, но и Маркса или даже Мальтуса и Рикардо.

Автор заканчивает эссе некой классификацией работ лауреатов, основанием для которой служит разделение на тех, кто посвятил главное внимание развитию инструментальных методов, и тех, кто исследовал психологические аспекты экономического поведения. Одновременно он демонстрирует, что два направления современной экономической мысли, а именно: неоклассика и различные варианты неоинституционализма – одинаково дороги экспертам Нобелевского комитета, и между ними поддерживается определенный баланс. Представляется, что в заключение следовало бы вынести некоторые дополнительные выводы, напрашивающиеся при прочтении основного текста. Например, о том, что важнейшие открытия сделаны на стыке наук. Прогресс в экономической науке во многом определяется ее империализмом, т.е. вторжением в такие области исследования, как политология, социология, психология, история, география и др. Попутно идет заимствование понятийного аппарата, моделей, данных и т.п. из других дисциплин.

При прочтении книги представляется важным и явно напрашивающимся вывод о том, что в экономике эпоха кабинетных ученых приходит к концу, и не случайно многие лауреаты прошли школу государственной службы, бизнеса и консультирования, что позволило им сформулировать и опубликовать свои работы, которые и стали основой признания их заслуг в виде Нобелевской премии. Однако обратное не кажется верным. Видимо, мир меняется слишком быстро для того, чтобы изучение трудов предшественников и анализ статистических данных были достаточны для генерации новых идей, и ничто не заменит метода включенного наблюдения для исследовательской работы. Необходимо подчеркнуть, что выдающиеся ученые, как правило, разносторонние личности. Если относиться к науке как к творчеству, то скрупулезный анализ колонок цифр или бесконечное решение одной задачи – плохой источник для вдохновения. Гораздо продуктивнее периодически менять тему исследования, место работы и интересоваться тем, что происходит в других областях науки.

Все эти замечания и рассуждения призваны подчеркнуть высокую оценку книги в целом. В конце концов, рецензент может оказаться столь же пристрастным, как и автор, опираться на иной круг литературных источников и по-иному оценивать те или иные эпизоды мировой и отечественной экономической истории и истории науки.

Представляется, что работа Ю.П. Воронова очень своевременна и полезна. Прежде всего, для студентов и аспирантов, поскольку она не только в сжатом виде знакомит их с достижениями мировой экономической науки (причем, уже апробированными), но и позволяет им выбрать темы и инструментарий для написания собственных работ³.

Еще один плюс обсуждаемой книги – это многочисленные замечания и соображения о том, что следовало бы поменять в организации отечественной науки вообще и экономической в частности, для того чтобы она составила достойную конкуренцию зарубежным исследованиям.

Об истории экономической мысли

Жанр очерков, включающих жизнеописание великих ученых, изложение их взглядов и перечень достижений традиционны для истории экономической мысли. Так построены большинство учебников и книг от М.И. Туган-Барановского [Туган-Барановский, 1903] до Е.М. Майбурда [Майбурд, 1996] и от Б. Селигмена [Селигмен, 1968] до М. Блауга [Блауг, 1994], которые, несмотря на все несходство их политических и научных взглядов и оценок выбрали такой подход к описанию достижений и провалов различных концепций и научных школ. История экономических теорий в большинстве случаев излагается персонифицированно, что вполне оправданно, поскольку все экономические теории имеют своих авторов, а все идеи были кем-то когда-то высказаны впервые. Наверное, это не совсем и не всегда правильно, поскольку отдельные ученые возглавляли коллективы, имели соавторов, им помогали их ассистенты, коллеги и критики. Но в истории науки эти немаловажные аспекты просто опускаются. Признание того

---

³ К сожалению, нынешние студенты, приходя к преподавателю, часто получают тему, над которой работает или работал шеф. Это исключает такой элемент творчества, как выбор темы исследования, и делает человека узким специалистом еще до того, как он им стал.

факта, что развитие науки определяется творчеством великих ученых, т.е. лидеров, не отменяет важности существования научной массовки, поскольку множество безвестных исследователей не просто используют, проверяют и перепроверяют чужие теории и модели, но выявляют их потенциальные достоинства и недостатки и тем самым определяют ограниченность каждой теории.

Предпринимались попытки изложить историю экономической мысли в строго хронологическом порядке и связать ее с экономической историей. Й. Шумпетер сосредоточил свое внимание на истории экономического анализа как «научного компонента экономической мысли» и попытался представить развитие экономической науки как результат прогресса в технике анализа. Но ему не удалось полностью реализовать этот замысел. Отчасти выход из этой парадигмы реализуется в виде обзоров достижений экономической мысли, примером которых является сборник статей под редакцией Д. Гринзэуэй и др. [Панорама..., 2002].

По своей научной направленности книга Ю. П. Воронова относится именно к истории экономической мысли, интерес к которой растет, несмотря на скептическое отношение к ней со стороны многих ученых и практиков, считающих, что история экономических теорий не более чем собрание артефактов, и часто цитирующих намеренно провокационное замечание Артура Пигу, охарактеризовавшего историю экономической теории как собрание «ошибочных мнений умерших людей» [Курц, 2008. С. 4].

Но история экономических теорий позволяет глубже их понять. Теории, в том числе и особенно в общественных науках, никогда не исчезают бесследно. Столкнувшись с новыми оригинальными исследованиями, следует прежде всего выявить их исторические корни и понять действительную оригинальность. «Развенчанные идола снова могут стать богами», хотя, как правило, ненадолго. А исторический подход, заменяющий вопрос «что это?» на вопрос «как это произошло?», позволяет выявить преемственность экономической мысли и те изменения, которые произошли не только в науке, но и в самой экономической жизни, понять внутреннюю логику теорий, исходные положения и гипотезы, лежащие в их основе, и, следовательно, их ограниченность. Наконец, это просто интересно.

Как заметил Х. Курц, «История экономической науки существует, более того, она никогда не кончится: хорошо это или плохо,

но старые идеи и концепции по-прежнему с нами... Призраки прошлого все еще прекрасно себя чувствуют. Утверждение о том, что экономическая наука в целом успешно переросла период невежества и имеет дело только с идеями и концепциями, причем как первые, так и вторые истинны и плодотворны, является просто мифом, который обслуживает как корыстные интересы, так и недавно появившуюся заинтересованность совершенно иного толка» [Курц, 2008. С. 9]. Книга Ю.П. Воронова дополняет и расширяет историю экономической мысли, поскольку включает в нее сюжеты и персоналии, не попавшие в учебники.

О состоянии экономической науки

Экономическая наука представляет собой комплекс или, как выразился Г. Делепляс [Делепляс, 2000. С. 5], ансамбль теорий, посвященных исследованию взаимосвязанных социальных проблем: это теория богатства, теория принятия решений, в условиях ограниченных ресурсов, теория экономического поведения, теория экономической политики, т.е. тех принципов и ограничений, на основании которых строится принятие решений, и многих других. Экономическая наука развивается очень быстро, и знакомство с новыми идеями ценится высоко, а их сопоставление в одной работе заставляет задуматься об ограниченности нашего знания и стимулирует творческий поиск.

Экономика и наука о ней, несомненно, меняются. Но каковы темпы и, главное, направление этих изменений? Здесь наблюдается оживленная дискуссия. С одной стороны, о необычайно быстром прогрессе в экономической науке и плодотворной работе профессиональных экономистов высказался С. Гуриев [Гуриев, 2008]. С другой – явно провокативно звучит название известной статьи О. Бланшара⁴. В этих и многих других исследованиях приводятся как нерешенные проблемы, так и возможности дальнейшего продвижения в рамках общепринятой парадигмы.

Следует отметить, что экономические проблемы действительно порождают сомнения в достижениях нашего понимания экономических процессов, и каждый финансово-экономический кризис обычно приводит к появлению обширного перечня публикаций

---

⁴ Бланшар О. Что мы знаем о макроэкономике, чего не знали Фишер и Виксель? URL: <http://kzref.org/chto-mi-znaem-o-makroekonomike-ehogo-ne-znali-fisher-i-viksel.html>

с общим названием «О новой парадигме экономической науки». Но критике, как правило, подвергаются не действия политиков и общественные настроения, а ученые и наука в целом.

Однако наблюдаются и удивительная преемственность и адаптивность экономической науки. Несмотря на критику, такие принципы неоклассической теории, как рациональность и максимизирующее поведение индивида, равновесие, производственные функции, «законы» спроса и предложения, неизменно остаются. Сошлемся на А. Маршалла: «Экономическая наука – это такая наука, которая развивается и должна развиваться постепенно и непрерывно. На первый взгляд некоторые лучшие труды современных авторов вступают в противоречие с работами их предшественников. Между тем, когда эти новые исследования со временем становятся на свои места, а их критическая острота снимается, то оказывается, что в действительности они отнюдь не нарушают преемственность процесса развития. Новые доктрины лишь дополняют старые, когда исправляют их, по-новому расставляя акценты, но очень редко ниспровергают их» [Маршалл, 1993. С. 45].

Дело в том, что неоклассическая теория показала способность интегрировать, казалось бы, чужеродные элементы и включать все новые гипотезы в основное тело науки. В результате возникает синтез теорий.

Примером может служить кейнсианство, соединившее маржинализм с теорией ожиданий и представлениями о коллективных институтах. По сути, монетаризм объединяет ортодоксальную неоклассику с количественной теорией денег и теорией ожиданий, а новая классика дополняет неоклассику гипотезами рациональных и адаптивных ожиданий. Можно утверждать, что практически все последние разработки представляют собой попытки включения в общую модель различных гипотез, разработанных в рамках институционального направления.

В заключение сформулируем выводы, которые прямо не следуют из книги. Прежде всего, это то, что меняется сама профессия экономиста: размывается грань между теоретическими и прикладными исследованиями, а также между экономикой и другими науками.

В экономических исследованиях все большее внимание уделяется государственной политике и ее объяснению с позиций

институционального подхода, а также проблемам экономических реформ и транзиту экономических систем. Все чаще ученые обращаются к выяснению институциональных причин выбора той или иной экономической политики, и отсюда рост интереса к новой политической экономии. Кроме того, растет интерес к экономической истории и истории экономической политики.

У макроэкономики быстро меняется микроэкономический фундамент, и чистых макроэкономистов практически не остается.

Все больше работ посвящено проблемам неравенства, бедности и безработицы в развитых странах и вообще проблеме неравенства в глобальной экономике. Наконец, вечной остается проблема экономических измерений.

Остается дискуссионным и вопрос о языке науки. Стандартизация требований журналов к статьям привела к тому, что язык публикаций и человеческий язык все более расходятся. Более того, есть опасность, что научный жаргон может просто маскировать банальность результатов. А математика зачастую используется как форма риторики [Панорама., 2002. С. 71–73].

Здесь полезно вспомнить, что, согласно Д. Макклоски, язык экономики, как и язык всех прочих общественных и естественных наук, использует все риторические приемы современного разговорного языка, а потому должен оцениваться исходя из существующих литературных и эстетических стандартов, а не из так называемых «модернистских» критериев математической строгости, подкрепленной эмпирическими свидетельствами [Блауг, 2009. С. 371].

Стандартизация языка коррелирует со стандартизацией исследовательских задач, подходов, инструментария и, в конечном счете, со стандартизацией мышления. Великие экономисты нарушали эти стандарты и создавали свои собственные.

Литература

Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. Пер. с англ. /Науч. ред. и вст. ст. В.С. Автономова. М.: Вопросы экономики. 2004. 416 с.

Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб.: Экономикс. 2009. 384 с.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994. 687 с.

Воронов Ю.П. Нобелевские лауреаты по экономике (1997–2018). Новосибирск: Автограф, 2019. 384 с.

Гуриев С. Как изменит кризис мировую экономику и экономическую науку.
URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009/05/21/econom.html>.

Делеплас Г. Лекции по истории экономической мысли. Европейский подход.
Новосибирск: НГУ, 2000. 328 с.

Клисторин В. И. Лекции по истории экономической мысли: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Экономика» / Отв. ред. Г. М. Мкртчян; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2009. 106 с.

Курц Х. Куда идет история экономических учений: медленно движется в никуда? // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 5. Вып. 3. 21 с.

Майбурд Е. М. Введение в историю экономической мысли: от пророков до профессоров. М.: Дело; Вита-Пресс, 1996. 395 с.

Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Экономика, 1993. Т. 1. 350 с.

Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта: В 2-х т. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. 1, XVI + 668с.; Т. 2, XII + 337 с.

Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968. 600 с.

Туган-Барановский М. И. Очерки из новейшей истории политической экономии. СПб.: Изд. журнала «Мир божий», 1903. 434 с.

Шумпетер Й. История экономического анализа: в 3-х т. Пер. с англ./ Под ред. В. С. Автономова. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 1. 496 с.

Статья поступила 29.07.2019.

Для цитирования: *Клисторин В. И.* Вершины экономической мысли конца прошлого столетия. По мотивам книги Ю. П. Воронова «Нобелевские лауреаты по экономике (1997–2018)» // ЭКО. 2019. № 12. С. 170-184. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-12-170-184.

Summary

Klistorin, V.I., *Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk State University, Novosibirsk*

Pinnacles of Economic Thought of the End of Last Century.

Inspired by the Book “Nobel Prize Winners in Economics (1997–2018)” by Voronov, Yu. P.

Abstract: The paper is not a review of the book written by Yu. P. Voronov in the proper sense of the word. Rather, it is more of a reflection on the current state and trends in economics, its leaders and outsiders, the language of this science and ways of presenting its results. Based on texts of the book I want to answer a few questions. First of all, to what extent the decisions of the Nobel Committee in awarding prizes are justified or based on subjective judgement. Another related question is a degree of ideologization and politicization of economics in general and especially that of the scientific establishment. The paper shows that despite considerable efforts to form a truly objective economic science devoid of values and ideological bias such aspects could not be eliminated. At present, economists revise microeconomic foundations of macroeconomic theory and pay great attention to operation of institutes and what

impact they have on economic policies, economic growth and wealth differentiation. Careers of leading scientists often profited from combining academic activity with practical work and journalism.

Keywords: *Nobel Prize; macroeconomics; economic behavior; economic theory; history of economic thought; institutions; economic policy; scientific career*

References

Blaug, M. (1994). *Economic theory in retrospect*. Cambridge, Cambridge University Press. Moscow, Delo Publ. 720 p. (In Russ.).

Blaug, M. (2004). *How Economists Explain*. Ed. by V.S. Avtonomov, Moscow. *Voprosy ekonomiki*, 416 p. (In Russ.).

Blaug, M. (2009). *Great Economists before Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past*. St. Petersburg, Ekonomikus Publ. 384 p. (In Russ.).

Deleplace, G. (2000). *Lectures on the History of Economic Thought: European Approach*. Novosibirsk. NSU Publ. 328 p. (In Russ.).

Guriev, S. How the Crisis Change the World Economy and Economics. Available at: <http://www.polit.ru/lectures/2009/05/21/econom.html>. (In Russ.).

Klistorin, V.I. (2009). *Lectures on History of Economic Thought*. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ. 106 p.

Kurz, H.D. (2008). Where History of Economic Thought Moves: Slowly to Nowhere? *Vestnik of Saint-Petersburg University*, Ser. 5. Vol. 3. 21 p. (In Russ.).

Maiburd, E.M. (1996). *Introduction to History of Economic Thought: from Prophets to professors*. Moscow. Delo-Vita-Press Publ. 395 p. (In Russ.).

Marshall, A. (1993). *Principles of Economics*, Moscow, Ekonomika Publ. Vol. 1. P. 45. (In Russ.).

Panorama of Economic Thought in the End of the XX Century. (2002). Ed. by Greenway D., Blini M., Stewart I., in 2 vol., Saint-Petersburg, Ekonomicheskaya Shkola Publ. Vol.1, XVI + 668 p. Vol. 2, XII + 337 p. (In Russ.).

Schumpeter, J. (2004). *The history of economic analysis*. In 3 vol. Vol. 1. P. 496. Ed. by V.S. Avtonomov, St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ. (In Russ.).

Seligman, B. (1968). *Main Currents in Modern Economics*, Moscow, Progress Publ., 600 p. (In Russ.).

Tugan-Baranovskii, M.I. (1903). *Essays on the Contemporary History of Political Economy*. St. Petersburg, Mir Bozhii Publ. 434 p. (In Russ.).

Voronov, Yu.P. (2019). *Nobel Prize Winner in Economics (1997–2018)*. Novosibirsk, Avtograf Publ. 384 p.

For citation: Klistorin, V.I. (2019). Pinnacles of Economic Thought of the End of Last Century. Inspired by the book “Nobel Prize Winners in Economics (1997–2018)” by Voronov, Yu.P. *ECO*. No. 12. Pp. 170-184. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO131-7652-2019-12-170-184.

Указатель статей и материалов, опубликованных в 2019 г.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

О сопричастности	1
Выявить, донести, реализовать. Институту исследования Сибири – 100 лет	2
Тепло и рынок	3
Слабеющий скреп пространства	4
Забайкальский «коктейль»	5
Медицина периода стресс-тестов	6
Неустойчивая пирамида	7
Пенсия на доверии	8
Страсти вокруг котельной	9
Объект и образ	10
Лес и спички	11
Традиции и информация	12

ТЕМЫ НОМЕРОВ:

ДЕЛИТЬ НЕЛЬЗЯ РАЗВИВАТЬ

ЗУБКОВ К.И. Ранняя колонизация Сибири: смыслы и уроки истории	1
КЛИСТОРИН В.И. «Сибирь как колония». Взгляды Н.М. Ядринцева на проблемы и перспективы освоения Сибири	1
ДМИТРИЕВА Т.Е., БУРЫЙ О.В. Опорные зоны развития Российской Арктики: содержание, рейтинги и проекты	1
ЕРОХИНА Е.А. Сибирь как объект внутренней колонизации: воспроизводство отдельности и конструирование целостности	1

СКОВАННЫЕ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ

ГАСАНОВ М.А., ЖИРОНКИН С.А., ГУЗЫРЬ В.В., ЖАВОРОНОК А.В. Структурно- циклический подход к технологическому обновлению российской экономики	2
ЩЕРБАКОВА Л.Н. Структурные деформации как компонент инновационного развития	2
БЕЛОКРЫЛОВА О.С. Инновационная реструктуризация региональной экономики (на примере Ростовской области).....	2
ЕФРЕМЕНКО В.Ф. Региональная инновационная система как инструмент опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России.....	2

КАК РАЗМОРОЗИТЬ РЫНОК ТЕПЛОЭНЕРГИИ?

СТЕННИКОВ В.А., ПЕНЬКОВСКИЙ А.В. Теплоснабжение потребителей в условиях рынка: современное состояние и тенденции развития	3
--	---

НАЙДЕН С.Н., ДЁМИНА О.В. Реформа теплоснабжения: последствия для дальневосточных потребителей	3
НЕФЁДКИН В.И., ФАДЕЕВА О.П., ГИНЗБУРГ Д.Р. Концессии в теплоснабжении: инвестиции вместо субсидий	3
БУХАРОВ С.В. «Альтернативная котельная» как механизм решения существующих проблем теплоснабжения	3
КАЛИМУЛЛИН Л.В. Основные тенденции и сценарии развития мировой энергетики	3

НЕТ РАБОТЫ – НЕТ СЕЛА

ГУМЕРОВ Р.Р. Государственная программа развития сельского хозяйства: амбиции и реалии	4
АЛЕКСЕЕВ А.И., САФРОНОВ С.Г., САВОСКУЛ М.С., КУЗНЕЦОВА Г.Ю. Основные тенденции эволюции сельского расселения России в XX – начале XXI вв.	4
НЕФЁДОВА Т.Г. Сельская местность на удаленных подступах к Москве	4
ФАДЕЕВА О.П. Сибирское село: от формального самоуправления к вынужденной самоорганизации	4
НИКУЛИН А.М. Марс индустриальный и Москва крестьянская: сопоставляя утопии А. А. Богданова и А. В. Чаянова	4

РОЗА ВЕТРОВ ЭКОНОМИКИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

БЕЗРУКОВ Л.А. Территориальная структура хозяйства и населения Байкальского региона: особенности, тенденции, перспективы	5
АНТОНОВА Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: есть ли задел под будущее развитие?	5
ГЛАЗЫРИНА И.П., ФАЛЕЙЧИК Л.М. К вопросу о сохранении человеческого капитала на Востоке России: жизнь учителя и врача после «майских указов»	5
ЗАБЕЛИНА И.А., ДЕЛЮГА А.В. Эколого-экономические тенденции в Байкальском регионе и на Дальнем Востоке в условиях институциональных изменений	5
СЫСОЕВА Н.М., КУЗНЕЦОВА А.Н. Байкальская природная территория в новой сетке макрорегионов Сибири	5

БОЛЕВОЙ СИНДРОМ

ЕРАХТИНА А.Д. Инвестиции в здравоохранение, продолжительность жизни и экономический рост	6
ВОЕВОДА М.И., ЧЕРНЫШЕВ В.М., СТРЕЛЬЧЕНКО О.В., МИНГАЗОВ И.Ф. Особенности состояния здоровья трудоспособного населения в Сибирском федеральном округе	6

ТАРАСЕНКО Е.А., ДВОРЯШИНА М.М. Рынок частной медицины в России: взгляд маркетолога	6
--	---

ОКОЛОБАЙКАЛЬСКИЙ СИНДРОМ

ДЕЦ И.А. «Переезд» на Дальний Восток – возможность качественного роста для Забайкалья?	7
МАКСЮТОВА Е.В., БАШАЛХАНОВА Л. Б., КОРЫТНЫЙ Л.М. Влияние современных температурных колебаний на хозяйственную деятельность населения в Байкальском регионе	7
ЛОМАКИНА Н.В. Стратегические приоритеты экономического развития и «ресурсная экономика» Дальневосточного макрорегиона	7
БЕЛОУСОВА С.В. Проблемы реализации современных тенденций пространственного развития в регионах Восточной Сибири	7

ЗАРОЙТЕ ВАШИ ДЕНЕЖКИ

ДЕМЕНТЬЕВ Н.П. Пенсионная система в современной России: реформа за реформой... ..	8
ФАТХЛИСЛАМОВА Г.Ф. Конкуренция на сегменте коллективного инвестирования средств пенсионных накоплений	8
ВЛАДИМИРОВА Т.А., ХАЛТУРИНА О.А. Нормативно-правовые риски и стабильность негосударственных пенсионных фондов России	8
ТАГАРОВ Б.Ж. Экономические причины эйджизма на рынке труда	8

ТЕПЛО И РЫНОК – УЙТИ ИЛИ ОСТАТЬСЯ

ЛЮБИМОВА Е.В. Электроэнергетика: экономические оттенки российских трендов	9
СЕМИКАШЕВ В.В. Теплоснабжение в России: текущая ситуация и проблемы инвестиционного развития	9
СТЕННИКОВ В.А., ПЕНЬКОВСКИЙ А.В. Проблемы российского теплоснабжения и пути их решения	9
КОСОГОВА Е.А. Инвестиционная революция в тепле. Рубцовская модель	9
ТОЛСТОЛЕСОВА Л.А., ВОРОБЬЕВА М.С., ЮМАНОВА Н.Н. ГЧП-фактор развития энергетики: международный опыт и практика России	9
«Прямая речь»: из выступлений участников круглого стола	9

СЕМЕНА «ЛУКАВЫХ ЦИФР»

МОЛЯРЕНКО О.А. Формирование государственной статистики: взгляд «снизу»	10
САМУСЕНКО С.А. Учетно-аналитические процессы: от вуалирования отчетности до вывода капиталов	10
ЮАГУЗИН В.В., ВИННИК М.В. Проблемы качества статистики смертности в России	10

АЛЕКСЕЕВ М.А., ГЛИНСКИЙ В.В., СЕРГА Л.К. Взаимосвязь нарушений экологического законодательства и вероятного искажения финансовой отчетности	10
---	----

ЛЕС, ОБЩЕСТВО, ПОЖАРЫ

ПОРФИРЬЕВ Б.Н. О мнимой и реальной экономической эффективности борьбы с лесными пожарами в Сибири	11
ПЫЖЕВ А.И., ВАГАНОВ Е.А. Роль российских лесов в реализации Парижского климатического соглашения: возможности или риски?	11
БЛАМ Ю.Ш., МАШКИНА Л.В. Проблемы и перспективы развития лесного хозяйства и лесозаготовительной промышленности	11

УПРАВЛЕНИЕ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

ШВЕЦОВ А.Н. От «электронного правительства» к «цифровому государству»: смысл и последствия новаций	12
КАПОГУЗОВ Е.А., РЕВЯКИН С.А. Электронное общественное участие в России: технология или институт, соло или дуэт?	12
КОРЧАГИНА И.В., СЫЧЁВА- ПЕРЕДЕРО О.В., КОРЧАГИН Р.Л. Чем различаются инновационные экосистемы регионов-лидеров и аутсайдеров?	12

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ РЕАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

БАЖАНОВ В.А., ОРЕШКО И.И. Обработывающие производства России: санкции, импортозамещение	1
ЕФИМОВ В.С., ЛАПТЕВА А.В., ОБОРИН Л.А. Перспективы технологического развития сектора машиностроения в Красноярском крае (форсайт-исследование)	1
ЛУГАЧЁВА Л.И., МУСАТОВА М.М. Инициативы регионального машиностроения на фоне реиндустриализации (на примере Новосибирской области)	1
КРЮКОВ В.А., ТОКАРЕВ А.Н., ШМАТ В.В. Проблемы российской «нефтянки» через призму бензоколонки	3
КОРОДЮК И.С., ГРИНЕВ Д.М. Кто возьмет попутный груз? Исследование рынка грузовых услуг российских пассажирских авиакомпаний	5
АНУРЕЕВ С.В. Сравнительный анализ бюджетно-налоговых отношений в нефтяной отрасли США, Канады, Великобритании и России	5
ЕФРЕМОВА А.А., ДАГАЕВ А.А. Приоритеты формирования экспортно ориентированной стратегии развития отрасли (на примере птицеводства)	10
ЧУРАШЕВ В.Н., МАРКОВА В.М. Остаться нельзя уйти: к вопросу о развитии угольной генерации в России	11

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

БЕЛОВА Т.Н. Ситуация на рынке продовольствия: новые сигналы и старые проблемы	1
---	---

РАДЧЕНКО Т.А., ВОЛКОВ А.Ю., БАННИКОВА К.А. (СУХОРУКОВА) Параллельный импорт в России: области защиты, риска, потенциала	1
КОРНЕЙЧУК Б.В. Влияние кризиса на здоровье населения Санкт-Петербурга и цели социальной политики	1
МИХАЙЛОВСКАЯ Д.С., ШМАТ В.В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд пятый	2
НОВИКОВ А.В., НОВИКОВА И.Я. Экономический рост и инвестиционная деятельность в России: прогнозы и реальность	2
АСКАНОВА О.В. Стратегические намерения государства в развитии сельхозмашиностроения	2
ОРЛОВА Ю.А. Оптовый рынок электроэнергии и мощности: возрождение регулируемого?	4
ПОДОБА З.С., МОЛДОВАН А.А., ФАИЗОВА А.А. Импортозамещение сельскохозяйственной продукции в России	7
ТАГАРОВ Б.Ж. Специфика экономики совместного потребления и условия ее развития	7
НОВОСЕЛОВ А.С., МАРШАЛОВА А.С. Формирование современной системы регионального и муниципального управления	8
КОНКИНА В.С. Экономическая доступность продовольствия в контексте проведения политики протекционизма	8
БАРАНОВ А.О., ГОРЕЕВ А.В. Оценка влияния национальных проектов на развитие экономики России с использованием динамической межотраслевой модели	10
БЫКАДОРОВ С.А., КИБАЛОВ Е.Б. Реформа железнодорожного транспорта России: «последняя миля»	11

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

КОТЛЯРОВ И.Д. Типовые бизнес-стратегии участников финансового рынка в условиях финансово-технологической революции	2
МАКЛАКОВА Ю.А. Проблемы и перспективы функционирования банковской системы в регионах России	8
ГОРДЕЕВ М.Н. Предикторы успешности краудфандингового проекта	8
КОЧЕРГИН Д.А., ЯНГИРОВА А.И. Цифровые валюты как новая форма денег центральных банков	10
ТАРАСОВА Ю.А., ХОХЛОВА Е.С. Степень влияния банковского сектора на страховой рынок	12

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ДУГАРЖАПОВА Д.Б. Уровень и качество жизни населения Республики Бурятия	3
РОИК В.Д. Пенсионные системы в странах СНГ: итоги преобразований и пути совершенствования	3

ШАГАЛОВ И.Л. Эффекты воспроизводства социальной инфраструктуры местными сообществами в России	4
СИНИЦА А.Л. Система дошкольного образования в Сибири: современное состояние и проблемы развития	6
КАНЕВА М.А., БАЙДИН В.Б. Неравенство в доходе и самооценка здоровья в России	12

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

ЛАВРОВСКИЙ Б. Л., ГОРЮШКИНА Е. А., ШИЛЬЦИН Е. А. Инвестиционный ресурс экономического роста: не только количество	12
ХЛОПЦОВ Д.М. Оценка стоимости земли как фактор софинансирования проектов развития городов и территорий	12

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

ВОРОНОВ Ю.П. В мире обратных связей (о Нобелевской премии по экономике 2018 г.)	1
ЭЗРОХ Ю.С. Рынок кредитных карт в России: мифы и реальность	2
ВАСЮТИНА Е.С., МАТРАЕВА Л.В., КОРОЛЬКОВА Н.А. Проблемы трансформации поведенческой модели поколения Z	3
ГИБАДУЛЛИН А.А., ПУЛЯЕВА В.Н., ХАРИТОНОВА Е.Н., ХАРИТОНОВА Н.А. Совершенствование территориальной электроэнергетической политики в моногородах России	6
БУХАРОВ С.В. Моногорода и энергетика – а если серьезно?!	6
НОВИКОВ А.В., НОВИКОВА И.Я. ВВП как стоимостной измеритель объема экономики и индикатор экономического роста	9
ФОМИН Д.А. Статистика национального богатства и экономическая наука	10
БЫКАДОРОВ С.А., КИБАЛОВ Е.Б. Реформа железнодорожного транспорта России: «последняя миля»	11
ТЕСЛЯ П.Н. Полезно ли импортировать в Россию «пожизненный наём»?	11

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

МАРКОВА В.Д. Платформенные модели бизнеса: подходы к созданию	5
ХЕЙФЕЦ Б.А., ЧЕРНОВА В.Ю. Зарубежные программы умной реиндустриализации: варианты для России	8

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

СУКНЁВА С.А., ПЕТРОВ К.А., БАРАШКОВА А.С., ПЕРК А.А. Ценность мяса якутской лошади для продления жизни человека на Севере	5
КОМБАРОВ В.Ю. Факторы становления инженеров промышленных предприятий субъектами труда (социологический портрет)	6
БЮРАЕВА Ю.Г. Какая связь между демографическим потенциалом и экономическим развитием Республики Бурятия	6

ПЛЮСНИН Ю.М. Российское отходничество: вехи многовековой истории 11

ТРАНСГРАНИЧНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

СЮЭЦЮ ЛЯН Китайско-российское сотрудничество в сфере высшего образования в контексте инициативы «Один пояс – один путь» 3
 МАКАРОВ А.В., МАКАРОВА Е.В., МИХЕЕВА А.С. Внешнеэкономические связи Монголии: современная ситуация и проблемы развития 6

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИЯТИЯ

ЛЬВОВА О.А. Реабилитационный потенциал банкротства бизнеса: определить, измерить, увеличить 6

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ТЕСЛЯ П.Н. Государственно-частное партнерство в свете исторической ретроспективы 2
 СИМОНОВ Н.С. Экономико-географические особенности отечественной топливно-энергетической промышленности в историческом контексте 3
 АРТЕМОВ Е.Т. Мобилизация и конкуренция в советском атомном проекте 7
 КРАСИЛЬНИКОВ С.А. Инсценирующая диктатура: судебный процесс «Промпартии» 1930 г. 7
 ФОМИН Д.А. Оценка национального богатства: советская история и постсоветская практика 8
 СИМОНОВ Н.С. Вопросы государственной энергетической политики в решениях Госкомитета обороны СССР (1941-1945 гг.) 9
 КУЗНЕЦОВ И.С. Новосибирский Академгородок: «оазис свободы» или «реликт сталинизма»? 11

ЭКОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА

ЗОРКАЛЬЦЕВ В.И., КУЗЕВАНОВА Е.Н. Есть такая наука «Байкаловедение» 3
 ТАГАЕВА Т.О., ГИЛЬМУНДИНОВ В.М., КАЗАНЦЕВА Л.К. Проблема накопления отходов в отраслях добывающей промышленности РФ 9
 БЛАМ И.Ю., КОВАЛЕВ С.Ю. Облесение и лесовосстановление как эффективные стратегии смягчения климатических изменений 10

ЭКОНОМИКА СИБИРИ

ПЛЯСКИНА Н.И., ХАРИТОНОВА В.Н., ВИЖИНА И.А. Станет ли кластерная активация импульсом развития регионов Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия) 4

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

МАКЕНОВ М.М. Совершенствование государственного регулирования социально-экономической дифференциации регионов России 4

АДЕЛЬФИНСКИЙ А.С. Деньги на телеграммы? Об экономическом эффекте международных спортивных событий	7
БЕКАРЕВА С.В., МЕЛЬТЕНИСОВА Е.Н., ГЕРРЕЙРО А. Уровень добычи нефти как фактор роста экономики Арктики (США, Аляска)	9
БУКИНА И.С., ОДИНЦОВА А.В., ОРЕХОВСКИЙ П.А. Эффективность регионального распределения человеческого капитала и экономическое развитие	12
ТУЛОХОНОВ А.К. О «Национальной программе развития Дальнего Востока»: реальность и миражи	12

ВЕРШИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

БОЛДЫРЕВА Т.Р., ВОРОНОВ Ю.П. Наш дорогой господин научный профессор. К 90-летию со дня рождения В.Н. Богачёва (1929-2019)	5
БОГАЧЁВ В.Н. Освоить бы накопленное	5

РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

ЕМЕЛЬЯНОВА Е.Е., ЧАПАРГИНА А.Н. Расходы муниципалитетов и доходы населения Российской Арктики	7
---	---

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

ТЕРЕЩЕНКО Д.С., ЩЕРБАКОВ В.С. Статистический анализ дифференциации российских регионов по уровню публикационной активности	9
--	---

КНИЖНАЯ ПОЛКА

КЛИСТОРИН В.И. Экономическая история России от Григория Ханина	9
КЛИСТОРИН В.И. Вершины экономической мысли конца прошлого столетия. По мотивам книги Ю.П. Воронова «Нобелевские лауреаты по экономике (1997-2018)»	12
Памяти В.В. Ивантера	10

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2019 г. ....

12

В следующих номерах вы прочтете:

Тема номера: Государственно-частное партнерство.
Российская специфика

- Инфраструктурное развитие региона на основе ГЧП: опыт Новосибирской области
- ГЧП как инструмент развития территории
- Государственно-частное или государственно-государственное партнерство?

А также

- «Блеск и нищета» ресурсных экономик. Экономическая систематика стран мира на основе ресурсных и нересурсных признаков
- Прожиточный минимум и оплата труда – реалии современной действительности и перспективы изменений
- Социальная триада устойчивого развития сельских территорий: демография – занятость – доходы
- Микрофинансовые организации в системе потребительского кредитования
- Проблемные вопросы учета пространственных характеристик региона в процессах межбюджетного выравнивания
- Рынок электромобилей – маховик раскрутился
- Из сибиряков в дальневосточники: широк простор и долгий путь
- Проблемы лесопользования в России в аспекте провального государственного управления (на примере Иркутской области)
- Управление интеллектуальным капиталом на предприятии ОПК

0131-7652. «ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).

E-ISSN 2686-7605

2019. № 12. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции: 630090 Новосибирск,

пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35;

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

© Редакция журнала «ЭКО», 2019. Выход в свет 31.12.19

Формат 84x108 1/32. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 360. Заказ 216.

ФГУП «Издательство СО РАН»

630090, г. Новосибирск, Морской проспект, 2